

АДМИНИСТРАЦИЯ МО «ПРИВОЛЖСКИЙ РАЙОН»
АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР НОГАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ЭДИГЕ»

НОГАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

**памяти основателя современного
этнокультурного движения астраханских ногайцев**

Рафия Утемухамедовича Джуманова

Выпуск 3

Астрахань 2015

УДК 94 (470=512.145) (082)
ББК 63.3 (29=632) я 4
Н 76

Редакционная коллегия:

Э.Ш. Идрисов (главный редактор), кандидат политических наук
Н.Х. Суюнова, доктор филологических наук
А.Х. Курмансеитова, кандидат исторических наук
С.А. Кукаева, кандидат филологических наук

Рецензенты:

М.М. Имашева, кандидат исторических наук
А.Р. Усманова, кандидат искусствоведения

Н 76

Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 3. Памяти основателя современного этнокультурного движения астраханских ногайцев Рафиля Утемухамедовича Джуманова. – Астрахань: Изд-во «Color», 2015. - 186 с.

Сборник составлен из статей ногаеведов России и Украины. Издание адресовано специалистам, изучающим историю и культуру ногайцев, а также всем, кто интересуется историей и культурой ногайцев.

ISBN 978-5-906461-08-7

© АООО МЦНК «Эдиге»

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

<i>Г.Г. Карнаухова</i> ОЧЕРК О КРАЕВЕДЕ РАВИЛЕ ДЖУМАНОВЕ	5
<i>Э.Ш. Идрисов</i> РАВИЛЬ УТЕМУХАМЕДОВИЧ ДЖУМАНОВ – ПЕРВЫЙ ЛИДЕР СОВРЕМЕННОГО ЭТНО- КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ НОГАЙЦЕВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ	8
<i>А.Х. Курмансеитова</i> РАВИЛЬ ДЖУМАНОВ О НОГАЙСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ ИЗ СЕРЕБРА (по данным полевых материалов)	13
<i>Н.Ш. Потеева</i> РАВИЛЬ КАХАМ В МОЕЙ ПАМЯТИ НАВСЕГДА	16
<i>Л.З. Иргалиева</i> ВКЛАД А.-Х. Ш.ДЖАНИБЕКОВА В СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОГАЙЦЕВ	20
<i>М.А. Булгарова, С. А. Кукаева</i> ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ	24
<i>А.К. Досмухамедов, Э.Ш. Идрисов</i> ГАЛИМЖАН НУГМАНОВ – СЫН ЗЕМЛИ КРАСНОЯРСКОЙ	27
<i>Р.Ш. Ишмухамбетов</i> РАСУЛ СЕИТОВ – СЕРДЦЕ И ДУША НОГАЙЦЕВ	30

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Э.Ш. Идрисов</i> К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ	35
<i>Р.В. Ишмухамбетов</i> ВНУТРЕННЯЯ (БУКЕЕВСКАЯ) ОРДА КАЗАХОВ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «СЛУЖИЛОСТИ» ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП В ЕЁ СОСТАВЕ: ОСНОВЫ СТАТУСА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (НАЧ. XIX - НАЧ. XX ВВ.)	41
<i>И.С. Капаев</i> К ИСТОРИИ СЕЛА ОРАК-ЭЛИ	48
<i>Д.С. Кидирниязов</i> ЭМИГРАЦИЯ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 50-60-е гг. XIX ВЕКА	62
<i>В.Т. Тепкеев</i> ПЕРВЫЕ КАЛМЫЦКО-НОГАЙСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА	72
<i>И.В. Тороницын</i> ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ЮРТОВЦЕВ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII В	77
<i>А.М. Элаева</i> РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В НОГАЙСКОМ РАЙОНЕ ДАССР В 1960-1985 годах	82

РАЗДЕЛ 3. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В.В. Грибовский</i> ДРУЖИНА В НОГАЙСКОМ ЭПОСЕ «ЭДИГЕ» И ВНЕ ЕГО	87
<i>Р.У. Джуманов</i> О ПЕСЕННОЙ И ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ	100
<i>Р.У. Джуманов, А.Д. Мусаев</i> РОДОПЛЕМЕНЕННОЙ СОСТАВ ЮРТОВЦЕВ ТАТАРСКОЙ БАШМАКОВКИ	103
<i>Ф.Ю. Каноква</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ВЫШИВКОЙ У НОГАЙЦЕВ	110
<i>З.З. Кузеева</i> ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО НОГАЙЦЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	115
<i>А.З. Межитов</i> К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАЯ У НОГАЙЦЕВ	119
<i>С.Б. Межитова</i> РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НОГАЙЦЕВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	124
<i>Р.А. Шугаипов</i> СЕКРЕТЫ НОГАЙСКОЙ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЫ ГУЛЬБАЛУ	126

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА

<i>А.И. Капланова</i> ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ НОГАЙЦЕВ В ФОЛЬКЛОРЕ (на материале похоронного обряда)	128
<i>С.А. Кукаева</i> ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕКСИКЕ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА	133
<i>Ф.А. Кусегенова</i> ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ 139 НОГАЙСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК	139
<i>Н.Х. Суюнова</i> ПОЭТИКА ПЬЕСЫ ИСЫ КАПАЕВА «МАСКАРАД ПО-НОГАЙСКИ»	145
<i>А.В. Сызранов, О.Б. Капланова</i> МАТЕРИАЛЫ ПО НОГАЙСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ ИЗ АРХИВА АСТРАХАНСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	156

РАЗДЕЛ 5. ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Р. Л. Нуралиев</i> «НОГАЙСКИЙ ТОТЕМ «КОБК БОБРИ» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»	161

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Подготовка этого выпуска совпала с уходом из жизни Равиля Утемухамедовича Джуманова, первого руководителя общества ногайской культуры «Бирлик», по этой причине мы решили посвятить выходящий в свет сборник его памяти. Равиль Джуманов стоял у истоков современного этнокультурного движения ногайцев в Астраханской области, много сделал как общественник для постановки работы в этом направлении. Все события в ногайской культуре с конца 1980-х гг. в нашем регионе были связаны с его именем. Мы предлагаем читателям несколько очерков, посвященных его жизни и творчеству (Г.Г. Карнаухова, Э.Ш. Идрисов, А.Х. Курмансеитова, Н.Ш. Потеева).

В 2014 году также не стало и Софьи Абдул-Хамидовны Калмыковой-Джанибековой. До последнего времени она была активной участницей мероприятий ногайской культуры в Астраханской области, ежегодно весной приезжала на Джанибековские чтения. Будучи дочкой ногайского просветителя Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова, она продолжила его дело в направлении тюркской филологии и лингвистики. Под ее руководством вышло много научных работ, посвященных ногайскому языку. В сборник вошла статья об ее жизни и творчестве, а также об его отце (М.А. Булгарова, С.А. Кукаева, Л.З. Иргалиева). Кроме этого мы включили в издание статьи о жителе села Малый Арал, создателе районного ногайского общества «Единение» Галимжане Нургалиевиче Нугманове (А. К. Досмухамедов, Э.Ш. Идрисов) и ногайском певце Расуле Муссовиче Сеитове (Р. В. Ишмухамбетов), тоже ушедших из жизни в 2014 году.

Интересная публикация подготовлена А.В. Сызрановым и О.Б. Каплановой на основе материала, собранного Р.У. Джумановым и бывшем на хранении в фонде Астраханского областного научно-методического центра народной культуры. В сборник вошел доклад Р.У. Джуманова на тему: «О песенной и танцевальной культуре ногайцев», с которым он последний раз выступил на Джанибековских чтениях, прошедших в Приволжском районе 18 апреля 2014 г., а также совместная статья Р.У. Джуманова и учителя истории А.Д. Мусаева по родоплеменному составу юртовцев.

Для публикации в этом ногаеведческом выпуске были подготовлены статьи по истории: Э.Ш. Идрисов об изучении астраханских ногайцев, Р.В. Ишмухамбетов рассмотрел тему служилых групп, в частности, ногайского происхождения в составе Внутренней (Букевской) Орды, Д.С. Кидирниязов представил материал об эмиграции ногайцев из России в Османскую империю в середине XIX века, В.Т. Тепкеев углубился в тему калмыцко-ногайских посольских контактов в начале XVII века, И.В. Торопицын рассмотрел вопрос об особенностях расселения юртовцев в Астраханской губернии в XVIII веке, А.М. Элаева – развитие культуры в Ногайской районе Дагестана в советский период.

Интересным получился этнографический раздел. Ногаевед из Украины В.В. Грибовский представил статью на материалах ногайского эпоса «Эдиге» о дружинной организации ногайцев. Ф.Ю. Канокова и З.З. Кузеева рассмотрели декоративное искусство ногайцев. А.З. Межитов на основе собственных наблюдений проанализировал культуру употребления чая у ногайцев, С.Б. Межитова рассмотрела развитие традиционной культуры на современном этапе, а Р.А. Шугаипов рассказал об традиционных секретах целительницы из поселка Кири-Кили города Астрахани.

В сборник вошли статьи по филологии, фольклористике и лингвистике. А.И. Капланова на материале похоронного обряда рассмотрела фольклорные основы практики ногайцев, Ф.А. Кусегенова проанализировала формы и содержание ногайских народных сказок, С.А. Кукаева отражение культуры земледелия в лексике ногайского языка, Н.Х. Суюнова сделала филологический анализ пьесы Исы Капаева «Маскарад по-ногайски».

В последний раздел сборника вошла статья молодого исследователя из с. Канглы Ставропольского края Р.Л. Нуралиева. Радмир, активист молодежного этнокультурного движения ногайцев, собиратель книг по ногайской истории. В этот раз на основе собранных материалов он решил порассуждать на тему ногайского тотема «Кокь боьри».

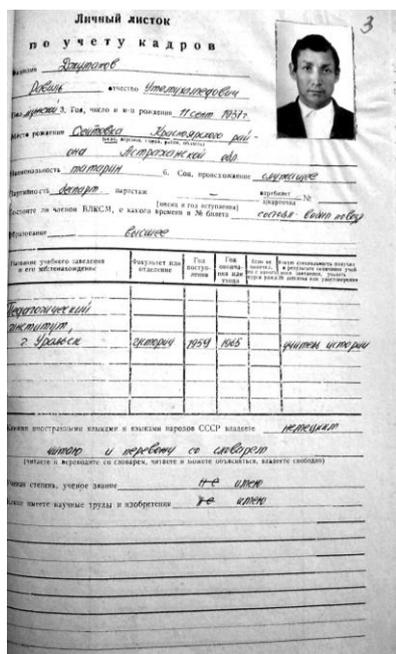
РАЗДЕЛ 1. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

ОЧЕРК О КРАЕВЕДЕ РАВИЛЕ ДЖУМАНОВЕ

Г.Г. Карнаухова

Когда человек находит «свой» путь в жизни, есть большая вероятность оставить след и добрую память. К таким людям относится Равиль Утемухамедович Джуманов - этнический ногаец, астраханский краевед. Все, кому доводилось общаться, работать с ним, наверняка запомнили его живой взгляд и стремление посвятить себя сохранению традиционной культуры ногайского народа. Сам Равиль о себе писал: «родился в 1937 году в с. Куянлы Красноярского района, в семье служащего, а детство проходило в с. Сеитовка в семье отчима.» Отец Равиля - Джуманов Утемухамед, родился в 1899 г., прошел тропами Великой Отечественной и Гражданской войн. В послевоенный период он работал председателем сельского совета, затем в кооперации. Мать – Джуманова Гульжамал, родилась в 1910 году. Равиль Джуманов в 1944 году поступил в первый класс в с. Сеитовка, а закончил в 1955. Первая рабочая ступень Р.Джуманова была механизатором в колхозах после окончания школы механизации.

С культурой жизнь связала Равиля в 1957 году, когда он пришел заведующим клубом в селе Байбек, проработав на поприще культурного просвещения год, он в 1958 возвращается в Сеитовку, где работает в течение двух лет учителем, пионервожатым.

Личный листок по учету кадров

Фамилия: *Джуманов* Инициалы: *Утемухамедович*

Родился: *3.08.1937* г. м.п. и м.р. рождения: *СССР 1937*

Место рождения: *Куянлы Красноярского района Астраханской области*

Профессия: *механизатор* с. Сов. предприятия: *Сеитовка*

Пол: *мужской* Партия: *член КПСР* Возраст: *23* года

Состоит ли членом ВЛКСМ, и какого звания в 26 лет: *член ВЛКСМ*

Место работы: *Сеитовка*

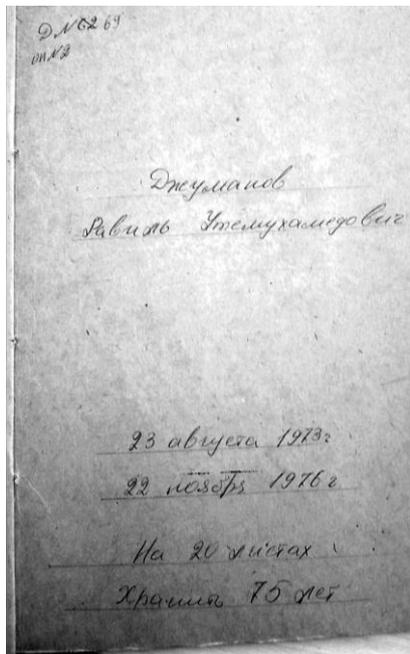
Дата приема на работу	Дата увольнения	Титул	Титул	Титул
<i>23 августа 1957</i>	<i>23 августа 1958</i>	<i>учитель истории</i>		

Имеет ли образование в высших учебных заведениях СССР: *нет*

Имеет ли образование в высших учебных заведениях за рубежом: *нет*

Имеет ли ученые степени, ученые звания: *нет*

Имеет ли ученые степени, ученые звания за рубежом: *нет*

Джуманов Равиль Утемухамедович

23 августа 1957

23 августа 1958

На 20 листах

Хранил 75 лет

Работа с детьми привлекла молодого парня и побудила к дальнейшему образованию в профильном вузе. В 1959-1965 гг. заочно обучался в Уральском педагогическом институте им. А.С.Пушкина, по специальности история, получил квалификацию учитель истории средней школы. С 1960 года он с семьей переезжает, «по семейным обстоятельствам», в с. Травино, где снова работает в Доме культуры художественным руководителем, а с 1961 года переходит учительствовать в вечернюю школу. В дальнейшем Р.Джуманов работает вплоть до 1973 года в Татбашмаковской школе.

Работа в музее начинается в 1973 году. Сохранилось личное дело Р. У. Джуманова, где в производственной характеристике, а также в выписке из приказа областного краеведческого музея отмечено, что он зачислен в музей Р.У. Джуманов в 1973 году 1 сентября. Сначала он работал в должности научного сотрудника отдела истории дореволюционного прошлого с окладом 75 рублей, в архиве сохранилось личное заявление Джуманова Р.У. от 22.08.1973г., а также личный листок по учету кадров. В этот период музей переживал научно-исследовательский подъем, Владимир Александрович Филипченко, как директор и краевед принимал деятельное участие и в археологических и этнографических экспедициях на территории Астраханской области. В это время прошло вскрытие захоронений в Успенском соборе кремля, совершено несколько экспедиций в места локального поселения ногайцев, фонды музея пополнились уникальными экспонатами.

Группа учета	С.С.					Военно-учетная специальность №	
Категория учета	2					Годность к военной службе	
Состав	Индивидуальный состав					Наименование районного комитета по месту жительства	
Воинские звания	Лейтенант					Состоит ли на специальном учете	
III. Назначения и перемещения							
Дата	Цех, отряд, участок, название судна	Профессия (должность)	Ранг (оклад)	Основание	Вид отпуска	За какой период	IV. Отметки
01.08.1973.	Войсковой част. 1-го полка 1-го батальона	начальник	75	№ 12/87			
	1-го полка 1-го батальона	полковник	108	№ 33 от 23.08.73			
01.11.1973.	Войсковой част. 1-го полка 1-го батальона	Завхоз	180	№ 12/87			
	1-го полка 1-го батальона	полковник	108	№ 1 от 23.10.1973			
Особые отметки							
Дата заполнения				10 сентября		1973г.	
						Подпись	

Раиль Джуманов на протяжении работы в музее принимал деятельное участие в реэкспозиции этнографических комплексов экспозиций, поскольку изнутри знал традиции культуры ногайского народа. Он вписал свои страницы в историю нижеволжских кочевников, стоял у истоков комплектования ногайской фондовой коллекции, которая к началу 1990-х стала уникальной и единственной в России. Благодаря знаниям языка и традиций бытовой культуры все экспонаты были атрибутированы на двух языках - русском и ногайском. Несмотря на то, что записи в личном деле обрываются в 1976 году, Р. Джуманов продолжал совмещать основную работу с музейной деятельностью и в 1980-е и 1990-е гг, занимаясь возрождением ногайской культуры. С 1991 он возглавил национально-культурное общество ногайской культуры «Бирлик», которое вел за собой более двадцати лет. С 1991г. в Астраханском кремле был открыт первый в регионе Этнографический музей, который в течение 20 лет являлся уникальной площадкой для популяризации культурного наследия народов края. Здесь реализовывался опыт, знания Р. Джуманова. Залы «кочевники» были не просто интересны, а уникальны по своему наполнению, особенно в части взаимовлияния и взаимопроникновения культур с сохранением этнического самовыражения ногайцев.

С 01.11.1973 года Р.У. Джуманов был назначен заведующим отделом истории дореволюционного прошлого с окладом 100 рублей (приказ № 61 от 23.10.1973). Из производственных документов известно, что Р. Джуманов неоднократно выезжал в экспедиции, а в 1976 году областной краеведческий музей откомандировал в состав Поволжской археологической экспедиции института Археологии АН СССР сотрудников отдела дореволюционного прошлого Богословского Олега Васильевича в Черный Яр, а Джуманова Р.У. - в Селитренное.

На базе ногайских коллекций была подготовлена передвижная выставка «Культура и быт ногайцев», которая путешествовала по селам области, а также передвижная выставка ногайских ювелирных украшений и элементов женского костюма. Раиль много времени уделял изучению и возрождению нематериального наследия народа - легенд, сказаний, плясок, песен, языка. На основе исторических костюмов музея он создал сценический вариант женского костюма юртовцев и карагашей и коллектив на базе колледжа культуры, который был частым гостем на мероприятиях области, возрождая пляски ногайцев.

Самым ярким вкладом Р. Джуманова в возрождение культуры ногайцев является изучение и сохранение наследия ногайского просветителя А. Дженибекова, пожалуй, это было делом всей его жизни. Ежегодно в первых числах марта в этнографический музей приходила делегация ногайцев-гостей из Карачаево-Черкесии, члены семьи и потомки основоположника ногайского языка, этнографа А. Джанибекова. Р. Джуманов всегда лично

составлял маршрут передвижения гостей, репертуар выступлений, меню стола, тщательно продумывал программу конференции.

В последние годы жизни Р. Джуманов проводил работу по объединению ногайцев, проживающих на территории Астраханской области, Ставропольского края и Дагестана. Он координировал договор, который был подписан между Красноярским районом Астраханской областью, Ногайским районом Республики Дагестан и Нефтекумским районом Ставропольского края.

РАВИЛЬ УТЕМУХАМЕДОВИЧ ДЖУМАНОВ – ПЕРВЫЙ ЛИДЕР СОВРЕМЕННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ НОГАЙЦЕВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Э.Ш. Идрисов

Современное общество России в конце XX века пережило новый всплеск «этнического конструирования». Отправной точкой этих процессов была эпоха перестройки и распад СССР. В обновленных общественно-политических условиях сформировалось особое направление деятельности – этнокультурное движение. Отсюда проявляется новый тип лидерства – выразитель политических и культурных интересов этнической общности. Если не считать глав этнотерриториальных субъектов РФ, в основном, их формальный статус был завязан на руководстве соответствующей общественной организацией.

Равиль Утемухамедович Джуманов был лидером первой волны, деятельность которого была связана с зарождением этнокультурного движения в Астраханской области. В начале 1990-го года он возглавил областное общество ногайской культуры «Бирлик». Надо отметить, что для данного вида деятельности он имел хорошую подготовку. У него было гуманитарное образование соответствующего профиля, а также большой опыт собирательской деятельности по изучению этнографии ногайцев и сценической постановочной деятельности. По предложенной мной ранее типологии этнокультурного лидерства его можно отнести к «этнофорам»¹, так как он был носителем этнической традиции и родного языка.

**Выступление Р.У. Джуманова на Джанибековских чтениях 18 апреля 2014 г.
в Центре культуры с. Растопуловка Приволжского района Астраханской области**

В то время шел процесс становления этнокультурной деятельности общественных организаций. В локомотиве этого движения наряду с обществом татарской культуры

¹ Идрисов Э.Ш. Лидерство в этнокультурной среде: попытка типологического и функционального анализа // Вопросы элитологии 2012-2013. – Том 9-10. – С. 147- 152.

«Дуслык» и казахской культуры «Жолдастык» стало общество ногайской культуры «Бирлик». Специфика того времени, в отличие от сегодняшнего дня, заключалась в том, что общественным активистам приходилось доказывать свою правоту, мероприятия получали поддержку органов власти только после большой проверки на целесообразность. Сегодня в нашей области существует несколько программ по этнокультурному развитию и многое из того, что было инициировано со стороны обществ в 1990-е годы, находит сейчас систематическую поддержку.

Под руководством Р.У. Джуманова в начале 1990-х было воплощено ряд крупных областных проектов ногайской культуры – «Джанибековские чтения», «Дни ногайской культуры» и фестиваль «Шешекейлер» и др. Незаменим он был в создании теле- и радиопрограмм на региональных каналах, некоторые из которых выходили на родных языках народов Астраханской области. Свободно разговаривал на ногайском языке, а также языках родственных народов – татар и казахов.

«Джанибековские чтения» - мероприятие, вошедшее в программу «Вехи истории» регионального министерства культуры и туризма, одно из самых значительных **детищ** Р.У. Джуманова. Они всегда проводились с размахом, подключались районные администрации Приволжского, Красноярского, Володарского и Харабалинского районов. От мероприятия, больше связанного с ногайским языком, чтения стали ежегодным форумом, где собираются ученые-ногаеведы, педагоги и деятели культуры и искусства всех регионов проживания ногайцев в России. Долгие годы на проект Джуманова поддерживала Софья Абдул-Хамидовна Калмыкова-Джанибекова, до последнего времени приезжавшая в гости к астраханцам. В последнее время из потомков Джанибекова на чтения стали ежегодно приезжать правнуки Марат, Ренат и Владимир. По инициативе Равиля Джуманова улица Кизлярская была переименована в улицу Просветителя Джанибекова, а также появился закладной камень для установки памятника просветителю у дома, где когда-то родился Абдул-Хамид Джанибеков.

Одним из любимых мероприятий для молодежи Равиля Джуманова, которое он инициировал, был вечер встречи первокурсников. Неизменным партнером в проведении была администрация г. Астрахани, в частности, начальник отдела по работе с общественными и религиозными организациями Вячеслав Анатольевич Смирнов. Суть проведения – знакомство первокурсников ногайской национальности между собой, в частности, особое внимание уделялось на приезжих молодых ногайцев, которые поступили в учебные заведения из Дагестана, Чечни и Ставропольского края. Сама программа вечера строилась на традиционной основе приема гостей, начиная от этикета, заканчивая приемом пищи. Обязательно все начиналось с ногайского чая с баурсаками и кайнарами. В культурной части неизменно присутствовала игра на саратовской гармошке и домбре.

Впервые я попал на вечер первокурсников в декабре 1996 году, перейдя на четвертый курс исторического факультета Астраханского государственного педагогического университета в статусе гостя от студенческого актива по приглашению администрации города Астрахани. Помню, на том вечере выступала ногайская певица Асият Тлекова, жившая тогда в Астраханской области.

В этом же году на базе Астраханской консерватории проходила межрегиональная конференция. В числе ее участников были ведущие ногаеведы Леонид Арсланов, Рамазан Керейтов, Виктор Викторин. На ней я впервые познакомился в Базирой Акмамбетовой, директором клуба с. Сеитовка и руководителем ансамбля «Дослык», а также студенткой консерватории Руфией Бикановой. Все эти события и непосредственное общение с Р.У. Джумановым и другими деятелями науки и культуры способствовали формированию моих научных интересов в рамках ногаеведения.

В 1997 году, когда вместе с сокурсником Николаем Гришиным в рамках межвузовского студенческого совета, мы организовали конференцию по междисциплинарному изучению экологических проблем, после ее окончания подошел Равиль Джуманов. Я тогда выступал на ней по теме этноэкологии кочевников на примере ногайцев. Он предло-

жил начать работать совместно. Осенью проходила большая конференция к 280-летию Астраханской губернии, здесь я уже выступал по этнографии ногайцев-карагашей. После нее по программе общества ногайской культуры «Бирлик» прошло мероприятие, связанное с образованием муниципального образования «Село Малый Арал». Тогда в составе делегации к нам приехали художник Кошали Зармамбетов и сотрудники администрации Ногайского района Дагестана.

Надо отдать должное Равилю Утемухамедовичу Джуманову в активной его позиции при процессе переселения ногайцев из санитарно-защитной зоны АГПЗ. При его общественном участии были приняты решения о переселении в село Растопуловку Приволжского района. Понимая важность адаптации при переселении в новые условия, он также инициировал, нереализованный правда проект «Создание социокультурного центра при СОШ им. А. Джанибекова».

Отдельно можно отметить научную деятельность Равиля Утемухамедовича Джуманова. Да, он не был остепененным ученым, ему может быть, не хватало системной подготовки, но он был историком для народа. Его публикации отличались эрудицией и хорошим стилем изложения. Излюбленными темами Р.У. Джуманова были вопрос об основании города Астрахани, происхождении юртовских татар, родоплеменной состав ногайцев, деятельность А.-Х.Ш. Джанибекова и др. Кто был у него дома, мог видеть труд не одного года – сравнительную таблицу родов и тамговых знаков ногайцев и других тюркских народов.

Еще одной темой, которой интересовался Р.У. Джуманов, была тема роли женщин в истории тюркских народов. Он не раз читал свое стихотворение, посвященное казанской царице ногайского происхождения Суюмбийке.

Когда он работал в Астраханском краеведческом музее, а затем в Областном методическом центре народной культуры Астраханской области, им были составлены небольшие, но весомые по содержанию очерки по истории и этнографии астраханских ногайцев.

В методологии организационной работы, как известно, Равиль Джуманов был больше индивидуалистом. Возможно, роль сыграл его непростой характер. Он ориентировался на людей, которые могли бы полностью отдаваться теме ногайской культуры. Понятно, что в обыденной жизни общественная работа в отрыве от семьи и профессиональной деятельности подходит не для всех. В этой ситуации он шел к организации мероприятий через чиновников, через содействие органов власти, без мобилизации внутренних ресурсов.

Здесь уместно вспомнить высказывание бывшего председателя колхоза с. Сеитовки, ныне старожила с. Растопуловка, Рафаэля Хамтововича Иманалиева: «Не понимали мы его тогда, по многим вопросам, которые он ставил, но он был прав. Сейчас бы мне те возможности и сегодняшнее понимание этнокультурного вопроса. Я бы поступил по-другому». Да, он жил этнокультурными переживаниями, представлял этническую общность целостным организмом, сохраняющим связь с прошлым и имеющей устойчивые этнопсихологические характеристики.

В 1996 году был избран новый председатель общества «Бирлик» - Абдрахман Абдрахимович Махмудов. Можно отметить, что Махмудов это другой тип лидерства. Он пришел в руководство областным обществом из бизнес-среды. В отличие от Джуманова, Махмудов был более склонен к коллективной работе. По происхождению Абдурахман Абдрахимович из юртовской группы астраханских ногайцев. При нем в совете общества активное участие стали принимать представители ногайцев Северного Кавказа, проживающие в Астраханской области. Также Абдурахман Махмудов стал развивать отношения с зарубежной диаспорой ногайцев в Турции. В конце 1990-х гг. было организовано несколько поездок в Турцию на мероприятия с участием ансамбля «Дослык» и «Шешекейлер» Дома культуры с. Сеитовка.

После отхода от деятельности на посту руководителя общества «Бирлик» Равиль Утемухамедович Джуманов стал активное участие принимать в исследовании городища «Сарайчик» - исторической столицы Ногайской Орды. Вместе с астраханским археологом

Вячеславом Плаховым они вошли в состав археологической экспедиции под руководством Зайноллы Самашева. Сарайчиком как говорил, Равиль Утемухамедович заболел навсегда. В октябре 2011 года нам удалось сделать экскурсию на этот памятник археологии и истории ногайцев представителей этнокультурной общественности Астраханской области.

С 2000 года Р.У. Джуманов вновь возглавил общество «Бирлик». В начале 2002 года было инициировано создание Астраханкой областной общественной организации «Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге» под руководством Рафиха Жумаяновича Абдуллаева. Можно отметить некоторую оппозиционность отношений, правда, которая потом переросла в проект «Эдиге-Бирлик», т.е. совместное проведение мероприятий и координация работы. Создание новой организации способствовало становлению целого молодого поколения активистов и деятелей культуры, которые сегодня живут и трудятся не только в Астрахани, но и в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Чечне и Ставропольском крае и др. регионах.

К молодежной проблематике в межрегиональном масштабе мы вернулись в конце 2001 года, когда под эгидой областного комитета по делам молодежи провели Первый слет ногайской молодежи в г. Астрахани. На него были приглашены делегации из Дагестана и Карачаево-Черкесии. Творческую часть поддержали такие артисты как Фатима Нурлубаева, Расул Сеитов, а также солисты ансамбля «Айланай». Тогда я познакомился и стал общаться с активистами из г. Черкесска Эльдаром Карасовым и журналистом Алимат Джагопировой.

В начале 2000-х гг. в Астраханской области состоялись масштабные гастроли Ногайского государственного оркестра народных инструментов под руководством Яхьи Кудайбердиева, затем Ногайского государственного драматического театра, под руководством Байсолтана Джумакаева и Ногайского государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Айланай» под руководством Умара Ваисова и Нарбике Муталаповой. Помогая Равилю Джуманову в проведении гастрольных мероприятий, мы объехали все ногайские села Астраханской области.

В мае 2006 года Р.У. Джуманов закрыл общество ногайской культуры «Бирлик». Как было отмечено в заявлении: «в связи с выполнением уставных задач по переселению ногайцев из санитарно-защитной зоны». С того времени основным организующим звеном этнокультурного движения ногайцев в Астраханской области стал Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге». Теперь в полной мере себя смогли проявить молодые активисты Альберт Бигалиев, Бек-Мурза Кудайбердиев, Мурат Ваисов, Ислам Сатыров, Линара Иргалиева, Регина Утебалиева и многие другие.

С 2012 года, одним из проектов которым стал заниматься Р.У. Джуманов, стало подписание и координация межмуниципального договора по сохранению и развитию ногайской культуры между Красноярским районом Астраханской области, Ногайским районом Республики Дагестан и Нефтекумским районом Ставропольского края. В рамках реализации договоренности было реализовано несколько крупных межрегиональных мероприятий. Отношения продолжают развиваться¹.

В последний раз общался с Равилем Утемухамедовичем Джумановым незадолго до ее ухода. Я пришел навестить его в больницу, как раз хотел рассказать о готовящейся презентации документального фильма молодого режиссера Ислама Сатырова «Камбак» («Перекасти поле»). И первым вопросом при встрече было: «Как там ногайцы?». Мы обсудили предстоящие планы, наметили график встреч. 10 декабря 2014 года его не стало.

В память об Равиле Утемухамедовиче Джуманове мы проведем Джанибековские чтения в селе Татарская Башмаковка, где он жил в последнее время. Будут приглашены

¹ Джуманов Р.У. Вопросы консолидации ногайских этно-территориальных дисперсных групп России на современном этапе // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 2. Материалы «Джанибековских чтений». – Астрахань, 2013. – С. 28-31.

делегации из Дагестана, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, которых мы ознакомим с домом, где жил Равиль Утемухамедович, по адресу ул. Ленина, 43. На чтениях будут рассмотрены основные научные темы, которыми занимался Р.У. Джуманов.

По решению дочери Сании и сына Рамая весь книжный фонд был передан Молодежному центру ногайской культуры «Эдиге», а мы в свою очередь на правлении решили создать библиотеку Р.У. Джуманова – основателя современного этнокультурного движения ногайцев Астраханской области в селе Растопуловка Приволжского района. Многие из книг содержат дарственные надписи от А. Маркова, В. Ерофеева, В. Егорова, В. Плахова, Б. Кельдасова, Р. Керейтова, И. Капаева, А. Курмансеитовой, Н. Суюновой и многих других. Кроме книг Джуманова фонд пополняют и новые издания, посвященные истории и культуре ногайского народа.

РАВИЛЬ ДЖУМАНОВ О НОГАЙСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ ИЗ СЕРЕБРА (по данным полевых материалов)

А.Х. Курмансеитова

В 1997 г. в Астраханском этнографическом музее на территории Кремля, мы познакомились с экспозицией по этнокультуре астраханских ногайцев. По сведениям сотрудника музея Галины Карнауховой, представленные на выставке ювелирные изделия, были собраны Равилем Джумановым в годы его работы в Астраханском областном краеведческом музее. Она особо подчеркнула, что в музее ногайская коллекция ювелирных изделий из серебра самая богатая. На наш вопрос, когда можно познакомиться с этой коллекцией из серебра, собранного Р.У. Джумановым, Г. Карнаухова ответила: «В связи с тем, что в музее маленькая площадь, большая часть коллекции находится в фондах музея. Для того, чтобы организовать выставку этой коллекции, необходимо дополнительное помещение, а для её сохранности надо установить сигнализацию, к сожалению, музей средствами не располагает». Благодаря энтузиазму Равиля Джуманова фонды Астраханского областного краеведческого музея существенно пополнились ногайскими экспонатами.

В 1999 г., Р.У. Джуманов был участником конференции, посвященной жизнедеятельности ногайского просветителя Абдул-Хамида Джанибекова в г. Черкесске. При личной встрече мы попросили его более подробно раскрыть прикладное искусство астраханских ногайцев. В данной статье использован этот полевой материал.

Равиль Джуманов – выпускник исторического факультета Уральского педагогического института. Он начал трудовую деятельность в Астраханском областном краеведческом музее. С первых дней работы Равиль ездил по ногайским аулам Нижнего Поволжья, собирал предметы материальной культуры. О своей работе в музее он сказал: «Я после института работал в музее, ездил по ногайским аулам, собирал предметы быта, ювелирные изделия. Ногайцы одобрили мою работу по сбору экспонатов для областного музея, они называли меня «*обзимиздиньясымыз*» – наш сын. В ногайских аулах меня приветливо встречали, оказывали посильную помощь в сборе материала. В большинстве случаев ногайцы совершенно безвозмездно отдавали серебряные украшения. В это время я собрал много изделий из серебра, сейчас такую богатую коллекцию собрать невозможно». Р.У. Джуманов, все собранные им предметы быта и ювелирные изделия паспортизировал и передал на хранение в Астраханский областной краеведческий музей.

В личной беседе с Равилем Джумановым мы попросили более подробно рассказать о своеобразии украшений астраханских женщин. Он особо подчеркнул, что среди украшений было много предметов от сглаза, например, амулеты, талисманы, а также в женской одежде как средство от сглаза использовался красный цвет. Он дал сведения о нескольких лексических терминах, связанных с ювелирными украшениями. Ногайские ювелиры (ювелир – «*зергерши*»), в основном, мастерили женские ювелирные украшения – «*зергербезеклер*» из серебра. Они в работе использовали зернь – «*буьртиклер*» и чернь – «*каралав*».

Равиль Джуманов обратил внимание на то, что: «Ногайские мастера редко использовали золото при изготовлении ювелирных изделий, так как золото на солнце в жаркой степи сильно блестит и её блеск слепит глаза. Если искусно почистить серебро, то её мягкий и нежный блеск радует глаз. В связи с этим ногайцы широко использовали серебро. Характер ногайцев, живущих в степи мягкий и терпеливый, они не высокомерные и не надменные». Он утверждал, что ювелирные украшения из серебра соответствуют ногайской ментальности. Однако следует отметить, что для мусульманина носить ювелирные изделия из серебра – богоугодное дело, так как по шариату это считается «*саван*» – благо-

деяние. Возможно, что в связи с этим ногайские женщины отдавали предпочтение ювелирным украшениям из серебра.

Равиль Джуманов дал редкие сведения о специфике головного убора ногаек Нижнего Поволжья. Шапка у ногайской женщины традиционно была обильно украшена драгоценными камнями и монистами. Он особо подчеркнул, что на шапку в области виска пришивали «шекелик» – надвисочная, на которую пришивали дужки, на них висели украшения в форме круглых орешек с шариком внутри, издававшие серебряный звон при ходьбе девушки. Это украшение называется – *конъырав* (колокольчик). Такие же колокольчики вешали на «шашбав» – украшение в виде ленты на кончике косы, а также на туфли. В старину, когда ногайская девушка или молодая женщина шла по улице, то её сопровождал звон серебряных колокольчиков. Мужчины, услышав этот звон, должны были отвернуться в сторону. По мнению Равиля Джуманова, этот обычай бытовал у предков ногайцев еще до принятия ислама.

Большой интерес представляет женская накидка – «аспа», сшитая из двух полотен ткани. На нагрудную часть накидки с помощью цепочки прикрепляли «тоьстуьйме» – женское серебряное нагрудное украшение. Спинку накидки украшали также ювелирными изделиями. Одевалась эта накидка поверх платья. Ногайская женщина носила «тымар» (у кубанских ногайцев – «мойынтымар») – ожерелье из серебра или золота, инкрустированное драгоценными камнями.

Серебряный пояс – «кусак» из фондов Астраханского краеведческого музея-заповедника

«Кусак» – старинный женский серебряный пояс в центре которого находилась пряжка («кемар»), инкрустированная драгоценными камнями, который носили ногайки в праздничные дни. Иногда ювелиры пряжку изготавливали из серебра и украшали чернью и зернью. Наряду с нагрудными украшениями и поясами, ногайские женщины носили серьги – «сырга», браслеты – «билезик», кольца – «юзик».

По сообщению Равиля Джуманова, полный комплект женских украшений из серебра весил 25 килограммов. Состоятельные родители за этот комплект отдавали цену 25 коров. Полный комплект женских серебряных украшений девушки и молодые женщины надевали только по торжественным случаям в праздничные дни и на свадьбы. В повседневной жизни они носили несколько серебряных колец, браслеты и серьги.

Равилем Джумановым в ногайских аулах Нижнего Поволжья собрана коллекция редких и ценных ювелирных изделий из серебра. Его вклад в этнокультуру ногайцев

весьма значим и ценен для потомков. Коллекции ювелирных ногайских изделий Рауиля Джуманова должно быть посвящено комплексное монографическое исследование, впоследствии надо будет издать монографию. Необходимо также выпустить красочный альбом ногайских ювелирных украшений, хранящихся в Астраханском областном краеведческом музее.

РАВИЛЬ КАХАМ В МОЕЙ ПАМЯТИ НАВСЕГДА

Н.Ш. Потеева

Наш предок по отцовской линии Морад мулла, общественный и политический деятель, автор книг, выходец из крымских Гиреев. Я нахожусь в 13 поколении этого генеалогического дерева. Крым – это с древних времен колыбель многонационального тюркского мира. Поэтому я не исключаю в себе кроме мишарского-татарского, в том числе и древнего ногайского гена.

С большим уважением отношусь к ногайцам и большому ногайскому миру, особенно ученым, ногайской интеллигенции. Меня тянет в ногайской мир, мне нравится степь и запах полыни. Получаю огромное удовольствие после экскурсии на золотоордыеское городище «Сарай аль Махруса» в Харабалинском районе Астраханской области. Мне очень близок образ Казанской царицы Сююмбике, в судьбах татар и ногайцев немало общих тяжелых страниц истории своей эпохи. В честь дочери ногайской мурзы Юсуфа в Астрахани я создала общественное объединение «Сююмбике», изучали ее судьбу, накопили достаточно исторического материала. В дальнейшем планирую их систематизировать и через СМИ довести до людского мира. Пока свои воспоминания о большом ногайском мире начну с Джуманова Равиль кахам.

Ушел в мир вечный достойный сын своего народа – общественный лидер астраханских тюрков и ногайцев Джуманов Равиль Утемухамедович. Это и для ногайцев, и для нас тюрко-татар большая потеря. Такие личности как Джуманов рождаются не часто. Как он говорил: «В 1985 году, с момента объявления Горбачева о правах малых народов, наступил мой звездный час. Страхнулся, встал во весь рост и пошел служить своему ногайскому народу. Я рождён для спасения своего народа».

С момента создания ногайского общества «Бирлик», он был предоставлен ни сам себе и ни семье, у него жизнь прошла на службе своему горячо любимому ногайскому народу. Каждая эпоха создает своих героев и выводит на майдан. Джуманов – историческая личность, однозначно, герой своего народа. Его главная заслуга: сначала в масштабе Астрахани сумел раздробленный, не совсем дружелюбивых руководителей мелких ногайских объединений собрать всех вместе, в спокойной обстановке обсудить судьбу своего народа, взять их в свои руки. Затем способствовал развитию межрегиональных связей ногайцев Астрахани, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Ставрополя. Весь ногайский мир был под прицелом его глаз. У него на первом месте был контроль за преподаванием родного – ногайского языка. Джуманов, считаю, ушел из жизни в полном душевном покое, добившись самого главного, его родной язык изучают во всех ногайских школах Астраханской области.

Он говорил: «Мин татар жэмгыяте кебек жырлап-биеп гомер уздырмыйм». Если надо, он танцевал грациозно, с азартом, в большом пространстве, как настоящий степной орел, с большим размахом. При встрече я его приветствовала: «Сэлам дала буресенэ» – приветствую степного волка, и он не обижался. Только однажды требовал расшифровки. Волк – тотемный символ тюркского народа, главное качество волка – он никогда не сбивается со своего пути и его невозможно приучить к рукам.

Джуманов, при необходимости, спокойно вкладывал свою зарплату, пенсию в общественную работу, не жалел ни сил, ни времени, ни здоровья. Кажется, в 2003 году, его не останавливал даже ожог 2 степени стопы (с волдырями-пузырями), одел на ноги мягкие сапоги–прошайки и пешком, на попутках поехал по ногайским селам с организационным вопросам очередных Джанибековских чтений. Ногайцы для него были, прежде всего, его судьбой и стихией. Человек он был непростым, неоднозначным. Пользовался заслуженным авторитетом в самых разных кругах. Знал себе цену, не мелочился. Помню, на одном мероприятии губернатор А.А. Жилкин появился среди председателей националь-

ных обществ во время перерыва. Каждый хотел общаться с ним в неформальной обстановке и ринулись к нему. Мы стояли вместе с Равилем, он говорит: «Давай отойдем назад». А тут губернатор прошел мимо «толпы», подошел к нам, поздоровался и первым подал руку Джуманову. Общался он с людьми учитывая его социальный статус и по рангу. Я с ним начала общаться по злободневным вопросам татаро-ногайских отношений. Все-таки надо признать ногайцы – это не татары, а отдельный древний народ со своей культурой, языком и бытом.

Я его называла Равиль кахам, общались спокойно, свободно, на равных правах. Правда, иногда он говорил: «Нугай акылымны чыгарма - не заставляй показывать ногайский характер». Со мной вел себя корректно, уважительно. Он меня называл «классической казанской татаркой» и воспринимал меня представителем Татарстана. Мы с ним в начале XXI века регулировали многие серьезные, острые татаро-ногайские проблемы путем диалога. В 1999 году мной созданный «Ак калфак» в 2002 году я расширила как объединение «Сююмбике» и целенаправленно начала заниматься судьбой дочери ногайской княжны, казанской царицы Сююмбике. Он был очень благодарным мне за это и говорил: «В ногайском, татарском мире сегодня некому начать это движение. Тем более Сююмбике – Казанская царица, это – твое, начинай. Ногайцы свою дочь отдали в Казань, а татары отдали тебя нам. Тарихочен Соембикэнен Казанга, синен Эстерханга кильен кирэк булган – для истории необходимо было приезд Сююмбике в Казань, а тебе оказаться в Астрахани».

В гостях у Софьи Абдул-Хамидовны Калмыковой-Джанибековой, фото 2007 г.

В большой ногайский мир меня ввел Равиль Джуманов. На ежегодных Джанибековских чтениях я познакомилась с ногайской интеллигенцией Карачаево-Черкесии, Дагестана, Ставрополя и Чечни. Это: Иса Капаев, Шахидат Курмангулова, Рамазан Керейтов, Насипхан Суюнова, редколлегией ногайской газеты «Шоьл Тавысы– Голос степи» из Терекли-Мектеба и многие другие. С ними у меня сложились теплые, самые дружественные отношения. На нашем примере в Черкесске создали общество «Сююмбике». На этой основе мы регулярно поддерживаем связь и общаемся с Шахидат Курмангуловой. Когда отдыхали в Минеральных Водах, (в октябре прошлого–2014 года) она приехала к нам в

гости и подарила только что полученную свою книгу из издательства, за что зур рэхмѣт – большое спасибо! Так же сохраняю самые светлые воспоминания от поездки в Черкесск на конференцию учителей ногайского языка в 2007 году, куда меня взял директор Раstopуловской СОШ Заслуженный учитель РФ Вали Утемуратович Кутламбетов. Жить меня взяла к себе Шахидат Курмангулова. Сохраняю прекрасные воспоминания о поездке в самобытные ногайские села Эркин-Халк и Адиль-Халк. В первый день вечером были в гостях у дочери Абдул-Хамида Джанибекова – Софьи Абдул-Хамидовны. В 2007 году ни на Северном Кавказе, ни в Астрахани зимой снег практически не лежал, в начале марта от этой поездки я привезла подснежников–любимых цветов моего детства.

При Джуманове, мы тюркские люди Астрахани, были защищены профессиональным историком. XX век, для ногайцев был век Джанибекова, XXI век – век Джуманова. Надеюсь, что его народ будет достойным его наследию, в дальнейшем будет увековечивать имя своего сына. Предлагаю, дать его имя одной из ногайских школ и в Астраханской области может быть и в других областях, республиках в местах компактного проживания ногайцев. И создать «Фонд сохранения историко-культурного наследия ногайцев имени Р.Джуманова», в ближайшее время сформировать комиссию, отобрать потенциальные экспонаты из его личных вещей, библиотеки и т.д. В дальнейшем, считаю, о великом ногайце будут написаны книги, сняты фильмы. Я - человек, который стоял вместе с ним у истоков, в одном строю национального движения тюркских народов Астрахани, считаю долгом поделиться воспоминаниями о лидере астраханских тюрков и ногайцев.

Свой дом он внутри переделал и оформлял в ногайском музейном стиле, где любил принимать в гости свой круг, к этому готовился тщательно. У него в гостях бывал ведущий археолог Астрахани, его единомышленник, близкий друг Плахов Вячеслав, часто приглашали и меня. После себя он хотел, чтобы в его доме был музей-усадьба ногайского быта. Как человек он был организованный, аккуратный, говорил только по делу, ценил время. К официальным встречам с высокопоставленным начальством всегда готовился, писал тезисы, почерк был мелким, аккуратным. Одевался хорошо, со вкусом, говорил: ногайцам я должен быть примером.

Старался работать и вести дела только с образованными людьми. Простые ногайцы не всегда его поддерживали и понимали. К великому сожалению, его ногайский народ при жизни не оказал ему должного внимания, не оценил его труд по достоинству. Он всегда смотрел вперед, были планы, проекты. В начале сентября, мы обсудили ход практической конференции, которую он планировал провести в Татарской Башмаковке приуроченной Дню села 4 ноября 2014 год, я должна была выступить с темой «Профессор Бикбулат Салиев–уроженец села Татарской Башмаковки». Но, увы. Правда, он был болен, я как врач клиницист, понимала, что заболевание очень серьезное. Р.Джуманов говорил: «Я не имею право оставить свой народ и умирать». С ним ушла целая эпоха.

Из татарского мира Р.Джуманова сравниваю со своим односельчанином Гаяз Исхакий, правда, Исхакий личность планетарного масштаба, тем не менее, они оба ягодки одного поля. Я ему регулярно привозила из Казани исторические книги, в том числе тома «История татар с древних времен», за что он был мне очень благодарен. Особо уважительно относился к д.и.н. проф. из Казани Фаяз Хузину, говорил: «Оемзальп, сыйлар идем кунак итэр идем» – («Взял бы к себе в дом, угостил бы, оказал бы почет и уважение»). Это указывает на высшую степень признательности. Такие слова от Джуманова, дорогого стоят. Он всю жизнь дружил с д.и.н., завкафедрой археологии Казанского (Федерального) университета, профессором Эзгаром Мухаметзяновым, называли друг-друга «дос-дус». Когда Эзгарэфѣнде капал Золотую Орду в Селитренном, Джуманов его принимал с почетом у себя дома за дастереханом (астраханское богатое угощение), организовали круглый стол на целый день на двоих, где бурно обсуждали вечные татаро-ногайского отношения. Этот колорит надо было видеть своими глазами. Они друг о друге говорили: «его тяжело выдержать», Равиль кахам говорил другу, профессору Эзга рэфен-

де: «куземэ карап сойлэ - когда говоришь о деликатных татаро-ногайских отношениях смотри мне в глаза». На следующий день, утром обычно я звонила Равиль кахам, он говорил: выдержал, не сорвался. Любил степь, периодически, он должен был выезжать в Золотую Орду, говорил, иначе я заболею. Встречи, круглые столы в Селитренном городище (Золотая Орда) с директором музея-заповедника Евгением Пигаревым, для меня – историка-любителя были настоящей школой по Золотой Орде.

Равиль Джуманов является эталоном председателя национального общества в России, на трон поднимает личности его дела, как в данном примере. Мы, руководители областного татарского общества «Хаджи-Тархан» с Альфией Дулатовой, по национальным вопросам ходили к нему домой на консультации, так же принимали его у себя в обществе, мероприятиях как дорогого гостя – аксакала. Он приглашал нас как гостей к главному празднику астраханских ногайцев – Дженебековские чтения. В одно время Альфия Дулатова выпускала тюрко-татарскую газету «Наследие Хаджи-Тархана», Джуманов писал солидные материалы, в том числе о средневековом татарском городе Хаджи-Тархане.

ВКЛАД А.-Х. Ш. ДЖАНИБЕКОВА В СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОГАЙЦЕВ

Л.З. Иргалиева

Астраханское ногайское общество совместно с Министерством культуры и туризма и Министерством образования и науки проводят большую работу по увековечиванию памяти А.-Х. Ш. Джанибекова, организовывая научно-практические конференции и ежегодные межрегиональные Джанибековские чтения. В его честь была названа Ясын-Соканская школа Красноярского района, а затем школа в с. Растопуловка Приволжского района. На месте, где располагался родной дом А.-Х. Ш. Джанибекова установлена мемориальная доска и улица Кизлярская переименована в улицу Просветителя Джанибекова. Усилиями потомков Абдул-Хамида Шаршенбиевича, в частности, правнука Марата Иосифовича, ведется работа по установке памятника Джанибекову.

1 ноября 1995 года проходил вечер встречи молодых ногайцев, организованный Астраханским областным обществом ногайской культуры «Бирлик». Тогда мне, еще 15 летней студентке, как и всем присутствующим, подарили на память 1 часть из рукописного четырехтомника «Союз казнасы» («Сокровищница слов»), подготовленную к печати дочерью А.-Х. Ш. Джанибекова – Софьей Абдул-Хамидовной Калмыковой-Джанибековой. Книга была отпечатана Камызякской райтипографией по заказу Комитета по печати администрации области в 1994 году. В 1 часть сборника вошли труды, собранные фольклористом с 1905 по 1930 годы: пословицы, поговорки, загадки, сказки, скороговорки, пожелания, проклятия и четверостишия-«айтувлар». С тех пор, стала интересоваться его творчеством, а поступив в магистратуру в Астраханский государственный университет выбрала темой исследования творчество ногайского просветителя Джанибекова.

Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков - известный просветитель, фольклорист, этнограф, педагог, драматург, режиссер и постановщик, основатель краеведческих кружков, ученый, филолог, основоположник норм современного литературного ногайского языка, автор первых ногайских букварей, книг для чтения на ногайском языке, свода орфографических правил. Устное народное творчество ногайского народа собирал по крупицам в Поволжье и на Северном Кавказе. Итог уникального труда по сбору фольклора – рукописный четырехтомник, названным им «Союз казнасы» («Сокровищница слов») поистине бесценное наследие, изучению которого нужно уделить достойное внимание, так как «без прошлого нет будущего» (народная мудрость).

Бесценны собранные и зафиксированные материалы по свадебному обряду астраханских ногайцев, в результате вышла в свет пьеса «Карагаш тойы» (Карагашская свадьба), в которую вошли особенности обычаев, традиций, песенное творчество народа, хотя автор выступает против пережитков старины. Жанр малой формы отражает особенности национального восприятия окружающего мира и воспитания у подрастающего поколения: уважение и почитание старших, забота о младших, стремление к знаниям и самореализации, пропаганда здорового образа жизни, толерантности, любви к Родине, что прописано в требованиях основной образовательной программы ФГОС, что актуально в современное время.

Широко известный на юге России ногайский просветитель Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков родился 18 марта (4 марта) 1879 года в Астрахани в слободе Тияк (так называли ногайцы, проживавшие на Цареве, ныне это Нариманово) в семье небогатого мясника Шаршембия Джанибекова ногайца-карагаша из рода сеит-алтаяк. Улица, на которой проживала семья Джанибековых называлась Кизлярской, рядом протекала река Тияк. Шаршембий отдает Абдул-Хамида на обучение в Ижбобинское медресе, чтобы тот познал основы ислама. После окончания получает звание учителя-муаллима татарского начального училища, отказываясь от карьеры муллы начинает преподавательскую дея-

тельность. С 1905 года по призыву своего сердца начинает сбор ногайского фольклора, еще с детства его впечатляли произведения классиков ногайской поэзии XIV-XVII веков.

Стремление к знаниям, самообразование помогло ему изучить русскую и восточную литературу. Он экстерном сдает экзамен и получает право преподавания русского языка и литературы в нерусских школах. Знакомство с идеями русской демократической культуры, творчеством В.Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, размышления об истории своего народа, передовые идеи той эпохи оказали влияние на мировоззрение Абдул-Хамида Джанибекова, и побудило его к просветительской деятельности. С 1901 – 1917 год обучал ногайских детей в Астраханской губернии. 17 января 1914 года в газете «Идиль» было сообщение: «в селе Хожетаевском земствами открыто русско-татарское училище, учителем назначен Абдул-Хамид Чарчамбеев, который выехал из Астрахани на место службы». Село Хожетай Красноярского района Астраханской области по тем временам было большое, насчитывало 8 мечетей. Абдул-Хамид Шаршенбиевич заведует школой и преподает русский язык. В те же годы ходатайствует перед губернским земством по поводу открытия русско-ногайской общедоступной школы.

В 1917 года продолжил преподавательскую деятельность среди юртовских («карауйле») ногайцев. В те же годы в Тияке по инициативе Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова был создано творческое объединение молодых ногайцев «Джиен» (Собрание), председателем (джиен агасы) был избран Наджиб Гасри Мавлюбердиев, заместителем (онг-бей) - Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков и секретарем – Абубекир Мадзини. Члены кружка собирали фольклор, вели работу по изучению и распространению этнокультуры ногайцев. Исторический путь ногайского народа оставил глубокие следы в фольклорных произведениях: легенды, предания, эпические песни и сказания, в малых формах устного народного творчества, понимая, ценность этого материала Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков записывал в своих тетрадях.

Читая его рукописи, начинаешь понимать, насколько богат и разнообразен ногайский фольклор. «Знание – великое дело. Только знание делает человека человеком. Знания, бесполезное для народа, действительно бесполезное» - так говорил Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков и стремился дать глубокие знания соплеменникам. На территории Астраханской области и на Северном Кавказе отрывал кружки по сбору образцов фольклорного материала до революции и советское время.

В 1905-1930 годы А-Х. Ш. Джанибеков часто выезжал в фольклорные экспедиции в регионы компактного проживания ногайцев, фиксируя ногайские героические эпосы, любовную лирику, малые формы жанра устного народного фольклора, обрядово-бытовую поэзию. Постоянная связь с ногайским народом дала возможность к приобщению, ознакомлению, фиксированию диалектных особенностей ногайских аулов Астраханской области и лучших образцов устного народного творчества, что положило начало его деятельности как собирателя фольклора. Увлеченный устным народным творчеством, часто беседовал с пожилыми людьми, слушал рассказы, предания об истории ногайцев. 23 мая 1905 года со слов певца (джырау) Салиха записал предание о борьбе калмыков с ногайцами «Песня о борьбе богатыря Казы-Тугана с калмыцким ханом Аюке». В те же годы он зафиксировал «Песни народного певца Аскара», последнего народного кобзаря Килекая, интересные рассказы Мамбедали. Это были первые «полевые записи» Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова, вошедшие в рукопись «Союз казнасы» («Сокровищница слов»), выпущенная в свет 1933 году. В первый том рукописи «Союз казнасы» называется «Песни», в первый раздел «Баьтир йырлары» которого вошли героико-эпические, исторические поэмы и песни: «Эдиге», «Мамай», «Шора - баьтир», «Эр – Таргыл», «Адиль - Солтан», «Коплан - батыр», «Песня о борьбе Ахмеда Айсыл-улы с Джанибек-ханом».

Во второй раздел «Казак йырлары» «Борьба за Кавказ» вошли цикл песен о Русско-Кавказской войне, «Песня о Досмамбете Азовском», «Песня о Муссеке», «Песня о Шамиле», «Песня об Умбетале», «Песня об Арсланбеке», «Кубанская битва», «Песня о переселении ногайцев Кавказа в Турцию, «Казацко-абрексские песни».

Третий раздел составляют социально-политические песни – «Совет йырлары» («Эпоха царизма и первые годы коммунизма»): «Туткан конак» («Арестантская песня»), «Герман согысы» («Битва с германцами» - о Первой мировой войне), «Песенка о работе в Варшаве», «Песенка о борьбе с Шамхал-беем», «Солдатские песни», «Песни Октября», «Песни о гражданской войне».

Четвертый раздел «Яшав йырлары» («Бытовые песни») вошли: «Любовная песни», «Суыймегенине берилген кыздын йыры» («Песня девушки, выданная замуж за нелюбимого»), «Старинные частушки», «Новые частушки», «Религиозные песни», «Ялшы йыры» («Песни батраков»), «Кемешилик йыры» («Судоходные песни»), «Песня об охоте с соколом».

Пятый раздел «Кобыз йырлары» («Музыкально - кобызные песни»), произведения систематизированы по темам: «Мотивы классовой борьбы», «Мотивы домбры – Приятные голоса» («Хош аваз»), «Юмористические песни», «Характеристика народных певцов», «Обрядовые песни» включающие песни предсвадебного и свадебного цикла («Песни о калыме», «Песни о проводе невесты»).

Шестой раздел «Бозлавлар» («Похоронные песни»): «Песня о смерти бедняка», «Песня о смерти богатого человека», «Песня о смерти девушки», «Надгробная песня невесты», «Песня о смерти парня», «Песня о смерти хозяйки дома», «Песня о смерти ребенка», «Антирелигиозная надгробная песня».

Во второй том рукописи «Собз казнасы» включены разделы: «Сказки», «Мудрые слова», «Загадки», «Сложные загадки», «Скороговорки», «Слова пожелания и проклятия», «Секретные заговоры», «Слова суеверий», «Хвала о чае», «О погоде и временах года». В третьем томе «Такпаклар» – более 1000 пословиц и в четвертом «Айтувлар» – поговорки, в которых запечатлены вековые наблюдения ногайского народа, его мудрость и жизненный опыт: представления о призвании человека, о труде, семье, дружбе, о религии, добре и зле. Любовь к Родине выражено в поговорках «Тувган элдинъ ери еннет, сувы - сербет» («Родная земля райская, а вода в ней шербет»), так же воспитание трудолюбия «Язда мыйы къайнагъаннынъ кыыста къазаны къайнар» («У кого летом мозг кипит, у того зимой казан кипит»), об оценке мужества: «Йигит оьлсе – аты (даны) калады» (Смелый парень умирает – имя (слава) остается»), о гостеприимстве: «Конак атанъан уйкен» и др.

В 1928 году в Москве в Центриздате выходит в свет лирическо-эпическая поэма «Карайдар и Кызылгуль». В основу сюжета положено народное предание о дочери богача, красавице Кызыл-Гуль и о драматической любви бедняка Карайдара. В Казани (1928г.) на страницах татарского журнала «Наш путь» печатаются произведения ногайского фольклора и в Махачкале (1935 году) – сборник песен «Авыл поэзиясы яде ногай эл адабияты» («Поэзия аула»). В Пятигорске издается сборник «Ногай халк йырлары эм эртегилери» («Ногайские песни и сказки»), в Ставрополе – сборник «Ногайские песни» на русском языке в переводе Н. Капиевой.

В 1926 году Северо-Кавказский институт краеведения командировал А-Х. Ш. Джанибекова на Первый Всесоюзный Тюркологический съезд.

В 1928 году завершил работу над ногайским алфавитом на основе латиницы, составляет первый ногайский букварь, грамматику, морфологию и синтаксис ногайского языка, учебник для ликбеза, свод орфографических правил ногайского литературного языка, орфографический справочник.

В 1938 году А-Х. Ш. Джанибеков совместно с С. И. Курманалиевым составил новую грамматику ногайского языка на основе кириллицы.

А-Х. Ш. Джанибеков в научной работе «Исторический очерк по ногайской литературе», дает краткую характеристику истории и этнографии ногайцев, классифицирует жанры фольклора, сообщает подробные биографические сведения о крупнейших ногайских поэтах и сказителях XIX века. В очерках он выделяет следующие разделы: «О ногайцах», «Ногайская Орда», «Жизнь ногайцев». Опираясь на информацию народных преданий, автор повествует о месте кочевья ногайцев, приводит фактографические данные о родо-

племенном разделении, уделяя большое внимание скотоводству и земледелию. Часть научных статей, историко-этнографических работ удается опубликовать при жизни. Более 60 произведений просветителя А-Х. Ш. Джанибеков хранятся в Москве в библиотеке им. Ленина. Рукописи и публикации А-Х. Ш. Джанибекова удивляют пристальностью внимания образа жизни и деятельности народа, календарному циклу.

А-Х. Ш. Джанибеков интересовался не только сбором фольклорного материала, но и интересовался историей, литературой, культурой, традициями и обычаями ногайцев. Собранные записи обрабатывал, писал научные труды. Которые не утратили ценности, актуальны и востребованы сегодня не только для ногайцев, но и для современной российской науки.

Перечитывая рукопись «Союз казнасы», вникая в суть произведения устного фольклора, невольно ловишь себя на мысли, как народное творчество, накопившее мудрость актуальна во все времена.

Где бы не работал, где бы не жил Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков, он прививал интерес к ногайской истории, к фольклору не только своих учеников, молодых ногайцев, вызывая любовь и патриотические чувства. Спустя век его деятельностью восхищаются, обращаются и изучают многие историки, этнографы, музыканты, педагоги разных национальностей. Перечитывая, уникальный труд по сбору фольклора - рукописный четырехтомник, названным им «Союз казнасы» («Сокровищница слов») поистине можно назвать бесценным наследием, так как породило лично в моей душе большой интерес к текстам песен. На один из текстов родилась мелодия, в итоге на свет появилась песня «Эдиль ногайым» (Волжские ногайцы), где раскрывается образ жизни ногайцев, элементы обряда сватовства в шуточной форме.

Джанибеков считается одним из первых национальных публицистов, педагогов, первым учителем-историком, фольклористом, этнографом, филологом и является основоположником ногайской советской литературы.

Целью статьи является увековечивание памяти Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова, изучение его бесценного наследия, возрождение и развитие традиций и обычаев, языкового и культурного наследия ногайского народа, как частицы многонациональной России.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ

М.А. Булгарова, С. А. Кукаева

Двадцатый век стал эпохой великих научных открытий и блестящих исследований в области тюркологии. Становление и развитие ногойского языкознания неразрывно связано с именем видного ученого-тюрколога, Заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесской Республики, кандидата филологических наук Софьи Абдул-Хамидовны Калмыковой-Джанибековой. Софья Абдул-Хамидовна внесла весомый вклад в развитие культуры ногойского народа, снискала известность как автор ценных исследований в области истории, диалектологии, грамматики и орфографии ногойского языка.

Софья Абдул-Хамидовна Джанибекова была первой женщиной ногойкой, удостоенной ученой степени кандидата филологических наук. На долю ее поколения выпало большое и трудное счастье быть первыми в становлении и развитии национальной филологической науки, разработке многих направлений тюркологии и кавказоведения, в исследовании научных проблем национальных языков. Несмотря на тяжелые условия командировок, бездорожье, ей удалось организовать ряд диалектологических экспедиций в места компактного проживания ногойцев (Ставропольский край, Астраханская область, Чечено-Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия), результаты, которых были обобщены в целом ряде работ. Исследуя диалекты ногойского языка, Софья Абдул-Хамидовна внесла уточнения и дополнения в классификацию диалектов, разработанную Н.А. Баскаковым, сделала вывод о функционировании двух диалектов в ногойском языке: диалект кубанских ногойцев и диалект дагестанских ногойцев.

Филологическая одаренность, природное языковое чутье, глубокие знания позволили Софье Абдул-Хамидовне стать одной из первых высококвалифицированных специалистов Карачаево-Черкесии в области ногойского языкознания. Уже в первых лингвистических исследованиях Софья Абдул-Хамидовна затронула самые актуальные проблемы ногойского языкознания, предложила ряд мер по дальнейшему развитию и обогащению ногойского литературного языка.

Для научно-исследовательского стиля Софьи Абдул-Хамидовны характерны основательность, научная достоверность, опора на языковые факты, тщательная выверенность иллюстративного материала. В фундаментальном труде «Грамматика ногойского языка»

(1973) фонетическая система и грамматический строй ногайского языка анализируются с привлечением богатого фактического материала на уровне передовой лингвистической мысли. Представляет интерес предложенная классификация частей речи, ее взгляды на категорию падежа, суждения о временах глагола, категорию залога и др. Любой лингвист, занимающийся тюркскими языками, не позволит себе обойти вниманием ее научные труды.

Неработанность многих правил орфографии, терминологии и норм ногайского литературного языка диктовали исследователю тематику научно-исследовательских работ. Много сил и времени ученый посвятила проблемам унификации и усовершенствования алфавита и орфографии ногайского языка. Под руководством С.А. Джанибековой неоднократно переиздавался «Свод орфографических правил ногайского языка», составленный еще А.Ш. Джанибековым.

Другая область научных интересов ученого – лексикография. Под ее руководством и при активном участии увидели свет «Русско-ногайский словарь» (1956), «Ногайско-русский словарь» (1963), «Словарь общественно-политических терминов» (1981). И сейчас, когда на полках наших домашних библиотек стоят сотни книг, данные словари занимают среди них одно их почетных мест.

Богатейший фактический материал по диалектам ногайского языка, собранный и проанализированный С. А. Джанибековой, был востребован международным комитетом по составлению Лингвистического атласа Европы (Амстердам, 1987) и комитетом Диалектологического атласа тюркских языков СССР (Институт языкознания АН СССР). Благодаря активному участию ученого в названных проектах, ногайский язык и его материалы нашли свое отражение в изданиях международного уровня, вошли в активный научный оборот.

Говоря о многогранной деятельности С.А. Джанибековой, нужно упомянуть о таком направлении в ее деятельности как составление учебников и учебных пособий для вузов и школ. Проблемы методики преподавания родных языков всегда волновали и привлекали пристальное внимание Джанибековой С.А. По оригинальности и ценности используемого материала, доступности изложения и удачным дидактическим принципам подачи языковых явлений учебники, составленные Джанибековой С.А., признаны одними из лучших. Вклад ученого в просвещение неизмерим. Более десяти лет Софья Абдул-Хамидовна возглавляла лабораторию Института национальных проблем образования Министерства образования и науки РФ в Карачаево-Черкесии. С.А. Джанибекова принадлежит к плеяде тюркологов широкого профиля, познания и интересы которых не ограничивались одной какой-либо отраслью науки.

Софья Абдулхамидовна родилась 28 февраля 1928 года в ставке Ачикулак Ставропольского края в многодетной семье Абдулхамида Шаршембиевича Джанибекова, известного ногайского просветителя, собирателя сокровищ устного народного творчества, одного из создателей нового ногайского алфавита, автора учебников, наставника учителей первых светских школ в ногайских аулах. Продолжая дело отца, Софья Абдул-Хамидовна собирала фольклорное наследие ногайского народа. Часть собранного материала была издана: «Сборник ногайских песен, сказок, пословиц и загадок» (1955), «Ногайские народные сказки» (1967), «Ногайские народные песни» (1969). В последние годы Софья Абдул-Хамидовна подготовила к изданию и опубликовала многое из наследия своего отца просветителя, принимала самое деятельное участие в работе ежегодных Джанибековских чтений, проводимых в г. Астрахань.

Труды С.А. Джанибековой получили широкое признание научной общественности и оказали значительное влияние на развитие тюркского языкознания. Широта научных взглядов, высокое уважение к языковому факту, огромная работоспособность, бескорыстная преданность своему делу позволили Софье Абдул-Хамидовне занять достойное место в плеяде крупных российских тюркологов.

Обширная эрудиция и талант исследователя гармонично сочетались у Софьи Абдул-Хамидовна с редким даром педагога-наставника, умеющим передавать молодым коллегам свои глубокие научные познания, прививать им культуру научного мышления, побуждать к творческому поиску. Академичность, интеллигентность, жизненная мудрость и порядочность – это то, что отличало наших лучших учителей. Личное общение с Софьей Абдул-Хамидовной принесло всем, кому посчастливилось работать и общаться с ней, много чрезвычайно ценного; очаровывали и масштаб ученого, и простые человеческие качества – неподдельная искренность и доброжелательность, удивительное жизнелюбие и деликатность.

Добрая память о Софье Абдул-Хамидовне Джанибековой, большом ученом и светлом человеке, навсегда сохранится в сердцах ее коллег, друзей и учеников. Мы будем бережно хранить ее научное наследие как бесценную часть нашей духовной культуры.

ГАЛИМЖАН НУГМАНОВ – СЫН ЗЕМЛИ КРАСНОЯРСКОЙ

А.К. Досмухамедов, Э.Ш. Идрисов

Нугманов Галимжан Нургалиевич родился 17 ноября 1945 года в селе Малый Арал Красноярского района Астраханской области. Его отец Нургали Нугманов в то время работал председателем колхоза «Красный Кигач», а мать была домохозяйкой. Галимжан был первенцем в семье, после него родился брат и пятеро сестер.

С 1953 по 1957 год обучался в Малоаральской начальной школе, затем в Джанайской семилетней школе и Красноярской средней школе. В 1961 году поступил в Астраханский сельскохозяйственный техникум на отделение механизаторов. После окончания техникума свою трудовую деятельность начал в колхозе «Родина» в 1966 году. Отсюда ушел в армию, служил в Волгоградской области инструктором. После службы вернулся в родное село. В то время молодых дипломированных специалистов проверяли на различных должностях. Ему пришлось работать бригадиром кормопроизводства и механизации объединенного колхоза «Родина». Продолжительное время он возглавлял бригаду овощеводства колхоза¹.

В 1970 году женился, воспитал двоих детей: сына и дочь.

В 1977 году без отрыва от производства Галимжан Нургалиевич закончил Великолукский сельскохозяйственный институт. Правлением и парткомом колхоза Г.Н. Нугманов в 1978 году был назначен главным агрономом. За успехи в выполнении высоких планов по продаже государству продукции растениеводства он был награжден медалью «Трудовое отличие». В феврале 1988 года решением коллектива Галимажан Нургалиевич был избран председателем колхоза «Родина» на альтернативной основе. На должности председателя колхоза, а затем директора СХП «Родина» он проработал до 2006 года.

Трудные 1990-е годы предприятие «Родина» пережило с наименьшими потерями. В 1992 году было создано товарищество с ограниченной ответственностью, а в 1995 году ТОО «Родина» вошло в состав хозяйственных объединений ООО «Астраханьгазпром». В 1998 году оно получило статус племенного завода по выведению овец кроссбредной породы (до 8 тыс. голов) и верблюдов калмыцкой породы (до 1200 голов).

В 2005 году в канун Дня работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Г.Г. Нугманов был награжден Почетной грамотой и именными часами Министерства сельского хозяйства РФ, также был признан лауреатом конкурса администрации Губернатора Астраханской области за достигнутые высокие результаты в развитии хозяйства. Неоднократно избирался депутатом районного Совета, был председателем бюджетной комиссии, председателем Совета МО «Красноярский район». С 2006 года находился на заслуженном отдыхе.

Родное село Г.Н. Нугманова - Малый Арал имеет особое значение для ногайцев Астраханской области. Село Малый Арал (Кишкентай Арал) было основано в 1881 году. Это административная дата, год включения населенного пункта в список и формирования системы управления. Известно, что первыми основателями села были ногайцы из крупного уездного поселения Ходжетай, где находилось волостное правление. Место села Малый Арал было связано с весенне-летними кочевьями и освоено было уже с конца XVIII века, после того как по указу Екатерины-II ногайцы получили земли в Красноярском уезде для поселения и ведения скотоводческого хозяйства.

Малый Арал, таким образом, имел тесную связь с Ходжетаем и соседними ногайскими селами, такими как Керменчик, Подчалык и др. Чуть позже, скорее всего как выселка из Малого Арала возникает поселение Большой Арал. Неподалеку от него была ры-

¹ Руководители организаций, учреждений, предприятий города Астрахани и Астраханской области (1918-1991 гг.). Научно-справочное издание / Сост. Н.М. Чуманова, Н.П. Портовая, Н.А. Пугачева, О.Г. Учкина, Н.В. Уварова, Е.П. Шалацкая. – Астрахань, 2014. – С. 336.

боловецкая ватага, иначе говоря, рыбоприемный пункт с ледником, где солили, сушили рыбу, откуда возили ее на продажу в город и на ежегодную ярмарку в Ходжетай, которая устраивалась 15 сентября.

Сам аул Большой Арал находился в живописном месте, на правом берегу реки Кигач возле большого леса, кругом были заливные луга, ерики, ильмени, на расстоянии одного километра можно было увидеть холмы аксарайской степи, издали они напоминали гряды гор. Как пишет А. Джанатаев, через аул проходила дорога, которая связывала степную окраину губернии с городом Астраханью и шла дальше на Северный Кавказ. Степняки гнали через эту дорогу скот, которая вела дальше в сторону Саратова и Казани. Поэтому эту дорогу называли «Казанской». По ней же купцы из города возили свои товары через Красноярский уезд в Букеевскую орду.

Одним из видов хозяйственной деятельности жителей этих сел было сенокосение. Здесь как раз располагались хорошие участки для заливного и бугрового сенокосения. Причем скошенное сено больше шло на продажу, своему стаду оставляли небольшую часть. Другой вид занятий – наем на рыболовецкие заработки на взморье и извозный промысел. Им занимались, в основном, в зимнее время, часто отправлялись в другие губернии, в основном, с рыбой и выполняли почтовую повинность на пространстве между Астраханью и Кизляром.

Известно, что на начало XX века в селе Малый Арал было 34 двора. Причем кроме саманных строений было достаточное количество домов из дерева. В ауле была деревянная мечеть. Из постоянных торговых точек – одна бакалейная и две мануфактурные лавки. По семейным спискам проживало 172 человека¹.

Г.Н. Нугманов, фото 2 марта 2014 г.

На территории села Малый Арал находится захоронение святого мусульманского деятеля Сеид-Баба. При жизни он прослыл как лекарь, добрый человек, обладающий вы-

¹ *Идрисов Э.Ш.* Исторические и социокультурные аспекты развития приграничных муниципальных образований Астраханской области (на примере МО «с. Малый Арал». К 130-летию основания села) // Тенденции приграничного сотрудничества России и Казахстана: материалы Международной научно-практической конференции (Астрахань, 12-13 сентября 2011 г.) Астрахань, 2011. С. 20-24.

сокими знаниями в исламе. Существует внемецетный культ места его захоронения. Рядом с ним покоится прах султана Букея Нуралиева, основателя Внутренней Букеевской орды казахов.

В 1993-94 годах по инициативе населения села Малый Арал была произведена реконструкция надгробных построек этих захоронений, благоустройство территории комплекса, построен гостевой дом, назначена охрана. Спонсором этого проекта выступил ООО «Астраханьгазпром». Дело в том, что в связи с процессами религиозного и национального возрождения в те годы значительно возрос поток паломников. Поэтому проведенные мероприятия были своевременными, отвечали запросам людей. Долгое время в качестве смотрителей работали Р.К. Джаналиев, М.С. Муртаев, Т.С. Беккалиев, Р.Х. Кутлагазиев. Большую роль в работе комплекса до сих пор оказывает Т.Н. Джаналиева и З.С. Идрисова

В 2000 году был открыт благотворительный фонд «Сеид Баба и Букей хан». Его учредителями стали потомки святого и уважаемые люди села. Главную задачу, которую поставил себе фонд это продолжить реконструкцию комплекса, чтобы обеспечить паломникам нормальные условия, оказывать материальную помощь нуждающимся, изучать уникальное явление, способствующее человеку в исцелении. Большую работу в этом направлении проделал первый председатель фонда Галимжан Нугманов.

По инициативе Галимжана Нугманова в селе Малый Арал была построена школа в 1999 году. Здесь был создан музей ногайской культуры, введено преподавание ногайского языка. Неоднократно на базе школы в партнерстве с обществом «Бирлик» проводились мероприятия ногайской культуры – Джанибековские чтения, выступление ногайских артистов из Республики Дагестан.

В 2014 году Г. Н. Нугманов создал и возглавил районное общество ногайской культуры «Единение». Большую помощь в этом процессе оказал глава района Н.И. Байтемиров. А также непосредственный куратор от администрации И.Л. Руш. 26 апреля состоялась его презентация в селе Джанай. Одним из ярких мероприятий, которое ежегодно проводится с тех пор, стал День ногайской культуры. Во главу угла деятельности общества «Единение» поставлены вопросы сохранения и развития традиций ногайцев-карагашей. В частности, в направлении музыкального творчества – это поддержка исполнительства на саратовской гармошке и кабале.

5 сентября 2014 г. после болезни Галимжан Нургалиевич Нугманов ушел из жизни. Он оставил яркий след в сердцах односельчан и всех жителей Красноярского района. Отличался спокойным и уравновешенным характером, добрым отношением к людям и ответственным отношением к работе.

РАСУЛ СЕИТОВ – СЕРДЦЕ И ДУША НОГАЙЦЕВ

Р.Ш. Ишмухамбетов

«Баьтир оьлер- данък калар» ногай халк айтувы
(«Батыр умирает, но слава его остается» ногайская пословица)

Имя Расула Муссовича Сеитова широко известно среди ногайцев не только на родной ему Кубани, но и во всех прочих регионах, где проживает наш народ.

Творчество Расула Сеитова завоевало и продолжает завоевывать сердца своей простотой, прямоотой и душевностью. При этом безыскусность и простота его песен вовсе не была равна приземленности и недалекости, напротив это прямое отражение лучших черт характера ногайского народа, которому чужды хитроумная витиеватость и излишние внешние украшения и чванство, за которыми кроется зачастую лишь «нуворишеская» пустота и отсутствие глубокого ценного наполнения. Безусловно, только неподдельные живые чувства могли всколыхнуть струны души народа, что и было характерно для творчества Расула Сеитова.

Расул Муссович Сеитов родился 8 сентября 1974 г. в старинном ногайском ауле Икон - Халк (Тохтамыс) тогда Адыге-Хабльского, а ныне Ногайского района КЧР.

Получил образование в местной общеобразовательной школе. С 1991 по 1995 г. обучался в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом университете, выбрав профессию учителя музыки. С ноября 1996 года возглавил в Адыге-Хабльском районном Доме культуры фольклорный ансамбль «Маметекей», который и сам основал, и который взрастил многих деятелей культуры ногайского народа, среди которых Айна Черкесова. Плодотворно участвовал во многих фестивалях и конкурсах, где был удостоен высоких наград и занимал призовые места. В период с 2010 по 2014 год Р.М. Сеитов возглавлял отдел культуры администрации Ногайского района КЧР. Всю свою короткую, но яркую и насыщенную жизнь Расул Муссович вел огромную добросовестную творческую работу во благо ногайского народа. (Ногай давысы). 6 августа 2014 г. безвременно скончался в результате автомобильной катастрофы¹.

В песнях Расула Сеитова остро чувствуется сопереживание в обращении к историческим событиям и стремление переосмыслить и воскресить их в глазах современников. По его собственным словам, интерес к ногайской истории, литературному наследию и фольклору возник у него еще с детства². А в течение жизни это чувство развивалось и

¹ «Аты Оьмир яшяк» («Имя будет жить вечно») // газета «Ногай Давысы» № 61 от 9 августа 2014 г. – С.4 (на ногайском языке).

² «Живет в сердцах» на ногайском языке (заглавие с экрана) режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MmAF8XyJx-U>

двигало творческий процесс. При этом, в отличие от многих, Расул Сеитов не желал просто эксплуатировать тему национальных чувств и патриотизма в своих целях, не искал, да и не имел от этого коммерческой выгоды. Показательно, что Расул Сеитов не продавал свое искусство и не искал «где лучше», но был привязан к родной земле и работал на благо своего народа, не стыдясь скромного достатка. У ногайцев говорят: Шешен йигит элге ортак - красноречивый джигит становится общим достоянием для всего народа, судьба Расула Сеитова яркое тому подтверждение.

Очень важная черта в творчестве Расула Сеитова это прямое обращение к этнографической и исторической наукам, к исторической памяти народа, к глубинным «архетипическим образам», составляющим особую ментальность и культурный код ногайского народа. Тем горче от безвременной кончины ушедшего от нас талантливого сына своего народа с пламенным сердцем и благородными помыслами.

В своей статье мы постараемся на нескольких примерах проследить влияние исторического и эпического наследия ногайского народа на творчество Расула Сеитова.

Не вызывает сомнения тот факт, что в зависимости от региона проживания у каждой группы ногайцев сложились особые традиции и особенности, что не отменяет никак общеногайского единого ментального, языкового и культурного поля, общей исторической памяти и духовности. Расул Сеитов в своем творчестве и жизни, несомненно, воплощал дух ногайского народа и, в особенности, именно кубанских ногайцев, не становясь при этом нисколько чужим и для прочих субэтнических групп ногайцев.

Из недолгого личного разговора с Расулом Сеитовым в мае 2014 года автор статьи почерпнул некоторые мысли и идеи, которые двигали автором - исполнителем, собственным видением которых хочет поделиться.

В творчестве Р. Сеитова, как уже было сказано, чувствуется глубокая эмоциональная и духовная сопричастность автора к истории ногайского народа. При этом привязку обретают конкретные исторические события и личности как некие «отправные точки» и яркие символы ногайской истории: «хан Ногай», «Сююмбике», «Белая мечеть», «Елли Кая - Скала ветров» и многое другое.

Несомненно, даже при использовании современной аранжировки в музыке Расул Сеитов был настоящим продолжателем дела древних и средневековых ногайских йыравов, обращаясь к ногайскому народу: его памяти, совести, прошлому и настоящему.

Для Расула Сеитова характерно обращение к глубинным корням ногайского народа, отраженным в ногайских эпических йырах и дестанах. Так, например, строка «Куьман уьлке кыпшагым - Ногай атым» в песне Р.Сеитова «Кобан ерим» (Кубань - земля моя) обязана своим происхождением ногайскому героическому эпосу «Сорок ногайских богатырей», где используется тот же термин «Куьман уьлке, Кыпшагым» (народ куманов, мои кыпчаки)». Происхождение самого названия реки Кубань при этом многими учеными увязывается с названием западных кыпчаков - куманов (смена звука б на м характерна для тюркских языков), хотя возможна и обратная связь¹.

Роль кыпчаков - половцев как основного элемента в сложении ногайского этноса неоднократно подчеркивалась учеными - ногаеводами (В.В. Трепавлов, Р.Г. Кузеев, Р.Х.Керейтов и др.).

Расул Сеитов неоднократно возвращается к половецкой теме, чтобы напомнить о древних корнях своего народа - об этом говорят, например, название песни «Половецкая луна» или строка «Овеян вольным ветром половецким» в песне об ауле Карамурзинском.

Единая связь истории, народа, места, действия и образа полно освещается в творчестве Сеитова. Разберем, например, строки «Айлан ак кан Ак Кобан» (Вращайся же подобно благородной крови Белая Кубань) из одноименной песни. Образ «Ак Кобан» (ног.

¹ Ярлыкапов А.А. Куманы и кыпчаки // Тюркологический сборник. 2006 (2007) – М.: «Восточная литература», 2007. – С. 364-366.

Белая Кубань) прямо перекочевал в песни Расула Сеитова из эпического цикла ногайских дастанов (Арю Амет сын Айсыла, Адиль-Солтан и др.), а также из песен средневекового ногайского йырава Казтувгана Суюниш улы (у него Ата юртым Ак Кобан - Отчий край, Белая Кубань — Р.И.).

Здесь нет ничего удивительного: Кубань это не только и не столько просто одна из рек родного Р.М. Сеитову края, но особый исторический и культурный символ для ногайцев. И в самом деле, для ранней, средневековой, как и для новой истории ногайского народа река Кубань это отправная точка, связывающая прошлое и настоящее воедино. Так, еще до переселения в Волго-Уралье в XIV в. предки ногаев жили именно на Кубани как об этом написал ведущий ногаевед Трепавлов В.В.: «Все шеджере, повествующие об уходе их (ногайцев) на юг после падения Казани, единогласно утверждают, будто мурзы повели свой народ на Кубань, как на древние *исконные* (курсив мой- Р.И.) ногайские кочевья. Данное обстоятельство может служить существенным аргументом при решении вопроса, из какого региона явились ногаи (в XIV в.- Р.И.) свой Мангытский юрт на Яике...»¹.

Затем, спустя два столетия, с возвратом ногаев возник уже Малый Ногай, а наследовавшая ему Кубанская орда и вовсе была последним самостоятельным государством ногайцев. Не случайно в мордовских преданиях ногайцев называют именно «губан» - человек с Кубани, и подобным же образом эта связь указывается в татарских и башкирских преданиях².

Использовал Р.М. Сеитов и прямое обращение к ногайскому богатырскому эпосу, как например в песне Шора-баьтир, посвященной герою одноименного ногайского эпоса, у которого был реальный прототип - историческая личность Шора Нарик улы (Чура Нарыков) живший в XV в.

Так же мы встречаемся в его творчестве и с переложением и опозитизированным видением народных ногайских легенд как например в песне Бердаьзи переложена легенда о бедном юноше собиравшем калым для женитьбы на девушке³.

Таким образом, обращение к историческим событиям, эпосам и легендам ногайцев в современном переложении занимает центральное место в творчестве Расула Сеитова. При этом сам Расул Сеитов был далек от проявлений нетерпимости и шовинизма, прекрасно находил общий язык и дружил с представителями разных народов, снискав среди них заслуженное уважение и авторитет⁴. Тему близких и родственных отношений с народами-соседями отражает песня «Сын Ногай», по сюжету которой, основанному на реально происходивших неоднократно событиях, влюбленный юноша-ногаец осуществляет кражу девушки-черкешенки с целью женитьбы.

В творчестве Р.М. Сеитова имело место быть и обращение к теме народных праздников, как например, в песне «Сабантой», при этом речь не шла о вульгарных «поделках на скорую руку» или необдуманных нововделах, при написании песни и сборе материала Сеитов специально обращался за консультациями к ногайскому ученому, доктору исторических наук Рамазану Хусиновичу Керейтову⁵.

Горе и печаль нашего немногочисленного ногайского народа были собственным горем и глубоким переживанием для Расула Сеитова, что видно в текстах его песен таких

¹ Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии XV- XVII // Тюркские народы современной Евразии – Казань, 2011 – С. 107.

² Булатов А. Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1974.

³ Канаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья : опыт мифологического словаря - М.:Голос-Пресс, 2012. – С.124.

⁴ Булатов А. Б. Указ. соч. ; «Живет в сердцах» на ногайском языке (заглавие с экрана) режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=MmAF8XyJx-U>.

⁵ «Живет в сердцах» на ногайском языке (заглавие с экрана) режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=MmAF8XyJx-U>

как, например, как песня о Белой Мечети как о некоей утраченной и поруганной святыне (упоминаемая еще Эвлия Челеби Ак Мешит, вошедшая в легенды у кубанских ногайцев и ногайцев-карагашей).

Особо важным является и обращение к родным местам как мотив в творчестве. Например, в песне Арсламекей назван одноименный квартал родного для Расула Сеитова ногайского аула Икон-Халк (Тохтамыс), а в песне Кобанда согыс (Битва на Кубани) упоминается так же и название реки Кара йылга. Этот художественный прием позволял напрямую обращаться к чувствам людей проживающих рядом или бывавших в этих местах.

В этой же песне Расул Сеитов использует еще один особый творческий прием, он перечисляет названия родоплеменных объединений ногайцев, которые существуют и ныне: Кыпчак, Найман, Туркмен, Сеит, Кытай, Жымакул и др. - что заставляет ныне живущих представителей этих родов и фамилий прямо сопереживать повествованию.

Здесь, для более глубокого понимания феномена Расула Сеитова необходимо привести мысль, что очень часто современное нам повторяет древнее, ведь «все новое это хорошо забытое старое», и именно в этом удивительная связь времен и нить преемственности.

Зная и воспроизводя заново прежнее, Расул Сеитов с глубоким возмущением и негодованием относился к попыткам изменить ногайскую песенную и культурную традицию «подвергнуть» ее под традицию иных, пусть и родственных народов. Он прекрасно понимал самоценность и самобытность собственно ногайской традиции и осознавал его возможную гибель при растворении и замещении сторонними «родственными влияниями».

Для иллюстрации этого мы хотели бы привести пример из исторической науки, который имеет к нашей теме прямое отношение. В песнях Расула Сеитова часто звучат традиционные наигрыши на гармонии (ног. Сазлар). Часто сегодня этот инструмент незаслуженно подвергается критике как «чуждый», «нововоспринятый» для ногайцев. Однако, на самом деле, гармонь совсем неслучайно носит у ногайцев название «кобыз» (изначально так называли особый смычковый двухструнный инструмент.). Дело в том, что и у соседей ногайцев — адыгов, осетин и др. мелодии исполняемые ныне на гармонии прежде исполнялись на аналогах ногайского кобыза, таких же двухструнных смычковых - адыгском шишепчине (адыг. Конский хвост), или осетинском хисын фандыре. Здесь налицо прямое перенятие традиции и мелодики древнего инструмента - современному новому.

Кобыз, будучи гораздо древнее домбры, и был инструментом древних певцов йыравов, например, и поныне у родственных ногайцам каракалпаков эпос «Эдиге исполняется именно в его сопровождении. Возникла парадоксальная ситуация, когда гармонь, действительно вполне «молодой» инструмент, унаследовала традицию от преемника древней скифской арфы- от ногайского кобыза¹. При этом как отметил адыгейский композитор Каплан Туко, ногайские мелодии вообще сами по себе в целом отличаются от мелодий соседних народов самобытностью и особыми лишь ей свойственными музыкальными чертами².

Так же автор видит здесь параллель между этой «ситуацией гармонии и кобыза» и современным творчеством Расула Сеитова, которое на самом деле имеет глубокие корни в культурном наследии ногайцев.

Творчество Расула Сеитова особенно любят и астраханские ногайцы. Род «сеит», из которого происходил Р.М. Сеитов есть по сию пору и в составе ногайцев- карагашей ко-

¹ *Басилов В.Н.* «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // Советская этнография. – 1991. – №4. – С. 140-154.

² *Карданова Б. Б., Гагуа Л. А.* Интерпретация ногайской музыки в современном вокально-инструментальном исполнении // Ногайцы : XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Мат. I — ой М/н. научно — практич. конференции Черкесск : [Карач. — Черк. гос. ун — т им. У.Д. Алиева]. 2014 – С. 357-360.

торые сами кубанского происхождения ¹. Песни Расула Сеитова популярны и на свадьбах -тоях и на прочих мероприятиях, при этом некоторые даже не были в курсе того, что Расул Сеитов не астраханский, а кубанский ногаец — настолько органично и по-родному они воспринимаются ².

Не является секретом, что многие песни уже при жизни их автора, Расула Сеитова, попросту «ушли в народ» и исполняются на празднествах и прочих ногайских мероприятиях как народные. Это несомненный показатель незаурядного таланта автора и его близости к единому культурно-ментальному полю ногайского народа.

У ногайцев в пословицах (ног. айтув) говорится: «ногай халк - оьзден халк», «мырза халкы ногайлар» (ногайский народ -народ узденей (дворян), княжеский народ ногайцы.). Подчеркивается этими словами не чванство и самодовольство, но именно лучшие качества ногайского народа - чувство собственного достоинства, верность слову, храбрость, благородство, непритязательность, открытость, прямота, желание сделать на совесть, - возведенные в идеальный образ, которые стремятся привить ногайцу с младых ногтей его родители и близкие. Все перечисленное во многом свойственно было и творчеству, и самой личности Расула Сеитова.

Двадцать шестого сентября 2015 года, в родном для Р.М. Сеитова Ногайском районе КЧР был проведен митинг его памяти, и было присвоено его имя дому культуры аула Икон-Халк (Тохтамыс), а также фольклорному ансамблю «Маметекей» который он сам основал и возглавлял на протяжении 20 лет.

Однозначно в мире не существует идеальных людей, и никому из нас ничто человеческое не чуждо, как не чуждо было и Р.М. Сеитову, но в той мере насколько одни значительные качества перекрывают другие, насколько они оказывают влияние на современников, настолько возможно соразмеряя масштаб фигуры личности и время в котором она действует, сделать вывод о ее значимости. Творчество Расула Сеитова и сама его личность уже стали особым достоянием ногайского рода, символом сохранения ногайской идентичности, ногайского духа, исторического и эпического наследия, маяком патриотизма и искренности.

¹ *Ишмухамбетов Р.В.* К проблеме сохранения этнической идентичности астраханских ногайцев // Материалы конференции «Этнические и национальные коды в полиэтничных регионах России». – Астрахань, 2015. – С.29-38.

² Информатор Досмухамедов Рамиль Зинурович 01.01.1981 г.р. с. Растопуловка Приволжского р-на. Астраханской обл.

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

Э.Ш. Идрисов

Регион Нижнего Поволжья исторически является составной частью территории формирования ногайцев. После распада Ногайской Орды, который проходил, в течение второй половины XVI века и начале XVII века, ногайские кочевники стали оседать вокруг русской Астрахани, формируя постепенно группу, названную в региональных документах «юртовские татары»¹.

Для управления юртовцами была создана должность «табунный голова», на которую назначались представители ногайской знати из мурз Урусовых и Тимбаевых. Практически до конца XVIII века юртовцы вели полукочевой образ жизни, распределяясь по улусам. Постепенно юртовская общность, вступая во взаимодействие с другими народами, а также испытывая социально-экономическое и социокультурное влияние города, подвергается этнической трансформации. В хозяйственно-культурном комплексе юртовцев все большее место начинает занимать овощеводство и бахчеводство. Несмотря на первоначальные запреты, юртовцы включаются в торговую деятельность. Не последнюю роль стал играть рыболовный промысел. Все это в последующем создало условия для складывания купеческого капитала и обзаведения мелкой промышленностью в XIX веке среди юртовцев².

Позже в составе народонаселения Астраханского края появляется еще один ногайский компонент, обозначенный как «кундровские татары». Речь идет о ногайцах кубанской ветви – карагашах. Ногайцы-карагаши в своем формировании прошли этап отделения от основного первоначального Волго-Уральского массива ногайцев, в составе Малой Ногайской Орды, время пребывания на Северном Кавказе, потом период кочевания с калмыками в составе Калмыцкого ханства и затем обоснования на землях Красноярского уезда Астраханской губернии. Последнее событие затянулось на несколько лет. Могло получиться так, что карагашей хотели разделить на три части или они вообще могли уйти на восток в казахские степи. Но, в итоге, было основано два крупных селения Ходжетаевка и Сеитовка, которые стали центрами управления карагашским обществом³.

До начала XX века ногайцы-карагаши сохраняют полукочевой образ жизни. Но также частично в их хозяйственном комплексе появляется овощеводство и рыбная ловля. Именно карагаши наиболее последовательно сохраняют ногайские элементы культуры, языка и самосознания.

¹ Термин «юртовские татары» носит, прежде всего, этносоциальное значение. Будет правильной считать, что под него попадают все наиболее ранние группы тюркского происхождения, с которыми российские власти стали входить в контакт в том или ином регионе. Территориально этот термин применяется не только на Нижней Волге, но и в Центральной России и Сибири. Таким образом, он не носит чисто этническое обозначение. В нижеволжском варианте под этим термином мы ассоциируем большеордынских ногайцев перешедших под Астрахань и впоследствии примкнувших к ним других представителей тюркских групп, прежде всего, части среднеазиатских купцов, средневолжских татар и туркмен. Вопрос о включении в состав юртовских татар бывших жителей Астраханского ханства пока остается открытым.

² См. подробнее *Викторин В.М., Идрисов Э.Ш.* Астраханские ногайцы. // Республиканский научно-популярный журнал «Возрождение. Прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана» – №9. – 2006. – С. 23-25.

³ См. подробнее *Идрисов Э.Ш.* К вопросу о поселении ногайцев-карагашей на территории Красноярского уезда Астраханской губернии (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Перекрестки истории: Актуальные проблемы исторической науки: материалы II Всероссийской научной конференции. Астрахань, 18 апреля 2008 года. – Астрахань, 2008. – С. 151-156.

Исследователи выделяют еще две переходные группы, связанные с ногайцами. Это кундровцы и утар-алабугатцы. Как и юртовцы они исторически связаны с большеордынскими ногайцами¹.

Очень интересным аспектом является вопрос об изучении ногайцев Нижнего Поволжья. Впервые о них пишут иностранные путешественники и государственные деятели российской администрации. Неоценимый след для развития ногаеведения оставили немецкие ученые С. Г. Гмелин, И. Г. Георги и П. С. Паллас.

С. Г. Гмелин - это натуралист, академик Петербургской Академии Наук, был приглашен из-за границы. По поручению академии в 1762 г. предпринял путешествие для изучения прикаспийских стран. В 1769 и 1772 гг. посетил г. Астрахань. В его книге "Путешествие по России для исследования трех царств природы" (Часть-II, Спб., 1777) есть сведения, касающиеся юртовцев на конец XVIII века. Исследование С. Г. Гмелина в основном еще не утратило описательного характера и дает подробную характеристику материальной культуры, религии, похоронного обряда, брачных отношений и музыкальной культуры. Очень важно, что он дает подробную характеристику типов поселений юртовцев.

П. С. Паллас, естествоиспытатель и путешественник. В 1768-74 гг. возглавлял экспедицию, организованную Петербургской Академией Наук. Составил обширное описание провинций Российского государства, где есть интересные сведения по ногайцам².

Не меньшее значение для изучаемого вопроса имеет деятельность И. Г. Георги, этнографа, профессора минералогии при императорской Петербургской академии наук. В 1768 г. он сопутствовал П. С. Палласу в его ученом путешествии, затем был назначен в помощь профессору Фальку в Оренбургскую экспедицию. В 1770 г. отправился в путешествие через Москву в Астрахань. В 1775 г. издал свои путевые заметки. В своих путешествиях срисовывал все примечательное и составил коллекцию изображений народов России. Из своих записок и работ других авторов написал книгу "Описание всех обитающих в Российском государстве народов" (Спб., 1799)

В этой книге по изучаемому вопросу содержатся сведения об юртовцах, автор раскрывает некоторые особенности их связей с казанскими татарами в Астрахани. Также он дает этнографические сведения о карагашах.

В XIX об астраханских ногайцах пишут в обзорных трудах по этнографии Нижнего Поволжья или в социально-экономических описаниях Астраханской губернии. Здесь хочется, прежде всего, отметить П. Небольсина. Его труд «Очерки Волжского Низовья» выпущенный в 1852 году носит для современных исследователей фундаментальное значение. Две обширные статьи «юртовские татары» и «кундровские татары» касаются непосредственно темы астраханских ногайцев. Причем в отношении юртовцев П. И. Небольсин четко пишет о том, что они происходят от ногаев Золотой Орды, а термин «кундровские татары» связывает непосредственно с ногайцами, находившимися в составе Калмыцкого ханства.

Большой интерес представляет статья В. А. Мошкова "Мелодии оренбургских и ногайских татар" в известиях общества Археологии, истории и этнографии (Т-ХII, вып-1/3, К., 1894). Сведения, которые сообщает автор, в основном, составлены по устным сообщениям ногайцев-карагашей и относятся к характеристике их материальной культуры, свадебного и похоронных обрядов, фольклора (суеверий) и музыки. Часть материала он подает в сравнительной трактовке. Недавно его труд были переиздан Российским институтом истории искусств.

¹ См. подробней *Викторин В. М., Идрисов Э. Ш.* Астраханские ногайцы. // Республиканский научно-популярный журнал «Возрождение. Прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана». – №9. – 2006. – С. 23-25.

² *Паллас П. С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. – Астрахань, 2008.

Еще более неожиданно открывается ногайская история, отраженная в документах органов государственной власти. Так никто не писал о том, что связи между нижеволжской группой ногайцев и ногайцами Северного Кавказа продолжали сохраняться весь дореволюционный период. По документам архивов юртовцы в XIX веке вели активную торговую деятельность на Северном Кавказе, иногда соприкасаясь с караногайцами. В свое время в архиве я нашел документ, в котором рассказывалось о караногайском участнике событий Кавказской войны, которого с семьей и прислугой переправляли через Астрахань на поселение в Оренбургскую губернию. И вот об этом в своем прошении он пишет на имя астраханского губернатора письмо о разрешении отдохнуть в течение нескольких месяцев в степях близ ногайских сел Сеитовка и Ходжетаевка, так как его подопечные и скот сильно разболелись. То есть это говорило о том, что он знал, где в Астраханской губернии живут ногайцы и просился к ним на постой. Но в силу его прошлой политической деятельности разрешение ему не дали, он был срочно этапирован далее в Оренбург¹.

Ногайцы Нижнего Поволжья находились в тесных отношениях с другими народами региона. Причем это были, не только родственные тюркские народы, но и русские, калмыки, армяне. В описаниях дореволюционных ученых и архивных документах можно подчеркнуть такие факты. Так, при поселении ногайцев-карагашей в Красноярском уезде Астраханской губернии в направлении политики обоседления им были выстроены деревянные дома русскими плотниками. Первоначально карагаши не воспринимали столь неожиданное приобретение и даже стали продавать дома. Но после строгого указания губернатора вернуть обратно проданные дома, карагаши стали использовать их в зимнее время, а в весенне-летний период продолжали кочевать по Бузану и Ахтубе².

О сохранении связей между ногайцами и калмыками после ликвидации Калмыцкого ханства пишет Я. Потоцкий. Он упоминает о брачных связях, а также о том, что астраханские ногайцы прибегают к суду калмыцкого хана. В одном документе архива есть даже данные о том, что карагаши исполняли услуги переводчиков между калмыками и казаками³.

По приходу мангышлакских туркмен в Нижнее Поволжье они часто переходили на кочевку в Красноярский уезд к ногайцам-карагашам. Причем на это накладывался административный запрет, но туркмены все равно продолжали кочевать с карагашами. От этих тесных взаимоотношений возник карагашский род «туркпен». Позже некоторые из туркмен были приписаны к обществу юртовцев⁴.

Отдельная страница истории ногайцев связана с казаками. Общая этногенетическая основа делает их очень близкими народами. Правда в последующем ногайская этническая история усложнилась постоянными миграциями и новыми этнокультурными контактами. В условиях Астраханского края прошлые историко-культурные взаимоотношения ногайцев и казахов продолжились. Как некий символ единения ногайцев и казахов считается взаимоотношений духовного проповедника Сеит-Баба и казахского султана Букей хан⁵.

¹ См. подробнее *Идрисов Э.Ш.* «Ногайский мир» межтюркских связях XVIII-XIX веков на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Султан Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе XVII-XVIII вв» (Хасавюрт, 20 апреля). – Махачкала, 2011. – С. 302-306.

² См. подробнее *Идрисов Э.Ш.* Ногайцы-карагаши в системе этнокультурного и социального взаимодействия с народами Астраханского края в конце XVIII – I пол. XIX вв. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. – Астрахань, 2009. – Вып. 1. – С. 173-178.

³ *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи // Ногайцы в известиях русских, западно-европейских и восточных авторов. Составитель – Д.С. Кидирниязова. – Махачкала, 1999. – С. 411-413.

⁴ См. подробнее *Идрисов Э.Ш.* Межэтническое взаимодействие астраханских туркмен: об исторических и этнокультурных связях ногайцев и туркмен // Астраханские туркмены: история и современность. – Астрахань, 2012. – С. 14-20.

⁵ См. подробнее *Идрисов Э.Ш.* Ногайско-казахские историко-культурные связи и современные отношения // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 17 апреля 2010 г. – Астрахань, 2010. – С. 158-161.

Других примеров ногайско-казахских отношений тоже много. Приведу еще один. Интересным аспектом этих взаимоотношений является факт того, что в состав Букеевской орды казахов были включены представители ногайцев-карагашей. По данным исследователя из Казахстана Н. Курумбаева причиной появления ногайцев-карагашей в Букеевской Орде является приглашение их ханом Джангиром для постройки домов в Ханской ставке. Приближенность ногайцев-карагашей к казахским ханам, а также возможные близкие родственные отношения, подтверждают надгробные стелы, расположенные на одном холме с могилой хана Жангира. Возможно, они могли входить в состав рода «туленгут», выполнявшего функцию охраны хана, о чем говорит тот факт, что у них была схожая тамга¹.

Неожиданно, но армяне также оставили свой след в региональной ногайской истории и культуре. По сведениям одного архивного документа армяне жили без приписки в ногайских селах Ходжетаевка и Сеитовка. И кроме всего прочего занимались ювелирной работой, в частности, делали украшения для ногайских костюмов.

Другие интересные факты всплыли в Астраханском архиве, раскрывающие тему взаимоотношения астраханских ногайцев с Астраханским казачьим войском. О ней в свое время писал атаман Бирюков, а потом преподаватель истории из АГУ П.В. Казаков. Но более подробно всю суть вопроса раскрывает документ архивного фонда.

Оказывается в середине XIX века возник проект включения общества ногайцев-карагашей полным составом в Астраханское казачье войско. До этого ногайцы, прежде всего из едисанских мурз Тимбаевых, входили в состав астраханских казаков. Но теперь был поставлен вопрос о массовом переходе в казаки ногайцев. Причем для его воплощения предполагалось произвести реформу управления карагашами. Обоснование проект имел тем, что ногайцы Красноярского уезда имеют хорошую выучку езды на лошадях, а также, что немало важно обладали большим земельным фондом, который предполагалось включить в общинное пользование казачьего войска. Возник даже проект переселения ногайцев на Куму, для усиления западной границы Астраханской губернии.

Но проекту не суждено было сбыться. Из-за расколёвки ногайского общества не могли провести общий сход по требованию региональной власти².

В конце XIX - начале XX века внутри ногайского общества Нижнего Поволжья, на фоне роста этнического самосознания на всем пространстве Российской империи, сложились условия для формирования национальной творческой и научной интеллигенции. Центральной фигурой среди них являлся Абдрахман Умеров (Гумари). Из его многогранной деятельности нас интересуют его исторические изыскания и сбор ногайского фольклора. Известно, что А. Умеров готовил к изданию двухтомный труд «История астраханских ногайцев». Правда, сохранились только материалы к этой невышедшей книге. Они частично изданы в книге С. Рахимова «Абдрахман Умеров» Казань, 2002.

Ученики и сподвижники А. Умерова внесли также значительный вклад в ногаеведение и тюркологию. Здесь хочется, прежде всего, отметить А. Джанибекова и Б. Салиева. А. Джанибеков полностью посвятил себя собиранию фольклора и языкознанию, а Б. Салиев уехал в Среднюю Азию и стал первым профессором истории в Узбекской ССР, изучая прошлое этого богатого историко-культурного региона³.

¹ Курумбаев А.Ш. Этнические группы Букеевской Орды казахов // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. – Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань, 2012. – С. 70-73.

² См. подробнее Идрисов Э.Ш. К вопросу об управлении полукочевыми ногайцами-карагашами в составе Астраханской губернии (конец XVIII - I пол. XIX вв.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура №2. – 2011. – С. 19-26.

³ Курмансеитова А.Х. Творческая деятельность Абдул-Хамида Джанибекова (1879-1955) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей Астрахань, 2010. – Вып. II. – С. 319-324; Германов В.А. Профессор Пулад Салиев и его время. – Ташкент, 2002.

Среди исследователей ногайцев из других народов начала XX века хочется отметить Жозефа Деникера. Это французский антрополог, родившийся в Астрахани. Ему принадлежит классификация человеческих рас по физическим признакам. В его труде по антропологии есть сведения о ногайцах и, в частности, приводятся неожиданные фотоматериалы. Так, в ней есть изображение ногайца-карагаша из рода «туркпен»¹.

В советское время изучение ногайцев Нижнего Поволжья продолжилось в свете задач социалистического строительства. Удивляет своими данными многоплановая статья о карагашах московского исследователя В.Д. Пятницкого, составленная по материалам поездки к ним в 1927 году. В ней даются четкие этнографические характеристики карагашского общества, приводятся и некоторые лингвистические данные².

Также большой вклад вносит В.И. Трофимов. Кроме двух статей о ногайцах, Трофимов оставил нам большую коллекцию фотографий из быта астраханских ногайцев. Также, будучи сотрудником Саратовского института краеведения, он занимался сбором этнографических коллекций и благодаря ему, мы имеем сегодня большой фонд одежды, украшений и предметов быта в нашем Астраханском краеведческом музее и музее г. Саратова³.

Т.А.Трофимова произвела антропологическое изучение ногайцев Нижнего Поволжья. Сегодня тема физической антропологии снова начинает развиваться, в частности в аспекте проблем этногенеза. Поэтому ее данные могут пригодиться исследователям этого направления⁴.

Надо отдать должное современным ученым, которые в своих исследованиях стали обращаться к ногайской тематике Нижнего Поволжья. Низкий поклон Л. Ш. Арсланову, тюркологу-лингвисту, профессору Елабужского государственного педагогического университета, который проводил свои исследования языковых говоров юртовцев, карагашей и утар-алабугатцев. По всем ним есть отдельные монографии с приложением большого фольклорного материала песен, поговорок и сказок.

Вообще можно считать, что сегодня крупным ногаеведческим центром стала Республика Татарстан. Среди ученых-татароведов к теме астраханских ногайцев обращались Д.М. Исхаков, С.В. Сулова, Р.К. Уразманова, Ф.С. Баязитова и др. Оценивая их вклад можно отметить академичность, но игнорирование некоторых аспектов связанных с этнической самоидентификацией астраханских ногайцев. По-прежнему, карагаши, кундровцы и, не говоря уже об юртовцах, это части общности, именуемой «астраханские татары». Конечно, можно согласиться о родственной близости двух народов, ногайцев и татар, а также значительным влиянием татарской культуры на астраханских ногайцев, но факт остается фактом, ногайцы являются самостоятельным этническим образованием и нужен другой методологический подход при обращении к этой теме исследования. Особенно это касается юртовской темы, самой сложной и малоизученной.

Не менее значим для нас труд В. М. Викторина, этнографа, практически со своих первых научных работ писавший об астраханских ногайцах. В 1975 году он защитил диплом по теме: «Свадебная обрядность карагашей. (К проблеме этногенеза)». А в 1985 году кандидатскую диссертацию: «Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья в XVIII – начале XX вв.». В конце 80-х и начале 90-х Виктор Михайлович принял активное участие в событиях этнокультурной жизни ногайцев России.

¹ *Joseph Deniker* The races of man: an outline of anthropology and ethnography. 1900.

² *Пятницкий В.Д.* Карагаши (по материалам поездок в 1927г.) Землеведение, Географический журнал им. Д.А.Анучина. –Том-32. – Вып.-3-4. – М.,1930. – С.155-170.

³ *Трофимов В.* Татары-карагачи // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. VII. Саратов, 1936. С. 102-111; *Трофимов В.И.* Материалы по животноводству у татар-карагачей // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького – Т. VIII. – Саратов, 1936. – С. 102-111.

⁴ *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Том VII. – М.-Л., 1949.

Хочется отметить ногаеведов других регионов, которые обратились к теме астраханских ногайцев. Это Р.Х. Керейтов, изучающий родоплеменной состав астраханских ногайцев. Керейтов не раз был у астраханских ногайцев, часто выступал с докладами на научных мероприятиях. Его астраханские материалы вошли в обобщающие труды по ногайцам¹. Это А. Х. Курмансеитова, благодаря труду которой стала еще более раскрываться тема ногайских просветителей Астраханского края. На основании ее исследований был сделан вывод о том, что в начале XX века Нижнее Поволжье было духовным центром для всех ногайцев России².

В 90-е и начале 2000-х к ногайской тематике стали обращаться молодые историки и этнографы. Среди них можно отметить музыковеда А.Р. Усманову и этнограф-религиоведа А.В. Сызранова.

В последнее время к ногайской теме обратился астраханский историк И.В. Торопицын. На основе исторических документов федеральных и региональных архивов он стал рассказывать в своих статьях об неизвестных страницах истории салтанаульских ногайцев и ногайцев-карагашей. В частности, он выдвинул интересную точку зрения о связи этих двух групп между собой³.

Не последнюю роль играют и краеведы, изучающие ногайскую тему, не имея научных степеней. Наверно самым известным среди них является Р. У. Джуманов. Его вклад, прежде всего, связан с популяризацией ногайской истории, с публикацией статей в районных газетах на фоне роста интереса к родной истории и культуре в 80-е – 90-е годы XX века. В свое время на ногайскую тему писали И. Шамуков, Р. Ижбердиев и Н. Баширов. А недавно очень интересный материал был представлен учителем из юртовского села Татарская Башмаковка А. Мусаевым. В своей статье на краеведческих чтениях он описал такое явление социальной жизни юртовцев, как «атак», что можно по смыслу перевести как «прозвище». Получилось так, что с забвением родовых структур после оседания на землю в сельских поселениях каждая фамильная группа стала получать придуманное со стороны обозначение⁴.

Еще одним, подающим большие надежды, молодым историком, выпускником АГУ, является Р.Ишмухамбетов. Обладая знаниями арабского языка и графики, он обратился к переводам дореволюционных текстов написанных на «тюрки» арабским шрифтом. В частности, на одной из краеведческой конференции, он выступил с анализом шеджере «Сеид баба и его потомки» выпущенной в типографии А. Умерова⁵.

Обобщая свою статью об астраханских ногайцах, хочется отметить, что в целом это сложный этнокультурный массив, который трудно воспринимается однозначно, из-за наличия нескольких уровней самоидентификации, а также этнокультурных напластований и в целом направленности современных этнокультурных процессов. Но ясно одно, что ногайскую тему в историко-культурном развитии Нижнего Поволжья надо изучать, создавая научную школу, основательная база которой уже заложена предшествующими поколениями исследователей.

¹ Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь, 2009. и др.

² Курмансеитова А.Х. Байтеректинъ байлыгы (на ногайском языке) – Черкесск, 1996; Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX - начало XX века). – Черкесск, 2009 и др.

³ Торопицын И.В. Эрс Магомет мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х годах) // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань, 2012. – С. 106-112.

⁴ Мусаев А.Д. Трансформация родоплеменных сообществ юртовцев (карайле) в семейно-клановые группы в современности // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. – Вып. – II. Астрахань, 2010. – С. 295-297.

⁵ Ишмухамбетов Р.В. К описанию шеджере «Сеид-баба и его потомки» изданной в типографии А. Умерова // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. – Вып. IV. Астрахань, 2012. – С. 249-251.

ВНУТРЕННЯЯ (БУКЕЕВСКАЯ) ОРДА КАЗАХОВ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «СЛУЖИЛОСТИ» ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП В ЕЁ СОСТАВЕ: ОСНОВЫ СТАТУСА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (НАЧ. XIX - НАЧ. XX ВВ.)

Р.В. Ишмухамбетов

Нынешний юбилей образования казахской государственности (не говоря уж об иных исторически связанных предшествованием и преемственностью прежних государственных образованиях, в которых жили предки нынешних казахов) – замечательный повод осмыслить, закрепить и приумножить научные знания связанные с историей казахов и других исторически связанных с ними народов.

Рассуждая о сложении казахской государственности, по нашему мнению, будет верным говорить не только о Казахском ханстве, которое стало «центробежным ядром» для казахского народа, вокруг которого происходил этот процесс становления его и развития.

Но будет более верным, думается, уделить внимание формированию и истории жузов (с совсем дробными формированиями внутри них) у кочевых казахов, из состава которых в итоге исторически и оформился этнос в целом

Именно к этому сюжету – к многогранному сложению и развитию казахской государственности – относится, несомненно, история Младшего Жуза и выделившегося из него особого нового пограничного образования – Букеевской Орды (1801 г. её переселения в междуречье рр. Волги и Урал).

Именно возникновение Букеевской Орды в первой половине XIX в. стало важным событием для истории Прикаспийского региона и народов, его населяющих, особенно это верно в отношении соседствующих ныне как и прежде, традиционно дружественных – России и Казахстана.

Вместе с тем, что история изучения этого события, равно как и самой орды насчитывает уже два столетия, она продолжает представлять интерес для исследователей. Поскольку обнаруживает многие стороны, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении.

Одной из таких тем является история т.н. «служилых» групп, связанных с управленческим аппаратом этого территориально-политического образования. Эта сторона долгое время лежала как бы «в тени»: в силу тех или иных причин, оставаясь почти что «белым пятном» в изучении Букеевской Орды.

В нашей статье неслучайно вынесено в заголовок понятие «служилые группы», применительно объекту исследования. И характеризуется таковые всегда некоторыми устойчивыми признаками, как то : выполнением боевых обязанностей в войнах и функций полицейских – в мирное время; получением вознаграждения (в денежном или престижном эквиваленте) за это; особый социальный статус и привилегии за такую «служилость»; особое самосознание в качестве социально - этнической группы (в занятой тюркской терминологии, в т.ч. в диалекте и фольклоре).

Раскрывая тему и обосновывая перечисленные признаки, утверждаем, что служилые этносоциальные группы, казахские, иноэтнические и переходные (тюленгиты, ногай-казахи, каракалпаки, ногайцы-карагаши), по своей претиворечивой роли, наложили свой отпечаток на историческое развитие Букеевской орды. Хотя эта предварительная постановка и будет ещё нуждаться в более полном и многостороннем раскрытии.

С другой стороны, полезно привлечь новый понятийный аппарат мировой социокультурной теории и истории контактов стран и народов, в частности, «передвижную границу», т.н. «фронтёр» (с англ. яз.).

В частности, полезно будет рассмотреть на «букеевском материале», такого этносоциального «образа» - концепта как «человек фронтёра»¹. Необычной окажется, в данном контексте, «фронтёрная служивость», ранее специально не рассматриваемая практически никем.

Как не раз отмечала астраханская исследовательница, видный социокультуролог, проф. Л.В. Баева, этот «фронтёр» всегда представлен многими (едва ли не всеми в жизни вообще) своими разновидностями из традиций и моделей поведения. Это сразу и цивилизационный, и межкультурный, и конфессиональный и этнический, и ментальный, и ещё всяческие прочие аспекты – что прекрасно иллюстрирует для нас важность постижения столь яркой темы².

Ибо «человек границы», “a man of frontier” (ног. “шетинде яшайтаган аьдем, казаклыкта яшайтаган аьдем”), проживает и действует в обстановке многоаспектного соприкосновения факторов и событий: он свободен и зависим одновременно, «свой» и «чуждый» с разных точек зрения. А служба его – это и обязательство, и достойный в орде и аулах «стиль жизни».

Так, «фронтёрный человек» – это всегда очень особый этносоциальный тип : не только просто воин - экстремал ,но и представитель двух соседних миров : культурно открытый и связующий их между собой.

Историографически, среди наших предшественников, мы назовём славную когорту учёных прошлого, изучавших кочевников (П.И. Рычков, В.В. Востров и М.С. Муқанов, Э.М. Дубман, С.З. Зиманов, А.И. Левшин, А.Ф. Рязанов, П.И. Небольсин, А.Н. Харузин, В.Ф. Шахматов, Л.Ш. Арсланов), а также астраханских философов и социополитологов общетеоретического профиля (Л.В. Баева, Н.В. Гришин, П.Л. Карабущенко, С.Н. Якушенок с О.С. Якушеноквой) и группу специалистов, отчасти объединяющих обе традиции в г. Астрахани (В.М. Викторин, Д.В. Васильев, Э.Ш. Идрисов), в связи с Прикаспием, Предкавказьем и Крымом, тюрками в казачестве (В.Б. Виноградов, Д.В. Сень, В.М. Казаков, Д.С.-А. Кидирниязов, В.И. Колесов и др.) и в г. Уральске (, С.Х. Сагнаева и Ж.К. Хайрушин, проф. М.Н. Сдыков, братья А.Ш. и Н.Ш. Курумбаевы), др. областях Казахстана (А.Ю. Быков, А.И. Исин) иных авторов и их региональных творчески школ.

Все они, так или иначе, с различных сторон, касались проблемы «фронтёра» вообще (американского, японского, кавказского и сибирского, иных), а также и «букеевского фронтёра» (“Боекей ордасынынъ шети”), правда, иногда и не обозначая последний именно так.

Именно в методологии нашей научной работы нижеволжское и «букеевско - ордынское» «пограничье – фронтёр» представляется во взаимосвязи природы и общества, этноконтактной спецификой самих земель Волго - Уралья как междуречья (кстати, исконно бывшие по сути зоной связей народов и традиций за много веков до миграции султана Букея Нуралиева).

Для нас как автора доклада и статьи этот регион - важнейшая граница кочевых и оседлых культур и порубежье миров тюркского и славянского, как и грань соприкосновения разных тюркских народов. Что как раз особенно ярко, по нашему мнению, и иллюстрирует история Букеевской (Внутренней) Орды в России.

Помимо данных аспектов, один из авторов, А.Ю. Быков (публиковался он на Алтае и в Казахстане) обоснованно выделил тезис о важности фигуры главы ханства как организатора жизнедеятельности служивых групп в его составе. И сделал это на примере провод-

¹ Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Вестник Волгоградского государственного университета. – № 2. – 2014. – С. 32 – 38.

² Там же. – С. 32 - 34.

ника здешних реформ и при этом самовластного хана - Джангира Букеева (1802 - 1845 гг.), весьма противоречивого, но тем не менее особую роль истории Букеевской орды определившего и во многом свой вектор ее развития задавшего¹

Отметим и мы, со своей стороны, что его отец, что его отец, основатель Букеевской орды, султан, хан Букей Нуралиева (1742 - 1815 гг.), принимая яркие и смелые решения, участвуя в борьбе за власть в Младшем жузе, всё же оставался, во многом, представителем казахской аристократии старого типа.

В отличие от отца, согласимся вновь с А.Ю. Быковым, его сын и преемник Джангир Букеев, который в юности воспитывался в доме астраханского губернатора², был приверженцем реформ и обновления по европейскому образцу (где свои эталоны служилости, как общеизвестно, тоже присутствовали).

Однако разноплановость личности второго хана Орды состояла, заметим, именно в том, что он будучи приверженцем российской модели развития и осуществляя реформы, занимаясь просветительством, тем не менее был проводником не менее самовластной ханской политики. Из - за того-то Букеевская Орда стала ещё более «фронтёрным», переходным образцом, являясь так, по меткому выражению одного из современников, «государством в государстве».

Именно противоречивая политика хана Джангира по мнению большинства исследователей послужила катализатором для волнений в среде старой родовой знати, а затем и восстанию Исатая Тайманова.

Несколько учёных удачно прокомментировали сочетание ханской власти и служилости, весьма неоднозначной в этих условиях. Так, С.З. Зиманов в своей книге, специально посвященной Букеевской орде, описал разные стороны её жизни и устройства, служилых групп лишь коснувшись: «Окружение хана (в добукеевское время) составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, туленгуты, военные служители... В лучшем случае из них выделялись так называемые шабарманы - гонцы и исполнители служебных поручений хана»³. А возрожденную, казалось бы, из Золотой Орды должность есаулов автор посчитал фактически заимствованной у русских казаков: «В Букеевском ханстве сложился институт есаулов, по своему составу и задачам не похожий на институт шабарманов»⁴.

Зачастую старшинам родов, в благодарность за помощь, оказанную властям присваивались чины хорунжих, подьесаулов и т.д. в казачьем войске.

Показательны в этом случае обнаруженные нами в архивах такие старинные акты, документы как документ о присвоении имперского кавалерийского, офицерского чина хорунжего биям Яппасского (точнее было бы – «Жаппасского». – Р.И.) рода Ф. Якупову и Т. Ямгурчину⁵.

Служилые этносоциальные группы более подробно выделяли А.Н.Харузин и П.И. Небольсин, будучи современниками и прямыми наблюдателями процессов и событий в Орде. Именно они отметили упомянутые нами группы именно в этом их особом, «служилом» качестве, где - то – прямо, непосредственно, а где то – и косвенно.⁶

Вернёмся к той идее (С.З. Зиманов и др.), что свою заметную роль, как пример и образец, в истории Букеевской Орды сыграли казаки Астраханского и Уральского, отчасти Оренбургского казачьих войск. Хотя именно у этих казаков служба и жизнь были специ-

¹ Быков А.Ю. Административно - территориальные реформы в Букеевской орде . Актуальные вопросы истории Сибири // III-ьи научные чтения им. пр. А.П. Бородавкина Барнаул: Изд во Алтайского гос. университета. – Барнаул, 2002. – С.414 – 420.

² Там же. – С. 414 - 412

³ Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата: Наука, 1982. – С. 121.

⁴ Там же. – С. 123.

⁵ Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 6. – Оп. 10. – Ед.хр. 7077. – Л. 2

⁶ Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды. – М, 1889. – С. 155.

фичными и имели отличия от функций, исполняемых их собратьями в других «фронтёрных» уголках Российской империи.

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, именно контакты хана Букея Нуралиева с губернатором и атаманом Астраханского казачьего войска П.С. Поповым способствовали последующей перекочевке подвластных Букею казахов через Урал и образованию Букеевской Орды¹. Так же и С.З. Зиманов привёл конкретные цифры – численность охраны, находящейся при хане, состояла из 100 астраханских и 25-и уральских казакóв².

Казачья Астраханского и Уральского казачьих войск, состоявшие при хане в качестве сил, гарантирующих порядок и поддерживающей его власть хана, были некоей «третьей силой», «силой со стороны», стоящей между ханом и народом. Естественно казакó, будучи в таком положении, имели иные чаяния и устремления, даже нежели власть ханов или народ. И, соответственно, не могли пользоваться особой популярностью в народной среде, да и в глазах хана не могли снискать в своем лице претендентов на роль основной опоры ханской власти, несмотря на то, что во многом сами же и разделяли эту функцию.

Однако, события, вызывающие по сию пору горячие споры, – подавление восстания Исатая Тайманова и более мелких выступлений, продемонстрировали то, насколько ханская власть зависела от этой опоры – казачков Астраханского и Уральского войск.

В нашей статье мы намерены акцентировать внимание своё и читателей на том, что, помимо официально командированных отрядов служилых людей, в Букеевской Орде сложились и функционировали собственно «внутриордынские», тюркские служилые группы (карагаши, калпаки, ногай - казахи). А их влияние на ход истории Букеевской Орды было никак не менее значимо, нежели у первых.

К моменту образования Букеевской Орды роль служилой группы в Букеевской Орде ещё продолжали играть «туленгуты» – особый социальный институт здешнего казахского общества.

Об истинном статусе их и проведении параллелей с соответствовавшими «букеевскими» служилыми группами между авторами-исследователями существовали различные мнения, что было замечательно исследовано и проанализировано В.Ф. Шахматовым³.

Интересен взгляд современника событий А.И. Левшина, который видел в туленгитах не служилое сословие, а, скорее, просто рабов⁴. Если посчитать такой взгляд на туленгитов верным, то это как будто бы предопределило «вымещение» туленгитов с ханской службы и замену их новыми служилыми группами иного, рассматриваемого нами типа в Букеевской Орде.

Однако, были и события иного свойства, связанные с туленгутами – ко времени Букея Нуралиева должны быть отнесены, и, видимо, ещё имели место быть и попытки объединить, в их лице, официальные группы «извне» и «внутри» т.е. казачков и ханских прислужников.

Бий туленгитского рода, тоже хорунжий Бармак Муратов, был видной фигурой при ханском дворе, видимо неслучайно именно он оказался в составе поздравительной делегации, посланной ханом в 1814 г. в Петербург к царскому двору⁵.

¹ *Таркова Р.А.* Астраханские губернаторы. Павел Семёнович Попов. Статья. Эл. ресурс : www.astrakhan-musei.ru/news/news/view/15677)

² *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата: Наука, 1982. – С. 124.

³ *Шахматов В.Ф.* Институт туленгутства в патриархальном Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, экономики, философии, права, № 2. 1955 Эл. версия : www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Tulengut/text.htm

⁴ *Левшин А.И.* Описание киргиз - казачьих или киргиз - кайсацких гор и степей. – Алматы: Изд - во “Санат”. 1996. – С.292.

⁵ *Жанаев Б.Т., Инночкин В.А., Сагнаева С.Х.* История Букеевского ханства, 1801 - 1852 гг: сб. документов и материалов. – Алматы: Изд-во “Дайк - Пресс”. 2002. – С. 182-183.

Тем не менее, к описываемому времени (нач. - I - ая пол. XIX в.) институт туленгутов, по-видимому, хоть и не полностью, но исчерпал свою полезность, что повлекло к изменениям в их статусе и поискам им замены, более соответствующей требованиям времени. Это отметил в своем исследовании П.И. Небольсин¹.

Новые требования, смена прежней строго кочевой, общественной парадигмы развития в Букеевской Орде (ориентировка на перенятие «татарского»(также и ногайского. – Р.И) типа в образовании и хозяйствовании, о чём упоминал А.Н. Харузин в «Степных очерках», сильно поспособствовала, по нашему мнению, возвышению нескольких групп ногайского и татарского (включая, мишарское) происхождения.

Первые выступали с именами ногай - казак и карагаш - ногай, вторые – с именем калпак, или каракалпак. Все эти рода, в соответствии с традиционными казахскими шежере, не входили в состав жузов, называясь «кирмес» (каз. «не входящий»)² и, будучи исходно неказахского происхождения, назывались полу - казахами (каз. "шала - казак")³.

Практически окончательно было установлено астраханским автором В.М. Викторинным⁴, с опорой на немалый архивный и этнографический материал, что под именем каракалпаков в Букеевской орде проживали беглые от рекрутчины солдаты - мишари и оренбургские татары. Впрочем, частные догадки об этом высказывал еще П.И. Небольсин⁵.

Новопришельцы были приняты в Букеевскую Орду в 20-е гг. XIX в. по т.н. "приёмному приговору". Однако, их существование в качестве служилой группы долго не продлилось – было оно шатким и неустойчивым. Потеряв расположение хана, нашим «каракалпакам» пришлось искать альтернативу проживанию в Букеевской Орде.

О злключениях букеевских каракалпаков сохранился богатый архивный материал. Оренбургская пограничная комиссия, канцелярия астраханского губернатора вели между собой продолжительную переписку стремясь определить новый статус каракалпаков и как - то разрешить их проблемы. Процесс этот затянулся на несколько десятилетий. Однако, тем не менее, в конце концов некоторой части каракалпаков удалось добиться нового приёмного приговора в Букеевской Орде.⁶

Выделим специально для данных статьи и доклада ещё один элемент в ордынской служилости, ранее специально лишь затрагиваемый. Судя по всему, особую служилую группу при букеевских ханах составили ногайцы - карагаши (карагаш - ногаи), вернее, та их небольшая часть, которая переселилась в орду по приглашению власти.

Данные об этих карагаш - ногаях в качестве служилой группы и историю формирования их в таком качестве можно почерпнуть из исследований астраханского ученого Э.Ш. Идрисова и западноказахстанского ученого Н.Ш. Курумбаева.

Так, наш ст. коллега из г. Астрахани Э.Ш. Идрисов называет в качестве возможных причин переселения части карагашей недовольство властями⁷, вследствие чего часть их искала способ перейти под власть хана Джангира⁸. По сведениям же Н.Ш. Курумбаева ка-

¹ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – СПб.: [Б.и.] 1852. 155 с.

² Уалиев А. Ногай - казак шежереси Орал. 2003 ж. 54 б. (Шеджере ногай -казахов Уральск 2003). 15 с. (на казахском языке)

³ Усенбаев. Т.А. Шеджере алшинов. Кызыл - Орда Изд - во "Тумар". 2003. 6 с. (на казахском языке)

⁴ Викторин В.М. Субэтносоциум «нугай - казак» на границе Западного Казахстана и Нижнего Поволжья: парадоксы взаимодействия тюркских этносов // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград: [Музей "Ст. Сарепта".] 2006. – С. 52 – 59.

⁵ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852. – С. 134.

⁶ Викторин В.М. Субэтносоциум «нугай - казак» на границе Западного Казахстана и Нижнего Поволжья: парадоксы взаимодействия тюркских этносов // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – Вып. 2. – Волгоград: [Музей "Ст. Сарепта".] 2006. – С. 52 – 59.

⁷ Идрисов Э.Ш. К вопросу об управлении полукочевыми ногайцами - карагашами в составе Астраханской губернии // Каспийский регион. – Научн. журнал. № 27. – Астрахань: [АГУ]. 2011. – С.21.

⁸ Государственный архив Оренбургской области – Ф.394. – Оп.1. – Д.4372. – Л. 1.

рагаш - ногайцам, перешедшим в орду была по давней кочевой традиции присвоена туленгутская тамга¹.

Судя по всему роль ногайцев - карагашей в большей степени характеризовалась исполнением служебных исполнительских, нежели полицейских функций, тем не менее, окончательные выводы об этом делать еще рано.

Почитаем удачей найденный нами в оренбургском краевом архиве документ, в котором приводятся сведения о старшине «кундровских татар» (официальное название карагаш – ногаев до революции) Джаныбеке Токбердиеве, которого Букей в своем письме просит наградить за исполнение неких «секретных» поручений, при переходе казахов через Урал на «внутреннюю сторону» в Волго - Уралье², чем он и снискал «особое к себе расположение».

Обстоятельства же приёма «старшины кундровских татар», т.е. ногайца - карагаша, Джанибека Токбердиева на ханскую службу до конца нами ещё не выяснены, но сюжет этот представляет большой интерес и требует дальнейшего исследования.

Особую группу, исполнявшую судя по всему наряду с казакáми, полицейские функции составляли при букеевских ханах ногай – казахи – потомки ногайцев, переселенных российскими властями с Дагестана, с Кумыкской плоскости в Оренбуржье, в 1740-х годах, а оттуда бежавшие к младшежузовским казахам. История этих злоключений «кундровцев» весьма успешно и детально рассмотрена и проанализирована упоминавшемся нами астраханским ученым В.М. Викториним³.

Одним из первых рассмотревший их уже в качестве служилой группы А.Ф. Рязанов, назвав их «оказавшимися татарами» (т.е., фактически, ногаями – Р.И.) и «элементом чужеродным в орде», справедливо отметил, что именно они, будучи неказахского происхождения и владея третью всех земельных угодий ханства, дарованной им ханами в поощрение, составляли главную опору власти хана. И, что крайне существенно, оказались почти единственными, кто защищал его во время восстания И.Тайманова⁴.

Как мы уже отметили, эта субэтническая группа, обретшая затем статус особой служилой группы, имеет свою интересную историю. С переселением российскими властями в 1740-х годах XIX в. части терских (исходно большеордынских) ногаев на территорию оренбургских казачьих укреплений (а именно т.н. Кундровская Слобода близ реки Сакмара, упоминавшееся П.И. Рычковым⁵), часть из них бежала на территорию Младшего жуза казахов по приглашению хана Нурали – отца Букея.⁶

Впоследствии, уже в Младшем жузе, затем перейдя со всеми р. Урал, ногай - казахи приняли сторону Букея и способствовали ему в его борьбе за власть. В качестве особого яркого примера использования объединения «ногай - казах» в качестве «служилой группы» можно проиллюстрировать, используя их не просто поддержку хана, а и участие в подавлении восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, которое стало одной из самых значимых вех в истории Букеевской Орды.

Большинство исследователей (А.Н. Харузин; П.И. Небольсин; С.З. Зиманов и др.) единогласно отмечали особое положение ногай - казахов при ханском дворе, в т.ч. в кон-

¹ Курумбаев Н.Ш. Этнические группы Букеевской Орды // Материалы XXXVIII-ой Урало - Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань: [АГУ]. 2006. С. 254.

² Государственный архив Оренбургской области Ф.6. – Оп.10. – Д.996. – Л. 1 об.

³ Викторин В.М. Российско - казахстанские межэтнические связи в «родовом» составе Младшего жуза и Букеевской орды : "кундровцы" - "кондуоровцы" - "нугай - казахи" // От истоков к современности. К 550 - летию Казахского ханства. Мат. М/н. научн. конф. (пос. Хан Орда, 26 августа 2015 г.) / Акимат Зап. - Казахстан. обл. – Упр. культуры, архивов и документации, ГККП “Зап.- Казахстан. Обл. Центр истории и археологии, Адм. Бокейординского р - на (в этом же сборнике) – С. 2-5.

⁴ Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова. А - А.: Изд - во “Алтын-Орда”. 1991. – С. 48.

⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургская. – СПб., 1762. – С. 165.

⁶ Ишмухамбетов Р.В. К предыстории межкипчакской субэтнической группы «ногай - казах» в составе западных казахов // Материалы научно-практической конференции «Ногайцы: XXI в. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему». – Черкесск. 2014. – С. 136-141.

тексте того же их деятельного участия в подавлении восстания И. Тайманова и М. Утеми-сова.

Об этом же сообщается в рапорте подполковника Геке оренбургскому военному губернатору от 17 ноября 1837 года, где он сообщает об участии сотни представителей рода ногай - казах, наряду с пятьюдесятью оренбургскими казаками в карательных действиях против Исатая Тайманова¹. По этим его же сведениям, аул «ногайского рода» постоянно находился вблизи с местопребыванием хана с тем, чтоб защитить его в случае нападения мятежников.

Таким образом, можно заверить, что ногай - казахи сыграли особую роль при подавлении восстания Тайманова, оказав этим услугу хану Джангиру и подтвердив его к ним расположение.

Впоследствии за оказанные Джангиру Букееву и его отцу услуги, ногай-казахи пользовались его и его наследников неизменным расположением. Не считая широко известного бия Ногайского рода Шомбала Ниязова, и прочие ногай - казахи удостаивались званий при ханском дворе, так, например сохранился соответствующий документ о присвоении чина советника старшине «Куисова» отделения Бикмухамедову² (т.е. «коясова» отделения ; кояс – одно из подразделений ногай - казахов, наряду с тремя другими другие – уй-сен,костамгалы и казанкулак. – Р.И.).

По нашему мнению, ногай - казахи (и, в меньшей степени, калпаками и букеевскими карагаш - ногаями), в силу особых его социального служилого положения и, исходя из фактора ,в силу их «иноплеменного» субэтнического самосознания, была выработана особая самоидентификация по типу «мы – они» (Б.Ф. Поршнев и др.), которая послужила формированию данной особого самоидентификации сознания.

Кроме того, как мы уже отметили, для раскрытия этой темы может успешно послужить понятие «человек фронтёра». Именно как многоплановое противопоставление, по многим сторонам, по нашему мнению составило особый уникальный образ человека представителя тюркской служилой группы, со своими «букеевскими» особенностями.

«Фронтёрность» каждой из «служило - букеевских» групп оказывается при этом своеобразной – и в устном докладе автора этот сюжет предварительно раскрывается.

Предложим некоторые выводы из изложенного. В образовавшейся в начале XIX в. Букеевской Орде - новом тогда образовании, стоявшем именно на пограничье - «фронтёре», важную роль сыграли новые этносоциальные образования - служилые группы. Их роль проявилась в исполнении военных и полицейских функций. Ярчайшим образом это проявилось в подавлении восстания Исатая Тайманова.

Служилые группы внесли свой весомый вклад в историю Букеевской Орды. И их история требует дальнейшего исследования и осмысления, в т.ч. совместными действиями учёных разных поколений, различных научных специальностей и регионов проживания.

¹ Казахско-русские отношения в нач. 1837 г. ноября 17. — Рапорт подп. Геке оренбургскому военному губернатору о действиях карательных отрядов против Исатая Тайманова. Сайт «Востлит». Эл .ресурс : www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/161-180/179.htm

² Государственный архив Оренбургской области – Ф.6. – Оп.10. – Ед.хр. 47-94.

К ИСТОРИИ СЕЛА ОРАК-ЭЛИ

И.С. Капаев

Название моего аула Эркин-Юрт означает «Свободное селение». Это название присвоено ему в 30-ые годы прошлого столетия, когда по всей стране переименовывались города и села, им давались новые названия, угодные большевикам. Но как до переименования, так и после него, по сей день, ногайцы привычно называют аул Орак-эли. Самое примечательное, что русскоязычное население, проживающее в ауле, по старинке называет его Ураковским. Да и железнодорожная станция носит название Ураковская. Иногда наше селение называют *Орак-аул*, т.е. аул Орака. Но когда так говорят, мы, односельчане, чувствуем, что совершается некое насилие над языком. Мы убеждены, что правильно аул надо называть *Орак-эли*, что означает *эль Орака*, родина Орака. И в старых, и в новых названиях аулов кубанских ногайцев только мой аул был удостоен добавления слова *эль* к своему наименованию. Это требует объяснения.

В современном ногайском языке слово *эль* означает родина, страна. В древности это слово имело более широкое применение, им обозначалось также совокупное проживание родов и племен. В исторической литературе часто встречаются названия: *эль кипчаков*, *эль мангытов*, *эль найманов* (В. Трепавлов «История Ногайской Орды»). В названные эли входило множество аулов, такие эли охватывали обширную территорию. В самих элях преобладало названное племя, т.е. кипчаки, мангыты, найманы. Территория в связи с перекочевкой могла поменяться, но *эль* сохранялся. Часто название *эль* прибавлялось к имени владетеля. Из ногайской истории мы знаем о бытовании у ногайцев крупных родоплеменных образований, например Чобан-эли, Навруз-эли. То же самое представляет собой наш Орак-эли. В былые времена в эти эли входили кочевые и оседлые аулы. Предки ногайцев не связывали свою малую родину с определенной территорией, местностью. Малой родиной считалось сообщество родственников, племя. Да и большая родина, Ногай эль, прежде всего, подразумевала народ, сообщество племен, а не какую-то территорию. Земля считалась всеобщей, данной Богом Тангри. Тангри давал землю избранным им ханам, таким, как Атилла, Чингиз-хан, Джучи, Бату-хан. Если народ чтит этих ханов, и если люди показывали себя достойными наследниками, земля передавалась их потомкам. Она находилась в общем пользовании (как при коммунистах). У слабых ханов Тангри отнимал землю.

Откуда пошло название нашего аула Орак-эли?.. Безусловно, имя владетеля связано с историей Большой Ногайской Орды, находившейся в Заволжье. Имя Орака часто упоминается в русских летописях, особенно в посольских книгах за 1536–1538 годы. В этих документах оно пишется Урак. Даже сохранились тексты ряда грамот Урака к Ивану IV и от царя к Ураку. По родословной русских князей Юсуповых, имевших ногайское происхождение, Урак являлся внуком бия Ногайской орды Мусы от его второй жены. Отца Урака звали Алшагыром, он избирался бием всей Орды в 1508–1517 годы. Имя отца (в русских источниках Алчагир) тоже неоднократно упоминается в дипломатической переписке ногайских правителей с русским царем. Алшагыр был братом известных ногайских правителей: Шидака, Ших-Мамаю, Юсуфа и Исмаила. Но так как Орак родился почти на двадцать лет раньше их, ногайский фольклор его, племянника, ошибочно называет братом вышеперечисленных правителей. Такую ошибку могли делать и его современники: при жизни окружающие принимали его за брата, а не за племянника правителей, имя Урака часто упоминается рядом с именами его дядьев.

Эль Орака находился на Волге, в ближайшем соседстве с Московским государством. В договорных грамотах и в личных обращениях он неоднократно заявляет о своей дружбе и прочном союзе с московским царем. В этом отношении показательна цитата из «Ногайских дел», приведенная академиком В.М. Жирмунским: «А доколе помрем, а Волги не по-

кинем, моя тебе правда то... Сами есмь ныне по лету кочюючи до Казани докочевали, и торговали есмь, а в Казань дружбы для есмь не дошли, занеже то известное наше кочевие в Казани кочевати, и ты б о том на нас не помолвил, а Казанский царь нам извечный недруг, а твоя нам дружба гораздо сходится». Содержание договорных грамот Орака к русскому царю, а также содержание ответных грамот говорит о высокой политической значимости удельного владетеля. Но большее тому свидетельство – ногайский эпос о нем, сохранившийся, прежде всего у ногайцев во всех регионах проживания, от Иртыша до Дуная, и в Турции, куда эмигрировали наши предки. Имя Орака хорошо известно и по песенному фольклору казахов и каракалпаков.

В исторических документах мало освещена деятельность Орака и почти ничего не говорится о его смерти или гибели. Но на той территории, где проживал исторический Орак, сохранились топонимы, свидетельствующие о былой популярности ногайского батыра. Между Казанью и Чебоксарами близ деревни Ураковой одно из мест называется Ураковым перекатом; в 30 километрах от города Камышина на правом берегу Волги есть Уракова гора (Ураков караул), вероятно, в этом месте находилась его ставка (В.М. Жирмунский).

Но больше всего данных о ногайском батыре в ногайском фольклоре. У ногайцев до сих пор в ходу поговорка: «Ногай болсань, Орак бол» («Если ты ногаец, то будь как Орак»). Орак является одним из главных героев ногайского героического эпоса, фольклористы записали и сохранили несколько вариантов исторических песен о нем. Во всех песенных произведениях его называют Дели-Орак, т.е. Бесстрашный Орак. Такой эпитет народная память закрепила только за тремя героями. Это Дели-Агыс, Дели-Орак и Дели-Солтан. Поясним.

Дели-Солтаном называли известного в истории кубанских ногайцев Султана Бакты-Гирея, который в начале 18 века был одним из лучших военачальников. Своими решительными действиями он максимально приблизился к созданию ногайско-калмыцкого государства на территории, которая впоследствии стала югом России. Осуществить эту идею помешала гибель Султана Бакты-Гирея от рук подосланных к нему убийц. Дели-Агыс же был современником Дели-Орака и отличился в дерзком захвате Крыма вместе с бием (правителем) Ногайской Орды Ших-Мамаем в 1523 году. Ногайский эпос приписывает Дели-Ораку и участие в знаменитом набеге на Крым вместе с Дели-Агысом и Ших-Мамаем, хотя в исторической литературе этот факт не подтвержден. Эти трое были ближайшими родственниками: Ших-Мамай (в эпосе просто Мамай) приходился дядей Ораку, Дели-Агыс был его двоюродным братом. В эпической песне «Орак и Мамай» все три личности участвуют в братоубийственной войне, вызванной младшим сыном Муса-бия Исмаилом. В названной песне Исмаил подговаривает слабоумного брата Калюв (Келмамбета) убить Орака. Калюв убивает Орака, когда тот молится в мечети. В действительности же Исмаил боролся со своим старшим братом Юсуфом. В основе этой борьбы была внешнеполитическая ориентация государства ногаев, исход противостояния определил будущее Ногайской Орды. Исмаил находился в явном и тайном сговоре с Иваном Грозным, а Юсуф проводил самостоятельную политику, входил в сношения с Казанским и Крымским ханствами. В 1554 году Исмаил открыто выступил против брата и во время битвы убил его. Захват власти Исмаилом вызвал кровопролитные схватки между ним и родственниками. В документах, связанных с этой борьбой, имя Орака не упоминается, зато часто упоминается имя его сына Казыя как одного из опаснейших врагов Исмаила. Некоторые ученые допускают, что и сам Орак погиб от его козней, что события, описываемые в эпосе, соответствуют исторической действительности. Это допущение вполне правомерно. До воцарения на престоле в Орде Исмаил управлял правым крылом ногайского государства, а в это правое крыло входил эль Орака и, естественно, такой дальновидный политик, стратег, как Исмаил, не мог допустить присутствия у себя столь легендарной личности. И вражда сына Орака Казыя с Исмаилом засвидетельствована в документах за два года до воцарения на престоле Исмаила. В мае 1552 года, еще не будучи бием, Исмаил сообщал

Ивану Грозному о том, что из Астрахани выехали люди и пристали к Казыю-мирзе Уракову сыну. Исмаил, тогда еще нурадин, командующий правым крылом, о Казые отзывается неприязненно, называет его врагом, изгоем, «казакон», бежавшим из Ногайской Орды. Известный историк В. Трепавлов также ссылается на одного из первых исследователей Ногайской Орды М.Г. Сафаргалеева, который, «опираясь на посольские книги, сообщает об одном из первых упоминаний Гази б.Урака в июне 1555 года в связи с убийством бывшего астраханского хана Ямгурчи: тогда же в первый раз говорится о газиевских людях на Крымской (западной) стороне Волги». Из этих сообщений можно заключить, что сын Орака Казы с горсткой людей появился в тех местах, где будет в последующем сосредоточено известное государственное образование, вначале называвшееся Казыевым улусом, а в дальнейшем Малой Ногайской Ордой.

Между Волгой и Днепром была территория главного осколка Золотой Орды – Большой Орды (Уллы Орды) или, как ее еще называли, Тахт эли (Престольная держава). После распада Золотой Орды (14 в.) Тахт-эли претендовала на лидерство среди отколовшихся от нее ханств и охватывала большую территорию от границ Московской Руси на севере до Кавказских гор на юге и от границ Польско-литовского государства по Днепру на западе и до Волги на востоке. Большой Орде принадлежали некоторые местности и за Волгой до границ Ногайской Орды на востоке и Казанского ханства на севере. И это обширное ханство в результате внутреннего разлада между претендентами на престол и военных действий со стороны крымского хана шло к упадку. Московские государи, входя в сговор с крымскими ханами и биями Ногайской Орды в Заволжье, приложили немало усилий для падения Престольной державы. Конечно, и крымский хан, и ногайский бий и без того, сами стояли за уничтожение этого государства, пытающегося вернуть былые права на гегемонию в Дешт-и-Кипчаке. Единственным сторонником Большой Орды был польско-литовский король, но из-за своей отдаленности и нехватки военной силы он не смог поддержать большеордынских ханов. Первыми сокрушительный удар нанесли ногайский бий Муса и царевич Сибирского Ханства Ибак, который, кстати, в хрониках тоже называется ногаем...

В 1480 году хан Большой Орды Ахмат с огромным войском выступил против Руси. Этот момент в русской истории известен как «стояние на Угре». Ахмат долго не решался перейти реку, на другом берегу которой его ожидала готовая к обороне русская армия. После долгого стояния, по одним сведениям, не дождавшись польско-литовской рати, по другим - получив тревожные известия из собственной ставки, Ахмат повернул в свои владения. Такое огромное войско содержать было трудно, и по возвращении в родные места оно стало самораспускаться. Ахмат остался с восемнадцатью тысячами воинов, и в это время на его лагерь на Северном Донце внезапно напали Муса и Ибак. Видимо, нападение произошло под утро, т.к. Ахмат был задушен руками Ибака в царской палатке. По другим источникам, убийство совершил брат Мусы Ямгурчи. Здесь надо сказать, что беклербеем Ахмата, правителем правого крыла был Темир, двоюродный брат Муса-бия. Подробности битвы, в которой погиб Ахмат, неизвестны. Во время выступления войска Ахмата вместе с ним были его братья. Темир вряд ли был в сговоре с Мусой и Ибаком, т.к. после разгрома он каким-то образом вывез детей хана в Крым. После этого поражения Большая Орда не смогла восстановить былого могущества. Тем более, что в 1502 году еще один разгром учинил крымский хан Менгли-Гирей. До 1520 года делались конвульсивные попытки восстановить ханство. Более всех старался польско-литовский король, у которого укрывались наследники престола. Приглашенный на престол Большой Орды Шейх-Ахмад не смог восстановить государство. После смерти Шейх-Ахмада, в 1528 году, правопреемниками правителя Престольной державы объявили себя крымские Гирейи, они ввели в титулатуру формулу «Великой орды великий хан». Однако стать правопреемником было не так просто. Под влияние Гиреев попали обширные западные территории Тахт-эли. И после разгрома в 1502 году, и позднее крымский хан переселял на полуостров из этих территорий, в основном, кочевое население.

Астраханский хан претендовал на большеордынские земли Среднего и Нижнего Поволжья. В 1524 году в восточной прикаспийской низменности Тюменским улусом стал править двоюродный брат Казыя Дели-Агыс, хорошо известный по ногайскому эпосу. Московский царь планомерно прибирал к себе северные золотоордынские территории, он стал строить крепости за Окой и на Волге. Издревле жившие на Дону казаки, пополняя свои ряды за счет беглых крестьян с Руси и бесхозных христиан-кочевников 1/самой Большой Орды, создали войско и стали обретать полную независимость¹.

Первым атаманом казачьего войска Донского считается Сары-Азман, по происхождению ногаец.

Вот в такой обстановке в степях между Азовом и Северным Кавказом объявился Казы Ураков. Исследователь А.А. Новосельский так объясняет его появление: «Казы мурза, не желая признать власти кн.Исмаила и не имея сил вступить с ним в открытую борьбу, долгое время скитался. По его словам, подобно «казаку». Московское правительство вступило с ним в переписку, стремясь привлечь его на свою службу и использовать его в качестве орудия для усиления своего влияния в орде. Но Казы мурза предпочел обосноваться с уведенными им из орды улусами «между Кабардой и Азовом в номинальном подданстве турецкому султану». В то время Казы-мурза сумел обеспечить устойчивые отношения с крымским царевичем Девлет-Гиреем. Это было выгодное и удобное для обеих сторон сожительство» (стр.19–20). Однако говорить об изначальном массовом переселении из-за Волги, наверное, невозможно. Казы появился между Азовом и Северным Кавказом в 1552 году с 400 всадниками. И эта цифра, видимо, реальная.

В средние века, как, впрочем, и в любые другие времена переселение какого-либо народа связано с завоеванием, захватом силой территории или приглашением правителей этого края. Главное, что в первоначальный период большого и массового переселения из сильной, могущественной Ногайской Орды состояться не могло. Такие передвижения были подконтрольны сторожам, начальникам крыльев и самому бию. К тому же передвижение было связано с переправой через Волгу, где тоже стояли служилые люди бия. Основной виновник падения Большой Орды крымский хан старался взять под контроль срединные территории, но на установление полной власти у него не хватало сил. В Кафе (Феодосия) и Азове утвердились наместники (паши) турецкого султана. А турецкий султан в то время считался властелином мусульманского мира. Крымские ханы, чтобы заполучить власть в своем ханстве, отправлялись в Стамбул, а в иных случаях султан сам находил из династии Гирея человека и назначал ханом на полуостров. Претенденты на престол в Большой Орде в свое время тоже пытались использовать эту методику и состояли в переписке с султаном, ожидая его благоволения. Казы-мурза не ездил в Стамбул. При каких обстоятельствах он виделся с наместником султана, да и виделся ли, никаких сведений не сохранилось. Но все ранние историки говорят о том, что он получил поддержку от турецкого султана, который также дал согласие на его проживание в землях между Азовом и Кавказскими горами. Однако, как явствует из состояния дел на территории бывшей Большой Орды, это могло происходить иначе, без официального соглашения. Ногайская знать здесь почиталась и считалась своей. Поэтому Казы мог заручиться поддержкой местных феодалов. Судя по всему, так оно скорее всего и случилось.

Современные, да и ранние исследователи пытаются разобраться в этническом составе Дешт-и-Кипчака той поры. Разобраться они хотят, но разбираются сообразно сегодняшнему состоянию народа, ему в угоду. И в русских и в западноевропейских документах средневековья жителей и Золотой Орды, и государств-преемников называли *татарами*. Например, жителей Ногайской Орды величали этим названием, иногда уточняли,

¹ Когда не стало хана в Большой Орде, они остались не в состоянии примкнуть к новым феодалам. Часть из них уходила служить в Москву, часть шла в казачество, часть принимала ислам. Оставшихся без правителя превращали в рабов.

называя ногайскими татарами. Самое интересное при этом, что ни один народ и даже племя *татарами* себя не называли. В то время название *татары* присваивали народам, говорящим на тюркском языке. В царской России даже азербайджанцев называли татарами. Это было название из того же разряда, что *тюрки, славяне, немцы*. Что касается государства Золотая Орда, то, по крайней мере, кочевое население говорило на одном языке, на тюркском. Но поскольку слова *тюркский* тогда еще не было в употреблении, современники писали, что на *татарском*. Конечно, в этом языке были свои диалекты. На территории Тахт-эли (Большой Орды) в 15-16 веках жили родственные ногаям Ногайской Орды кочевые племена. Те же найманы, кияты, мангыты, кипчаки, конграты и др., жившие в Большой Ногайской Орде в междуречье Волги и Яика (Урала). Дифференциация степного народа начала происходить позднее 16 века. Первыми о своем этническом самоназвании заявили *ногаи*. Позднее этническое разделение обнаружилось и в фирманах, грамотах крымских ханов. Они стали писать: «Мои подвластные татары и бесчисленные ногаи...». Под татарами крымские ханы подразумевали оседлое отуреченное население: остатков готов, асов, хазар и др., в Крыму их называли *татами*, т.е. *чужими*. Слово *тат* – одна из версий этимологии этнонима *татар*. Из-за многовековой вражды с Эдиге и его потомками, чтобы отличать от ногаев, ханы стали причислять к татарам Крыма подвластных им ширинских и барынских беев (бывших кочевников, к тому времени уже перешедших к оседлой жизни). В исторических документах 16-19 веков одни и те же люди, рода, племена попеременно называются то татарами, то ногаями. Ранее в своих исследованиях («Бессмертная смерть», Ставрополь, 2004 г.) я писал об этом феномене, о псевдоэтнониме «татар», и не стану возвращаться к этой теме. Но почему вынужден вновь касаться этого вопроса? Да потому что некоторые современные исследователи в угоду ученым вновь образованных народов (казанских татар, казахов) стараются исказить истинное положение дел в ту эпоху. Например, известный беклербей Темир, внук Эдиге, выходец из Ногайской Орды, сначала был беклербеем в Астраханском ханстве при Касим хане, и только затем стал беклербеем Большой Орды у дяди Касима хана Ахмата (ранее 1477 г.). Статус Темира соответствует сегодняшнему статусу премьер-министра, он пользовался большим авторитетом во всех соседних странах. То, что он дважды становился беклербеем, связано не только с личными качествами этого высокородного феодала. Его опорой был народ-войско (ногаи), с которым он находился в правлении ханства и которым управлял самодично. Во времена Темира его братья и племянники состояли беклербеями почти во всех государствах, отколовшихся от Золотой Орды. До Темира у ханов Большой Орды беклербеями были его дядья, сыновья Эдиге: Науруз и Гази. Поразительно, но факт! Некоторые исследователи пытаются показать Темира другим мангытом, чем, например, его двоюродный брат, мангыт, бий Ногайской Орды Муса. Можно подумать, что при переезде с берегов Яика в Приднепровье Темир потерял свое кровное родство, стал представителем другого рода и даже другого этноса.

Надо сказать о том, что ногайский фольклор говорит о действительном положении в Золотой Орде, а затем и в ее правопреемнице Большой Орде, говорит о жившем там одном ногайском народе. В знаменитой песне «Эдиге» и хан Золотой Орды Токтамыш, и мангыт Эдиге – представители одного ногайского народа. Сквозь века до нас дошло творчество выдающегося средневекового поэта Шал-Кийиза. Судя по дошедшим до наших дней произведениям, он жил в разных концах Дешт-и-Кипчака: и в Сарайчике на Яике, и на Северном Кавказе, и в Поволжье. В зрелые годы, когда ему было за пятьдесят лет, свои лучшие дестаны (поэмы) и толгау (поэтические сказы) Шал-Кийиз сочинил, живя в Большой Орде при дворе беклербея (бия) Темира. Сохранились два знаменитых толгау, в которых поэт обращается к своему правителю. В одном из них поэт призывает бия не совершать паломничество в Мекку, а все свои усилия направить на улучшение жизни народа. Поэт симпатизирует Темиру, в некоторых строках говорит о своих близких с ним отношениях.

Мой хозяин – Темир
Он костры разводил
И на льду средь зимы.
Я хозяину был
Как на сердце бальзам.
И в тяжелые дни
Был я сердцем ему,
Все секреты свои
Только мне поверял
Мой хозяин Темир.

(Перевод Ф. Сидихметовой).

Поэт, говоря в стихах о Темире, повествует о чаяньях ногайского народа. В исторических документах о ногайском правителе говорится как о крупном политическом деятеле. И если судить по историческим данным, он старался укрепить государство изнутри, а также предпринял ряд мер для упрочения дружественных связей с Крымом. Так, он выдал свою дочь за крымского хана Менгли-Гирея, чем на какой-то срок отложил завоевание Большой Орды правителями полуострова. Шал-Кийиз также неоднократно подчеркивал замечательные управленческие качества и человеческие достоинства бия Темира.

Темир эди бийимиз,
Тенгиз эди халкымыз,
Тебирлерге калганда,
Теньсилерге усайды
Авыр ногай юртымыз.
(Когда был бием Темир,
Как море был многолюден наш народ,
Теперь безродным достанется он,
И, кажется, пропадёт
Наш многострадальный ногайский юрт.
Подстрочный перевод – И.К.)

Как мы знаем из дальнейшей истории, так оно и произошло. После ухода из жизни бия Темира (1486 г.) в Большой Орде начали стремительно сменяться ханы, разгораться ссоры между царевичами, ссоры превращались в кровопролитные стычки, и для народа наступили тяжелые времена. Пост беклербея в орде сначала занял племянник Темира Джанкуват (по кочевническим традициям престолонаследия), а затем сын Темира Хаджи-ке (в ногайском фольклоре Азике Мансур). В эпических песнях ногайцев и в творчестве средневековых поэтов слабо отразились взаимоотношения основных виновников падения Большой Орды - потерявших пассионарность и морально разложившихся чингизидов. Их безосновательное стремление к реставрации чингизидской власти, их амбиции расценивались народом как безумство. Ногаи видели, что единственным спасением для народа было устранение ханов. Такая мысль прослеживается в эпосе «Эдиге», созданном примерно в это время. Ногаи видели будущее всего Дешт-и-Кипчака в переустройстве государственности и все претензии предъявляли главной силе в орде, ногайским биям, беклербеям, политическим деятелям, способным сохранить народ. Во времена беклербеяства Азике, судя по историческим данным, народ жил в ужасных условиях, люди в одиночку и массами покидали территорию Большой Орды. И это точно замечено в стихах великого ногайского поэта:

Мен Темирдинъ куьнинде
 Аргымак миндим тагалап.
 Мен Темирдинъ куьнинде
 Баллар иштим яткалап.
 Азике Мансур куьнинде
 Буга миндим нокталап.
 Азике Мансур куьнинде
 Быламык иштим булгалап.
 (Во времена Темира я
 Имел лихого скакуна.
 Во времена Темира я
 И чаши с медом пил до дна.
 Когда пришел Азике Мансур,
 Пришлось быка мне оседлать.
 Когда пришел Азике Мансур,
 Пришлось похлебку мне хлебать.)

Власть ханов Тахт-эли была откровенно бессильна, но амбиции огромны. Даже усилия польско-литовского короля Казимира IV, направленные на восстановление Орды как орудия борьбы против Московского государства и Крымского ханства, не приносят результатов. Как говорилось, выступление Крымского хана Менгли-Гирея в 1502 году против хана Шейх-Ахмеда приводит к окончательному упадку Тахт-эли. Военному вмешательству крымского хана предшествовала ссора Шейх-Ахмеда со своим беклербеем, а беклербеем был тогда Тавекел, сын знаменитого Темира. Ногаи огромными массами ушли в Крым и, вероятно, пополнили войско Менгли-Гирея. Менгли-Гирей наголову разбил двадцатитысячное войско Шейх-Ахмеда, захватил ставку, ордабазар (свиту, ханский двор) и казну. После этого сокрушительного разгрома перешедшие в Крым мангыты стали главной опорой правителя полуострова. Видимо, с их переходом связано возникновение в Крыму должности нурадина (командующего правым крылом) по типу титулатуры в Ногайской Орде. Остатки кочевого населения в Приднепровье, Приазовье и на кавказских равнинах находились в замешательстве, приобретать нового сюзерена в лице крымского хана они не очень желали, а свои большеордынские измельчали и были ни на что не годны. В своем обстоятельном исследовании «Тахт-эли» известный ученый В.В. Трепавлов приводит такое интересное сообщение: «В 1564 г. русскому послу в Крыму Афанасию Нагому глава крымских мангытов Дивей заявил, что согласен для пользы московского царя воевать с поляками, но за это потребовал себе поминки такие же, что посылались «к деду моему Темирю князю, как... был дед мой на своем юрте в Нагаех». Нагой отвечал, что «жалованье великое» в старину шло Тимуру, «потому что был на своем юрте сам государь, а ты ныне служишь... у крымского царя». Но Дивей все твердил: «Дед мой Темир князь был на своем юрте в Нагаех», здесь же дается примечание автора: «РГАДА.Ф.123. Оп.1. Д.11.Л.230, 230 об. Под «Нагаями» здесь подразумевается Мангытский юрт в Большой Орде. Подробно о мангытах в Большой Орде и Крымском ханстве см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.»

Как твердил знаменитый воин Дивей, мы тоже хотим повторить: «Дед мой Темир князь был на своем юрте в Нагаех», юрт этот находился в Большой Орде в то же время, когда процветала Ногайская Орда в междуречье Волги и Урала.

Надо заметить, что имя Дивея-мурзы запечатлено в замечательном литературном памятнике «Послание Ивана Грозного Василию Грязному», и царь тоже называет Дивея ногаем. История этого «Послания...» такова. В 1572 во время набега русскими был пленен Дивей Мансур. Через год к крымским ногаям на Молочных Водах попал в плен сподвижник царя воевода Василий Грязной. В письме из плена к Грозному Грязной просил его выкупить или обменять на Дивея. Московский государь, высказывая недовольство оприч-

никами, ответил воеводе: «...Хоть хан и говорит про Дивея, что он человек маленький, однако не хочет за тебя и ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей для него дороже ста тысяч: за сына Дивея он дочь свою отдал, а нагайский князь и мурзы - все ему братья; у Дивея и своих таких много как ты», – дав такую характеристику ногайскому полководцу, царь решил обмен несоразмерным. (ж-л «Половецкая луна» №3, 1993 г.)

Казы Ураков, появившись с небольшим отрядом между Азовом и Кавказскими горами, первоначально получил поддержку от сородича, Дели-Агыса в Тюмене (слово *тюмен* с ногайского означает *низовье*) на Тереке. Тот был враждебно настроен к бию Ногайской Орды Исмаилу. Тогда к Казы Уракову и потянулись остальные ногайские кочевые племена, оставшиеся без хана и без бия в бывшей Большой Орде. К тому времени авторитет сына легендарного Орака Казыя – непримиримого врага Исмаила и батыра, убившего астраханского хана, - был в степи довольно высок. В результате такой поддержки он в короткие сроки обустроивает свой новый улус. Первоначально его сподвижниками стали внуки Шидака - нурадина Ногайской Орды, а также потомки бия Саид-Ахмета б.Мусы. В 1555 году Казы вместе с детьми Юсуфа участвует в Заволжье в разгроме Исмаила. После этого разгрома уцелевшему Исмаилу удается взять реванш у своих противников и вернуть престол бия в Ногайской Орде, но в это время Казы уводит из Заволжья какую-то часть эля Орака, родню, семьи подданных. После восстановления на престоле Исмаила враждебно настроенные к нему племена уходят к Казыю, уходят к нему и дети Юсуфа. Казыев улус становится крепким государственным образованием. В одном из первых курултаев (съездов) приняло участие более восьмидесяти мурз. Казыев улус стал называться Малой Ногайской Ордой или просто Малым Ногаем, в документах используются все три названия. Одной из главных ставок улуса становится местность недалеко от развалин золотоордынского города Мажар. Исследователь истории Малой Ногайской Орды В.В. Трепавлов приводит в своем труде такую цитату: «Книга Большому Чертежу», составленная во второй половине 17 в. на основе протографа 1627 г., дает следующее описание: «А от реки Кубы (Кубань. – В.Т.), от гор к Черному морю и к Азовскому морю и до верха реки Маначи от тех гор все кочевья Малых Ногаев Казыева улусу... А ниже Улки горы, меж морь и гор, от Черного и от Азовского моря все кочевья Малых Ногаев... А промеж от усть реки Дону от Азова от Азовского море и от Черного море по реке Кубе и по реке Манычу и до горы до Улки, а Улка гора на поли промеж Азова и Астарахани 300 верст, а от Астарахани тож, а на реке на Куме Мажаров юрт; и в тех местех на тех полех все кочевье Меньших Ногаев» (Книга. 1950, с.88, 92, 147)».

В данном случае Казы не ищет мест для размещения. Его подданные продолжают жить на своих прежних местах, где им были выделены уделы от ханов Большой Орды, а их предки обычно устраивались возле остатков форпостов Золотой Орды. Эти поселения сосредотачивались по рекам Северного Кавказа: по Кубани, Куме, Лабе и Тереку. В начале 17 столетия посетивший этот край турецкий путешественник Эвлия Челеби застаёт обжитые ногаями населенные пункты возле Анапы, Татартупа, на Лабе, на Зеленчуках, Кубани и Куме. Ко времени пребывания здесь Эвлия Челеби ногаи уже были в зависимости от крымского хана. По велению хана здесь было завершено строительство некоторых крепостей. Турецкий путешественник говорит о ногаях как о давних жителях этого края. В «Книге путешествий» довольно красочно описано, как ногаи обороняли от калмыков крепость Боргустан.

В зависимости от времени года и политической обстановки местоположение ставки правителя кочевников менялась. В зимнее время она могла располагаться в степных урочищах, а летом удалялась в прохладные предгорные районы. Но надо заметить, что и в летовках, и в зимовках после удаления ставки оставалось оседлое население. Жители этих поселений не только пасли скот, но и занимались пчеловодством, садоводством, сеяли и убирали хлеб, здесь содержали военнопленных. В этих поселениях изготавливались изделия из кожи, войлока, велись работы по металлу и дереву. Во времена посещения Челеби увиденная им крепость у слияния рек Зеленчук и Кубань, возможно, какое-то время служила

пристанищем для ставки бия Малой Ногайской Орды, по крайней мере, так говорит ногайский фольклор. «Бийлер, шийхлер турган Ажкала» («Би и шейхи, проживавшие в Ажи-кале»). Эта крепость была возле современного Орак-эли (Эркин-Юрта), если не точно на месте сегодняшнего аула. Ниже в приложении будет дано описание крепости.

Что касается населения Малой Ногайской Орды, Казыева улуса, то оно, конечно, продолжало пополняться извне. К 60-ым годам 16 столетия все более и более ослабевает Большая Ногайская Орда в Заволжье. Голод, эпидемии, бесконечная вражда в правящем клане делает проживание в этом регионе невыносимым. Множество мурз с подданными, со скарбом и скотом перебирается за Волгу и находит приют в Казыевом улусе. В 1564 году один из представителей Большой Ногайской Орды сообщает в Москву, что «недруг наш Казы умножил (людей), а нас мало» (В.В. Трепавлов). Но эти беглые мурзы не всегда задерживались в Малом Ногае, они могли уйти в Крымские владения или вернуться обратно. Поэтому точно численность населения улуса назвать затруднительно. Например, в 1588 году вместе с пополнением из Большой Ногайской Орды казыевцы прислали крымским ханам Гази-Гирею и Фет-Гирею на помощь рати более ста тысячи воинов (А.П. Архипов, В.В. Трепавлов). Московскому правительству такое усиление ногаев на юге не нравилось, оно применяло разные ухищрения, чтобы ослабить их. Улусы, перекочевавшие из Большой Ногайской Орды под влиянием астраханского воеводы, а также из-за происходивших между ногайской знатью конфликтов, неоднократно возвращались обратно в Заволжье. В исследовании В.В. Трепавлова «Малая Ногайская Орда» говорится о том, что казыевские мурзы стабильно могли выставлять войска от сорока до пятидесяти тысяч воинов, а это значит, что население Малой Ногайской Орды было в «диапазоне от 200 до 300 тысяч человек – по крайней мере, для конца 16 – первой трети 17 вв.»

Как говорилось, Казы обрел симпатию в среде ногайского населения, имел авторитет среди знати, обладал талантом правителя и умело применял свои дипломатические способности в сложной политической обстановке. Сохраняя суверенитет своей Орды, он находился в «номинальном подданстве турецкого султана» и одновременно обеспечивал устойчивые отношения с крымским ханом. Осуществлять последнее было очень трудно, т.к. до того периода между ногайскими лидерами и крымскими ханами царила непримиримая вражда. Этот момент красочно отображен и в ногайском эпосе. Академик В.М. Жирмунский, ссылаясь на исторические данные, так характеризует новые взаимоотношения: «Казы-мурза гарантировал Девлет-Гирею безотказную помощь во всех его военных предприятиях, а себе получение добычи». В цитатах академика приведены слова самого Девлет-Гирея: «...были у него на всякой войне первые люди Казыевы; только де на Казые царского имени не было, а камена была стена Крымскому юрту и Азову».

Хотя многие исторические сообщения необходимо пересмотреть, т.к. они были предвзято использованы в условиях советской идеологической обстановки, источником материала для исследователей до сих пор чаще всего служит труд А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в 17 веке». На этого автора ссылаются и академик В.М. Жирмунский, и доктор исторических наук В.В. Трепавлов. Особенно интересно такое сообщение А.А. Новосельского: «Казы-мурза поддерживал интимную дружественную связь с Девлет-Гиреем, являясь как бы (почему «как бы»? – И.К.) атальком (воспитателем – «дядькою») младших царевичей Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах». Факт передачи детей на воспитание говорит о многом. Ханы могли доверить своих детей лишь самым близким людям. Это сообщение также подчеркивает, что улус Казыя стал стабильным и надежным местом. А.А. Новосельский дает обстоятельную характеристику и стратегическому положению Малой Ногайской Орды: «Опасность для Московского государства новой Казыевской орды заключалась в том, что, находясь под опекой Крыма и турецкого султана и занимая выгодное положение, она была недосыгаема для московского правительства. Кроме того, новая орда чрезвычайно усилила значение Азова, откуда при поддержке казыевских татар исходила неиссякаемая инициатива набегов на русские пределы». Надежность Малой Орде придавала и постоян-

ная дружба ногайского лидера с черкесами. Судя по сообщению Исмаила русскому царю, Казы женился на дочери кабардинского князя Шепшука Кайтукина не позднее 1562 года. Но возможно, этот брак состоялся еще ранее. Возможно, родство с черкесскими князьями служило причиной первоначального укрывательства Казыя в черкесских горах.

Ногайский лидер был человеком своего времени, он сам старался сохранять единство и с крымским ханом Девлет-Гиреем, и с турецким султаном Сулейманом I, но эти высокие по рангу правители в любой момент могли не посчитаться с ним, что он прекрасно ощущал. Это выразалось и в пренебрежительном отношении, и в несправедливом разделе добычи, и в каких-то притеснениях. Видимо, нечто такое случилось в 1563 году, когда Казы с родственниками обратился к московскому государю с предложением служить Москве. Он объяснил его тем, что, как и правители Большой Ногайской Орды, желает иметь жалованье от царя. Конечно, такое объяснение служило прикрытием более глубоких намерений, суть которых дипломаты держали в тайне. Иван Грозный предложил Казыю даже переехать жить на Русь. В то время многие ордынцы и выходцы из ногайских улусов проживали на Руси (Касимовское ханство, дети ногайского бия Юсуфа и другие). Но, видимо, назревавший конфликт, вызвавший столь кардинальный поступок, был разрешен на месте, и Казы не ответил на приглашение. Предоставление места жительства Казыю со стороны Ивана Грозного нарушило бы дружественные отношения русского царя с правителем Большой Ногайской Орды Исмаилом. Видимо, московский государь надеялся, что пригласив на Русь Казыя, сделает его из врага другом, а впоследствии помирит и «непримиримых» ногайских лидеров. Но этого не произошло, отношения расстроились, и Казыев улус превратился в опасного врага.

В 60-е годы 16 столетия Иван Грозный и сын Исмаила Дин-Ахмет женятся на дочерях другого кабардинского правителя - Темрюка Идарова. Думается, эти браки имели целью создать коалицию против Казыя. Иван Грозный женился на Марии, а Дин-Ахмет – на Малкуруп (в переводе с ногайского это означает *Увеличивающая скот, богатство*). Династический союз вскоре дал ожидаемые результаты. Казы вместе с Шепшуко Кайтукиным начали войну против Темрюка Идарова. В марте 1576 года Казы совершил набег на владения кабардинского правителя. В отряде бия Малой Ногайской Орды находились его братья, сыновья и крымский царевич Иман-Гирей. Одолев в бою воинов Темрюка, нападавшие с большим полоном стали возвращаться обратно. По пути они остановились, чтобы переночевать. Но темрюковцы, собрав новое ополчение, ночью вернулись, в темноте перебили караульных и отбили боевых коней, а на рассвете напали на лагерь ногаев. Преимущество было на стороне конных темрюковцев, и они почти полностью уничтожили пеших воинов. В бою погибли сам Казы, два его брата и несколько сыновей, а крымский царевич Иман-Гирей был захвачен в плен. Как разворачивались события после убийства Казыя, в хрониках описано туманно. Сын Казыя Хан с родней бежал в Керчь. Оставаться в Малом Ногае ему было не с кем. Автор очерка «Малая Ногайская Орда» В.В. Трепавлов высказывает по поводу убийства Казыя справедливые соображения: «Допустим, стремительный уход Хана б. Гази в турецкую крепость свидетельствует о каких-то разногласиях в среде малоногайской знати, отсутствии единства. Пока был жив общепризнанный лидер, аристократы следовали его воле. Но после его смерти влиятельные мангыты начали претендовать на главенство». Судя по тому, что среди убитых не было главных сподвижников бия, можно полагать, что Казы был только со своим отрядом, видимо, остальное войско было сосредоточено по владениям старших мурз. На эту мысль наталкивает и то, что темрюковцы не развили успех и не пошли добивать ногаев. Вызывает подозрение и то, что из отряда Казыя никто не уцелел. Убийство Казыя, братьев, сыновей еще можно объяснить многолетней враждой и кровной местью. Обычно знатных воинов старались пленить, чтобы за них получить выкуп или обменять на своих, захваченных в плен. (Так поступали и с простыми пленниками.) Видимо, с этой целью оставшегося в живых крымского царевича Иман-Гирея держал кабардинский феодал по имени Алгазуф. Позднее он по своей воле отпустил не оправившегося от полученных ран, изможденного Иман-Гирея, видимо,

за обещанную награду. Поступок ординарный. Но когда этом узнали, Алгазуфа казнили. Была ли это чрезмерная жестокость? Или темрюковцы были возмущены тем, что отпущенный царевич мог выдать какую-то тайну? Неясно. Нам кажется, что за убийством Казыя и его близких кроется какое-то откровенное предательство со стороны близкого окружения.

Сын Казыя Хан не вернулся во владения отца, он остался в стороне Азова. В Малой Ногайской Орде бием был избран Якшисаат ибн Мамаю ибн Саид-Ахмата ибн Мусы. По кочевнической традиции, лестничной системе: от отца к сыну, от сына к дяде и т.д. Якшисаат сын Мамаю был старшим по происхождению, по-ногайски это звучало: «Онынъ йолы уйкен» («Его путь старше»).

В 2006 году в Москве была издан замечательный труд Николая Сычева «Книга династий», в которой представлен огромный материал о правителях всех государств мира. На 684-685 страницах даются сведения о ногайских государствах. Среди правителей Малой Ногайской Орды автор перечисляет следующих биев: «Гази ибн Орак (*Казы ибн Орак – И.К.*) умер в 1576 году, Якшисаат ибн Мамаю правил с 1576 по 1590 годы, Баран-Гази ибн СаидАхмед (*Баран-Казы ибн Саид-Ахмед – И.К.*) правил около 1600 года до 1620 года, Касим ибн Ислам правил с 1620 по 1630 годы». В книге говорится и о том, что после смерти бия Касима (*Касая – И.К.*) Малая Ногайская Орда разделилась на две половины: на Уракову и на Касаеву. Возможно, разделение произошло чуть раньше, еще при жизни последнего бия. По историческим данным Ураковы вместе с постоянно бывшими с ними Мамаевыми втайне от Касая «ссылались с Астраханью», т.е. с русскими.

Государственному образованию Малая Ногайская Орда в окружении таких «акул», как Османская империя, Крымское ханство, Московское государство, выживать было очень сложно. И в то время, когда самостоятельности было много, и после она постоянно лавировала между Бахчисараем и Москвой. Участие в набегах на «украины» Московского государства Малая Ногайская Орда принимала большей частью по указанию крымского хана. Войско Малой Ногайской Орды по приглашению султана участвовало в войне и против Персии, и против Польши. Но когда это сотрудничество начинало обременять, ногайские правители входили в переписку с московским царем, заявляли, что они не подвластны никому, тем самым подчеркивая, что они вольны и Москва может надеяться на них как на пособников. Как указывалось ранее, такое происходило и при Казые Уракове, у которого были наиболее устойчивые и даже дружеские отношения с крымским ханом Девлет-Гиреем. Но при остальных биях притязания крымских ханов были чрезмерны. Поэтому ногайские правители очень хотели бы заручиться постоянной поддержкой турецкого султана и даже посылали своих послов в обход Гиреев. Однако Малая Ногайская Орда не представляла интереса для правителей Османского двора, они хотели централизовать власть, поэтому все делали сообразно с намерениями Гиреев. По примеру казыевцев и далеко на западе, в Приднестровье, Аккерманская (часто ее называли Буджакской, а русские на свой лад Белгородской) Орда ногаев тоже желала прямой зависимости от Стамбула. Крымские ханы, понимая, что и Малая Ногайская Орда, и Аккерманская Орда представляют собой ощутимую для ханства военную силу и экономическую опору, не желали обособления ногаев, придумывали массу ухищрений, чтобы эти ногайские объединения находились в их подчинении и не обращались к султану через их головы. В этой борьбе крымские ханы преуспели. После смерти Касая в Малой Ногайской Орде и Кантемира в Буджаке они поставили ногаев в прямое подчинение. Ногаи платили им подати и были основной силой во всех военных действиях. Крымские ханы очень странно правили своими подданными. В.В. Трепавлов приводит любопытный факт: «В 1628 году из Крыма вернулся домой мирза Хан-Мухаммед ибн Касим с щедрыми подарками от Мухаммед-Гирея 3 и калги Шахин-Гирея. Те приглашали бия присоединиться к их походу к русским границам. Однако стало известно, что одновременно было послано предложение бесленевским черкесам напасть на улусы Касима». Такое происходило часто и позднее, когда уже не было бия. Ханы знали, что основная военная сила ханства в ногаях, но в случаях возвышения или чтобы не допустить этого возвышения ногайских мурз, они тайно сгова-

ривались с черкесами, калмыками, запорожскими казаками и совершали нападения на незащищенные ногайские селения. Такая преступная внутренняя политика привела к падению самого ханства. В конце 18 века, когда российское правительство поняло, что основная армия Гиреев состоит из ногаев, оно изолировало ногаев от Крыма, переселив их на Кубань, а затем в одночасье захватило Бахчисарай.

Очень сложными и взаимно враждебными были отношения малоногайской знати с Московским государством. Их усугубляли набеги на московские «украины». Главными инициаторами этих набегов были крымские ханы, но часто и мурзы больших и малых ногаев, аккерманцев, азовских ногаев сколачивали отряды и шли за полонем. Сами крымские ханы в крупных набегах исполняли политические заказы турецкого султана или польского короля. Во всех случаях основной целью набега была нажива. Главным товаром наживы являлся людской полон. В Крыму на черноморских базарах, особенно в Кафе (Феодосии), находились невольничьи рынки. Основными купцами здесь были венецианцы, они доставляли рабов для продажи в одну из передовых стран Евразии Турцию и в «просвещенные» европейские страны – Италию, Францию. В Золотой Орде еще во времена Узбек-Хана (14 в.) превращение мусульман в рабов было запрещено законодательно, этой традиции придерживались и после распада государства на его бывших территориях. Но хотя делать рабами мусульман строго запрещалось, бывали исключения: поставщики живого товара могли продать не способных защитить себя детей и девушек, которых захватывали в плен. На невольничьих рынках Крыма торговали рабами из числа русских, поляков, черкесов (тогда еще окончательно не принявших мусульманство), *белых татар*, состоящих из остатков язычников и христиан кипчаков (половцев, в венецианских хрониках у многих из них христианские имена), черемисов, мордовцев и других народов Поволжья. Как говорится, не было бы спроса – не было бы и товара. Кто виновник этого преступного бизнеса – большой вопрос. Примерно в это же время «просвещенные» европейцы на кораблях вывозили черных рабов из Африки в Америку.

Теперь о направлениях набегов... После распада чингизидской Большой Орды границу Московского государства («засечную черту» на Оке) последним пересекал крымский хан Девлет-Гирей. В остальных случаях набеги совершались на украины, на территорию бывшей Большой Орды и на украины Польского королевства. Крымские ханы, как правопреемники Большой Орды, не в силах были освоить северные территории, а московские правители за счет проживающих здесь русских и другого населения планомерно продвигались по ним, строя городки и крепости. Кроме того, на этой территории, пополняясь за счет беглых крестьян, сильно укреплялось русское казачество. Хотя Иван IV и захватил Казанское ханство, покорил Астрахань и построил Терский городок на Тереке, для утверждения определенных границ Русского государства понадобилось еще почти столетие. В стратегии Москвы особая и важная роль выпала Астрахани: она разделила Великую степь на две половины и позволила Москве строить политику в своих интересах. Московский царь был в непоколебимой дружбе с Большими ногаями. В отместку за набеги крымцев, азовцев, Малых ногаев на московские украины царь организовывал совместные походы с заволжскими ногаями, а если мурзы Большой Ногайской Орды самолично принимали участие в набегах, то и на них, с привлечением астраханских стрельцов, донских и терских казаков. Особенно доставалось Малым Ногаям, ближайшим соседям Астрахани и русской крепости Терки в низовьях Терека. Как неоднократно говорилось, малоногайская знать в некоторые периоды обращалась за поддержкой к Москве, предлагая верную службу царю. Часто это происходило из-за того, что в Малой Ногайской Орде находили приют крамольные царевичи и феодалы из Крыма. Например, Асанай Мансуров, внук знаменитого Дивея, погрязший в интригах царевич Шахин-Гирей и некоторые другие. Предоставление убежища врагам ханов наказывалось походом крымского войска. Когда возникала такая угроза, малоногайская знать и обращалась к Москве. Так, в 1610 году ногайские мурзы как никогда солидарно в Астрахани и Терках дали шерть (шарт) – клятву не воевать с Московским государством и оставили своих аманатов (заложников) – детей мурз.

Но клятва соблюдалась недолго, после сближения с Крымом и привлечения мурз к набегам на украинны клятва теряла силу. Если бы мурзы своими набегами не доставляли много неприятностей, и московскому царю, и турецкому султану не было бы дела до Малой Ногайской Орды. Дальновидные московские государи, как любые другие уверенные в своей силе правители, не забывали державных интересов, тем более, что рассыпавшиеся на кусочки золотоордынские территории сами напрашивались в крепкие руки. После захвата Казанского ханства и Астрахани Москва окрыленно осваивала Сибирь и, хотя большая часть Руси вынуждена была защищаться, она видела непрочность южных соседей и присматривалась к их владениям. Усиление кого-либо на юге было не в интересах царской администрации. В 1610 году один из дальновидных биев Большой Ногайской Орды Эстерек (в документах Иштерек), воспользовавшись неблагоприятным для Руси моментом после затянувшейся на многие годы смуты, без согласования с московскими правителями откочевал с Ордой на правый берег Волги. К удивлению Москвы и многих историков, он «обрел там всеобщее почитание и послушание». Эстерек стал фактическим правителем обеих ногайских орд. Бий Малой Орды Боран-Газы признал старшинство бия Большой Ногайской Орды. Дошло до того, что Эстерек выдал свою дочь за Аллакувата Уракова, возглавлявшего в Малой Орде Уракову половину. Москва обеспокоилась этим и стала принимать меры. Через агентов влияния в ногайских ордах были сделаны предложения сеять вражду между старшими мурзами. «Послам из Малой Орды внушали, что в Москве находится Иштерека посол с предложением совместного нападения на казыевцев, а в орду Иштерека доносили, что казыевцы просят царя Михаила Федоровича дать войско идти на Иштерека» (В.В. Трепавлов). Тут надо заметить, что повод для разрыва всегда находился, тем более, что Москва очень часто опиралась на систему подкупа ногайских мурз, а те в свою очередь были очень охочи до алафы (вознаграждения). В.В. Трепавлов в своем очерке «Малая Ногайская Орда» делает еще одно справедливое замечание о том, что последний бий Малой Орды Касым и его мирзы «только и делали, что шертовали Михаилу Федоровичу и клялись ему в преданности». Но эти заверения малоногайского бия расходились с действительным положением дел. Это была уловка, вызванная близостью астраханского воеводы и Терского городка, где при шертовании отдавались аманаты. «Когда исходила угроза от Гиреев, казыевцы отводили улусы поближе к русским крепостям под защиту воевод (тут-то и пригождались их шертования); если же возмущенные их вероломством русские власти и Большие Ногаи решались на отмщение за набег, то они быстро перекочевывали к Азову или в Крымское ханство».

На истории Малой Ногайской Орды история Орак-эли не заканчивается. В документах 17 и 18 веков очень часто всплывают фамилии Ураковых и отделившихся от них князей Тугановых и Ахловых. Все это фамилии владетельных князей Орак-эли вплоть до самой Октябрьской революции. Вторая половина 17-го и весь 18 век были трагичными для ногайского народа. В войнах с калмыцкими тайше и царскими войсками, в межродовых распрях погибла большая часть населения. В 19 веке ногайцы поддались религиозной агитации и вынужденно покинули родную землю, большое количество ногайцев стали мухаджирами и переселились в пределы Османской империи. Ниже в разделе Приложений дается ряд выписок из опубликованных документов и архивных данных, касающихся владетелей и социальной структуры Орак-эли, Ураковского аула.

С момента появления Казы Уракова на Северном Кавказе начинается история нашего аула Орак-эли. Казы Ураков - настоящая героическая личность в ногайской истории. Они вместе с братом Карасаем (в некоторых вариантах песен Карашаем) воспеты в ногайском эпосе. Песни «Казы и Карасай» широко известны и в Казахстане, некоторые полные варианты записаны на Мангышлаке и в Каракалпакии. Казахские варианты песен, хотя и сохраняют общие черты с ногайскими песнями, далеки от исторических фактов. Например, в казахских песнях братья Казы и Карасай вместе участвуют в персидском походе крымского царевича Адиль-Солтана, а между тем этот поход состоялся в 1583 году, когда Казыя не было в живых (В.М. Жирмунский). Героем знаменитой песни «Адиль-Солтан» является брат Казыя Карасай, но в предысто-

рии похода на Персию рассказывается о том, как братья, получив фирман, пришли к крымскому хану. Хан не доверяет ногайцам из-за того, что их отец Орак убивал ханов Крыма. Он решает испытать его сыновей. У старшего брата Карасая была сабля, на клинке которой было написано, сколько ханов убил Орак. Хан просит показать ему эту саблю. Карасай, верноподданнически сделав поклон, протягивает хану свое оружие. Тот, прочитав надпись, молча возвращает его. Принимая Казыя, хан просит показать шапку, которую тому подарили на Кубани в качестве приза за лучшую джигитовку. Казы нагибается до пояса, чтобы правитель мог хорошо рассмотреть его головной убор. Хану нравится, что братья прямодушны, и он берет их в поход. Но затем в походе участвует только один Карасай.

«Песня об Адиль-Солтане» была очень популярна среди крымских ногайцев. По ее мотивам даже были написаны литературные произведения, широко известные в Крыму и в Турции.

В ногайской антропонимике широко распространены имена Орак и Казы, они неоднократно повторяются среди потомков княжеского рода. Интересно, что имена ногайских правителей: Казы, Эстерек, Суншалей, Ахлау и другие были очень популярны среди кабардинских феодалов. В исторических документах та часть Кабарды, которая поддерживала ногайского лидера, называлась Казыевой Кабардой. Академик В.М. Жирмунский связывает с именем Казыя происхождение названия аула Кази-юрт в Дагестане и название племенного ответвления казикамук (так сами кумыки называли и лакцев). В ногайской топонимике тоже часто встречается имя ногайского правителя. Астраханские ногайцы аул Мошаик называли еще Казы-аулом. В Карачаево-Черкесии нижнюю часть аула Эркин-Халк тоже называли Казы-аулом. Но самое главное, что сам Казы, появившись на Северном Кавказе, запечатлел в местной топонимике имя своего отца Орака.

Возникновение Орак-эли мы связываем с 1555 годом. Тогда и был заложен костяк жителей аула. Этот костяк составляют представители разных ногайских племен, прибывших из-за Волги с Казыем и издревле обосновавшихся на Северном Кавказе. Среди них есть бутасы, карасы, сираки, конграты, керейты, дюрмены, таузы, кули, есени, утемисы, еслемесы и многие другие. Долгое время владельческими князьями аула были князья Ураковы и их ближайшие родственники Тугановы и Ахловы. В приложении к этому очерку представлена часть из большого числа связанных с ними исторических документов.

В 2015 году появлению топонима Орак-эли, да и самому нашему аулу исполняется 460 лет.

Список использованной литературы

1. Баранов Ю. За Окой – ужас Венеции // Российский колокол. 2005. – С. 31, 110-116.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Ленинград, 1974.
3. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в 17 веке. – М, 1948.
4. Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Тюркологический сборник за 2003-2004 г. – М., 2005.

ЭМИГРАЦИЯ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 50-60-е гг. XIX ВЕКА

Д.С. Кидирниязов

Заключительным итогом Кавказской войны стало массовая эмиграция местных народов в султанскую Турцию. В результате решительного наступления царизма на Кавказ в конце 50-начале 60-х гг. XIX в. развернулось массовое движение за уход народов Северного Кавказа в пределы Османской империи.

Как известно, впервые мысль о переселении местных народов из родных мест и колонизации Северного Кавказа была предложена начальником Главного штаба Кавказской армии ген. Д.А. Милютиным. Идею эту он обосновал ещё в 1857 г. в своей докладной записке, предлагая поселить покорившихся северокавказцев на Дону¹.

В исторической литературе по поводу причин эмиграции северокавказских народов в Турцию существуют разные точки зрения. Так, одни исследователи считают, что главной причиной эмиграции была политика царской России, другие, наоборот, подчеркивают влияние султанской Турции на кавказские дела и религиозный фанатизм².

Кроме того, правительства Османской империи, Англии и других западных стран видели единственного и основного виновника этих трагических событий в жизни северокавказских народов в политике российского правительства.³ Со своей стороны, Россия ответственность за переселение местных народов в Османскую империю перекладывала на пропаганду эмиссаров султанской Турции и западных стран. Необходимо отметить, что влияние религии и пропаганда против России играли определенную роль. Но причины переселения северокавказцев в Порту были более глубокими. Здесь имелись как политические, так и социально-экономические корни.

Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю было осуществлено не единым актом, а растянулось на несколько трагических лет.

Обычно это событие связывают с османской агитацией и действиями сторонников турецкого султана из местных народов.

Обманутые в своих надеждах народы Северного Кавказа, говоря словами официального источника, стали настаивать, чтобы их отпустили на богомолье в Мекку, надеясь поселиться в Турции, где рассчитывали занять лучшие условия жизни⁴.

Разумеется, не следует думать, что народы Северного Кавказа, в том числе и ногайцы, добровольно покинули свою Родину. Также нет необходимости доказывать, что российская администрация на Кавказе в это время занимала нейтральную позицию. Царские власти не только не препятствовали, но делали все от них зависящее, чтобы северокавказцы переселились в Османскую империю. За из перевозку судовладельцы получали из казны большие деньги.

Российская администрация вела целенаправленную борьбу за освобождение от народов Северного Кавказа плодородных земель. Царское правительство распространило на земли северокавказских народов политику закрепления земель за казаками с выделением крупных участков офицерам. Например, массовая эмиграция кубанских ногайцев в Османскую империю началась одновременно с колонизацией пространства между Кубанью и Лабой. Ногайцы из-за отвода земель станицам и войскам начали оставлять свои насиженные места и мигрировать в Турцию. Дореволюционный автор П.П. Короленко пи-

¹ Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. – С. 212.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 202; Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая пол. XIX-XX вв.). – Махачкала, 2001. – С.17-52.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.). – С. 202.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – С. 202.

сал, что ногайцы «жившие между Кубанью и Лабой, не удержались на своих местах и, не желая оставаться в зависимости России, почти все поголовно вышли в Турцию»¹. Кроме того, в период Крымской войны (1853-1856 гг.) и после её окончания в стране продолжала осуществляться политика заселения региона русскими и украинцами из внутренних губерний Российской империи. Так, например, в конце 1864 г. на Северо-Западном Кавказе было основано 11 казачьих станиц, заселенных 142 тыс. семьями².

Таким образом, отбирая земли у местных жителей, российские власти нередко побуждали этим население Северного Кавказа к отъезду в султанскую Турцию. Это признавали даже представители высшего командования.

Касаясь этого же вопроса, ген. Г.Д. Орбелиани в июле 1861 г. отмечал: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывались туземцам в примерном количестве и для временного пользования... Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, ... а в последнее время, чтобы выселяться в Турцию»³.

Следует также отметить, что российское правительство добивалось ухода прежде всего той части населения, которая проявляла для них «беспокойство». Так, 26 апреля 1861 г. командующий войсками Терской области Н.И. Евдокимов предлагал: «Полагаю полезным для народа и правительства удаление беспокойных людей»⁴.

Известно, что в переселении народов Северного Кавказа в Османскую империю, свою неблагоприятную роль сыграла и султанская Турция. Османская Порта преследовала свои, далеко идущие цели. Переселенцы из Северного Кавказа размещались вдоль турецко-российской границы в целях быстрого использования в своих интересах этой силы в случае военных действий между Россией и султанской Турцией.

Необходимо отметить, что османы сначала не соглашались на переселение северокавказских народов, но затем дали разрешение. Порта сманивала народы региона к переселению обещанием райской жизни. Английские эмиссары также распространяли особенно среди адыгов Северо-Западного Кавказа призывы к переселению. Турция и стоявшие за её спиной европейские державы (Англия и Франция) прилагали все силы к тому, чтобы использовать недовольство местных народов против России.

Следует указать, что переселение северокавказских народов в Османскую империю в 50-60-х гг. XIX столетия проходило в три этапа: 1) в 1859-1862 гг.; 2) в 1863-1864 гг. и 3) в 1865 г.

Массовое переселение началось еще до окончания народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа. Но оно с особенной силой развернулось в 1859 г., на завершающем ее этапе.

Поводом для массового переселения местного населения в Османскую империю в 1859-1861 гг. послужили «темные слухи о предстоящем будто бы привлечении их к отбыванию воинской повинности и принудительном обращении в христианство, несправедливости, причиняемые ближайшим к ним чинами администрации, разобщенность со своими соплеменниками и сородичами даже в пределах одной губернии, а может быть и род-

¹ Короленко П.П. Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004. – С. 440.

² Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – СПб., 1889. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 161, 209-210.

³ Цит. по: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – С. 203.

⁴ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003. – С. 185.

ственные связи с оставшимися за Кубанью и в турецких пределах»¹.

Под предлогом хаджа в Мекку население края начало возбуждать ходатайство о выдаче им заграничных паспортов. Число желающих отправиться на хадж в Саудовскую Аравию возрастало с каждым годом². Российское правительство не препятствовало их переселению. Наоборот, кавказская администрация делала все, чтобы не стеснять свободу населения края по распродаже своего имущества и недвижимости. Так, глава Ставропольской губернии Брянчанинов в апреле 1859 г. докладывал наместнику Кавказа о том, что «калаусо-саблинский и бештау-кумский народы (ногайцы – Д.К.) занимают местность, составляющую площадь всех сообщений Ставропольской губернии. Поэтому, как мне кажется, весьма было бы полезно заселить эту местность русскими хлебопашцами, или если по стратегическим соображениям такое предложение будет преждевременным... казаками Кавказского линейного казачьего войска»³.

В июле-сентябре 1859 г. 96 семей (2693 чел.) ногайцев Закубанья переселились в Османскую империю⁴.

Следует отметить, что по неполным данным, в 1859-1860 гг. в Турцию ушло около 30 тыс. ногайцев, в основном, калаусо-джембойлуковских, калаусо-саблинских, бештау-кумских. По данным автора XIX в. И.В. Бентковского в 1859 г. из Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства Ставропольской губернии ушло 8046 человек, осталось 9428 человек, из Калаусо-Джембойлуковского приставства ушло 2067 человек, осталось 18586 человек⁵. Затем прошения стали поступать от ногайцев Северо-Восточного Кавказа – Караногайского и Ачикулакского приставств.

Генерал-губернатор Ставропольской губернии приказал территорию, занимаемую ногайцами, «совершенно освободить от этих народов для поселения на ней коренных русских хлебопашцев».⁶ После массовой эмиграции ногайцев в султанскую Турцию два ногайских приставства в Ставропольской губернии были упразднены. И.В. Бентковский отмечал: «История не может обойти их молчанием и потому уже, что они более 70 лет пребывали под властью России и были не бесполезными ее подданными»⁷.

Что касается кубанских ногайцев, то в 1861 г. кавказская администрация доложила правительству, что после присоединения почти всех прикубанских ногайцев в Османскую империю, земли площадью 400 тыс. десятин, с одной стороны между Урупом и Кубанью, а с другой – между Малым Зеленчуком и Кубанью, «ныне почти никем не занимаются», за исключением небольшого числа туземцев, поселившихся в долине Малого Зеленчука⁸.

В течение 1859-1860 гг. из Северного Кавказа в султанскую Турцию эмигрировало более 40 тыс. ногайцев⁹.

В конце 1860 г. в пределах Калаусо-Джембойлуковского и Калаусо-Саблинского приставств остались лишь несколько десятков ногайских семей. Перед местными российскими властями стояла задача - дать согласие ногайцам жить на правах государственных крестьян или же переселить их к своим соплеменникам в Ачикулакское приставство¹⁰. Пока этот вопрос долго решался, к этому времени уже на свои земли начали возвращаться из Турции ногайцы. За

¹ Цит. по: *Кидирниязов Д.С.* Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю. Сб.ст. Махачкала, 2000. – С. 110.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 110.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). – С. 204-205.

⁵ *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1883. – № 8. – С. 93.

⁶ Там же. – С. 107.

⁷ Там же. – С. 78.

⁸ *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974. – С. 220.

⁹ *Кидирниязов Д.С.* Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX века. – С. 110-111; *Алиев Б.Р.* Северокавказская диаспора: история и современность (вторая пол. XIX-XX вв.). – С. 20.

¹⁰ *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. – Черкесск, 1988. – С. 45.

время отсутствия ногайцев царские чиновники уже раздали их земли бывшим военным, различным своим чиновникам, а также переселенцам из центральных районов России. Поэтому местная администрация решила всех ногайцев, выходцев из Пятигорья, поселить в одно место. Таким местом была выбрана не очень плодородная земля около горы Кинжал. За этим селением закрепилось ногайское название «Канглы»¹.

В течение второго этапа переселения в Турцию из Северного Кавказа переселилось около полумиллиона человек, в том числе свыше 30 тыс. кубанских ногайцев.² После переселения кубанских ногайцев около 100 тыс. десятин земли остались пустующими между Кубанью и средним и нижним течением Урупа.³ Позже на этих землях появились десятки новых русских станиц и крестьянских селений.⁴ Примеру кубанских ногайцев последовали ставропольские и таврические ногайцы. Картину расставания ногайцев с родными местами А. Сергеев описывал следующим образом: «Расставанье с родиной и соседями – русскими, с которыми ногайцы жили хорошо, носило драматический характер. В ногайских селениях раздавался плач женщин и детей. На кладбищах происходили потрясающие сцены прощания с родными могилами. Когда русские крестьяне уговаривали остаться, ногайцы со слезами отвечали: «нельзя – все идут, грех оставаться»⁵.

За 1858-1866 гг. в Турцию переселилось из Северного Кавказа более 70 тыс. ногайцев⁶, а из Таврической губернии приблизительно более 50 тыс. ногайцев⁷. В течение 1860 по 1866 год: из Бердянского уезда Крыма в Турцию переселились ногайцы из 67 аулов, из которых 60 были заняты новыми переселенцами⁸; из Мелитопольского уезда – из 9 сел, вскоре все эти населенные пункты были заняты новыми переселенцами – болгарами и русскими⁹; из Перекопа и округа Армянского Базара – 2183 ногайцев (всего же переселилось из Перекопского уезда – 17459 человек из 146 сел)¹⁰; в Феодосийском уезде – из 67 сел¹¹; из Днепровского уезда из 20 сел (12357 человек)¹²; из Евпаторийского уезда – 8434 человек (196 сел.)¹³. Вскоре там были поселены русские, немцы, молдаване и др.¹⁴ В 1860-1862 гг. ногайцам и татарам Крыма при переселении в Османскую империю было выдано 29098 паспортов, на число душ муж. – 104211, жен. – 88149¹⁵. К концу 1864 г., по официальным данным, в Таврической губернии осталось только 37 ногайцев¹⁶.

Возможно, переселение ногайцев Крымского полуострова было связано с массовым переселением крымских татар в Османскую империю в 1860-1861 гг.: «как истые мусульмане, единоплеменные крымским татарам, ногайцы почти всей массой ушли с ними в Турцию»¹⁷, - писал автор XIX в. М.И. Венюков.

¹ *Твалчрелидзе С.А.* Ставропольская губерния. – Ставрополь, 1897. – С. 47.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 207; Напсо Д.А. Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993. С. 113; *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. № 48. С. 202; *Лайпанов Х.О.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского ИИЯЛИ. Вып. 5. Ставрополь, 1968. – С. 83.

³ Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке. – С. 111.

⁴ *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Указ. соч. – С. 111.

⁵ *Сергеев А.* Указ. соч. – С. 202.

⁶ Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 249. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 90; *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – С. 186.

⁷ *Сергеев А.* Указ. соч. – С. 203.

⁸ *Скальковский А.А.* О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. – Вып. 1. – Симферополь, 1867. – С. 434.

⁹ Там же. – С. 434.

¹⁰ Там же. – С. 435.

¹¹ Там же. – С. 436.

¹² Там же. – С. 436.

¹³ Там же. – С. 436.

¹⁴ Там же. – С. 436.

¹⁵ Там же. – С. 438.

¹⁶ *Сергеев А.* Указ. соч. – С. 222.

¹⁷ *Венюков М.И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004. – С. 177.

Необходимо указать, что в Кубанской области освобождение местных крестьян отложили до 1867-1868 гг., хотя официально в России крепостное право было отменено в 1861 г. Поэтому здесь часть ногайских владетелей удержали свои общества от переселения в султанскую Турцию. М.И. Венюков отмечал: «Остались у нас только те их князья и владельцы, которые были на службе, имеют чины или почему-либо особенно расположены к нам. Таковы, например, князья Адиль-Гирей Капланов-Нечев (аул около Прочного Окопа), султан Казы-Гирей, Мансуровы, Мамаевы, Карамурзины»¹.

Российская администрация на Кавказе награждала местную знать за верную службу земельными участками в частную собственность, обрекая ногайское население на земельную зависимость от своих владетелей. Таким образом, большая часть народа попала в крайне стесненное земельное положение, что было одним из основных причин переселения в Турцию.

Следует отметить, что в период третьего этапа переселения в 1865 г., в частности, из Терской области в связи с проведением земельной реформы, а также в результате пропаганды османских эмиссаров и при попустительстве российского военного командования на Кавказе переселилось в султанскую Турцию немало местного населения. Особенно неблаговидную роль в этом сыграл ген.-м. Муса Кундухов, выходец из знатной осетинской семьи².

Османские власти поселили северокавказских переселенцев сначала в Болгарии и Румынии, объединив их с ранее иммигрировавшими из Крыма ногайцев. В период 1860-1861 гг. в Болгарии, входившей в состав Османской империи, были поселены несколько десятков тысяч адыгов, ногайцев и крымских татар³. Так, автор начала XX в. А.Л. Погодин писал: «В 1861 г. Порта поселила в Болгарии до 15 тыс. ногайских татар (ногайцев – Д.К.), эмигрировавших из России, и они до такой степени обижали мирное болгарское население, что около 40 тыс. болгар выселилось из своей родины отчасти в Сербию, отчасти в Южную Россию»⁴. После завершения русско-турецкой войны 1877 г. большую часть северокавказцев перевели в Брусский и Конийский вилайеты Турции⁵.

Разорения региона в результате массового ухода северокавказцев в Порту пагубно отразилось на развитии его производительных сил. Один из авторов XIX в., изучавший Кубанский край, Л.П. Македонов с сожалением констатировал тяжелое положение Кубани в связи с массовым переселением местного населения в Османскую империю: «Тысячелетний опыт горской культуры для новых людей (русских новопоселенцев-Д.К.), - отмечал он, - пришедших сюда с традициями равнинного степного хозяйства, пропал бесследно, и в результате плодородные цветущие местности заглохли, сенокосные поляны заросли, бесчисленные сады пропали, огромное скотоводство горцев погибло, а переселенцы не нашли ничего, кроме леса, который и начали истреблять»⁶.

Кроме того, переселение народов Северного Кавказа, в частности ногайцев вызвало серьезное беспокойство среди торгового элемента, особенно среди кизлярских и моздокских армян. Как известно, ногайцы были основными поставщиками мяса, шерсти, кожи и др. животноводческих продуктов для юга России. Армянские же купцы были посредниками в торговле ногайцев с русским населением. Кроме того, ногайцы за плату перевозили на своих арбах казенные и купеческие товары из Кизляра в Астрахань Тифлис, Моздок⁷.

Необходимо подчеркнуть, что было «тайное желание большинства» ногайцев не переселяться в Османскую империю. Об этом писал в одном из своих рапортов наместнику

¹ Там же. – С. 177.

² История Ингушетии. Ростов-на-Дону, 2013. – С. 274.

³ История на България. Българско-Възраждане. 1856-1878 гг. София, 1987. –Т. 6. – С. 79-80.

⁴ Цит. по: Погодин А.Л. История Болгарии. СПб., 1910. – С. 191.

⁵ Сергеев А. Указ. соч. – С. 222.

⁶ Цит. по: Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Т.1. – С.307.

⁷ Центральный государственный архив Республики Дагестан. – Ф. 379. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 56.

Кавказа губернатор Ставропольской губернии Брянчанинов ¹.

Однако это желание ногайцев не отвечало интересам российской администрации. Власти открыто заявляли, что нужно местность занимаемую ныне калаусо-саблинцами, бештау-кумцами, едисанцами и калаусо-джембойлуковцами, совершенно освободить от этих народов для поселения на ней коренных русских хлебопашцев» ². Интересный диалог с ногайцами приводит очевидец этого переселения известный исследователь истории и этнографии ногайцев Г.В. Бентковский. Когда последний спросил ногайцев, почему же они переселяются в султанскую Турцию, ногайцы ответили: «Мы сами не знаем – народ идет, а как нам оставаться? – Ну, а народ зачем же идет? – Нельзя не идти – пристав гонит: на говорит, билет и иди – надо идти» ³.

В октябре 1860 г. в связи с переселением ногайцев в Османскую империю калаусо-саблинское и бештау-кумское и калаусо-джембулуковское приставства были упразднены ⁴.

Ногайские земли – 113707 десятин – были отданы в Удельное ведомство, на «высочайшее пожалование» разным лицам (в частности, графу Н. Евдокимову, графу де Витте и др.). Остальные земли были переданы в распоряжение ведомства Государственных имуществ ⁵.

Переселение в Османскую империю было тяжелым испытанием для народов Северного Кавказа и трагическим событием в их исторической судьбе. Много трудностей и невзгод перенесли они во время переезда на зафрахтованных для этого небольших судах. Многие переселенцы грузились в страшной тесноте и давке. Немало переселенцев погибло в пути. На берегах Анатолии скапливались огромные толпы голодных людей. Тысячи их гибли от тифа и других болезней. «Поразительное зрелище представлялось нашим глазам по пути, - отмечал очевидец событий, - разбросанные трупы детей, женщин, стариков.. изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих... и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни» ⁶.

Положение северокавказцев в Турции было крайне тяжелым. Ни земель, ни денег они здесь не получили. Они гибли тысячами в специальных резервациях, где они были поселены и должны были выдержать карантин.

Положение переселенцев в Турции было исключительно тяжелым. Многие из них заявляли: «В христианской России нам было лучше во всех отношениях, чем в магометанской Турции» ⁷. Единоверная султанская Турция, на которую так рассчитывали переселенцы, оказалась для них злой мачехой, поглотившей сотни тысяч жизней ⁸. В основном переселенцы были размещены в пустынных местностях Малой Азии. Кроме того, их неоднократно перемещали с одного места на другое, что также приводило к смерти северокавказцев ⁹. В новых условиях большая часть адыгов была подвержена ассимиляции, как это произошло с этнической группой адыгов-убыхами, которые утратили там свое этническое

¹ Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение иноверцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. – С.113.

² Там же. – С. 114.

³ Там же. – С. 115.

⁴ ГАСК. – Ф. 249. – Оп. 4. –Д. 80. – Л. 1.

⁵ Кужелева Л.И. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1964. – Т. 13. (серия историческая). – С. 209.

⁶ Дроздов И. Последняя борьба с горцами Западного Кавказа // Кавказский сборник. –Тифлис, 1877. –Т. 2. – С. 456-457.

⁷ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. –С. 114.

⁸ Кидирнязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке. – С. 111-112.

⁹ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. – С. 44.

своеобразие¹.

Вскоре после переселения многие северокавказцы, поняв, что совершили большую ошибку, согласившись на переселение в османскую Порту и другие страны Ближнего Востока, стали просить о возвращении их на прежние места жительства, на Кавказ. Однако османское правительство, применяя дешевую рабочую силу на самых тяжелых работах, и слышать не хотело об их возвращении на родину. Крайне отрицательно относилось к возвращению северокавказских переселенцев и царское правительство, хотя в российское посольство в Стамбуле приходили многочисленные просьбы горцев о возвращении. Так, в январе 1861 г. главнокомандующий Кавказской армией в письме российскому консулу в Стамбуле писал: «Горцы... ни в коем случае не могут получить разрешения возвратиться на родину, а если кто возвратится самовольно, будет отправлен... в Сибирь»². Кроме того, русскому консулу в Турции циркулярно было сообщено о запрещении выдавать паспорта для возвращающихся обратно назад³. Однако, несмотря на такие препятствия, обратное движение на Северный Кавказ продолжалось. Так, уже весной 1861 г. из Турции возвратились 50 семей калаусо-саблинских ногайцев⁴.

В 1862 г. ген. Евдокимов писал, что «ногайцы прибывают в наши пределы в самом жалком положении»⁵. А губернатор Кутаиси отметил, что ногайцы «не имеют никаких средств для пропитания»⁶.

За 5-6 лет вернулось обратно в Россию более двух с половиной тысяч ногайцев.⁷ А в 1870 г. из Турции вернулось 3223 ногайца⁸.

26 июня 1861 г. в Кавказском комитете Кабинета Министров России рассматривался вопрос, куда отправлять возвращающихся северокавказских переселенцев, так как их земли уже были розданы русским крестьянам, и поэтому допустить на них горцев было уже невозможно. Были выработаны «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев». В одном из документов отмечалось, что северокавказцы «могут быть возвращаемы на Кавказ в том случае, ежели они заявят, что имеют на родине оседлость и имущество. Причем консулы наши должны предварять таковых, что в случае несправедливости, сделанных им показаний, они не будут выдворены на прежних местах жительства и с ними будет поступлено по усмотрению русского правительства»⁹. Сначала было предложено поселить их на Дону, но командующий донским войском отверг это, так как тогда будут ущемлены привилегии казачества¹⁰. В отзыве ген.-адъютанта князя Г.Д. Орбелиани подчеркивается, что ни в войске Донском, ни в Астраханском казачьем войске не только нет свободных земель, но даже не достает для надела казаков 150 тыс. десятин и, что «за сим только в Уральском и Оренбургском казачьих войсках есть такое количество свободных земель, на коих можно было бы водворять горцев особыми общинами,

¹ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Колонизационно-переселенческие шаги российской администрации на Северо-Западном Кавказе в 60-70-е годы XIX в. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Грозный, 22 апреля 2014 г. ЧГУ. – Грозный, 2014. – С. 131.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Т. 1. – С. 307.

³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 188.

⁴ Там же. – С. 188.

⁵ Нансо Д.А., Чекуменев С.А. Указ. соч. – С. 115.

⁶ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – С. 189.

⁷ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы // Тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала, 1998. – С. 113.

⁸ Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. – С. 116.

⁹ Цит. по: Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. Майкоп, 2013. – С. 204.

¹⁰ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – С. 189.

посреди русского населения, и если бы Кавказский комитет признал необходимым селить возвращающихся из Турции горцев именно среди земель, упомянутых двух казачьих войск, то точное указание местностей для сей цели должно быть представлено ближайшему усмотрению командира отдельного Оренбургского корпуса»¹.

Огромные бедствия испытывали также ногайцы-переселенцы по возвращении на родину. Так, например, в районе Пятигорска до переселения ногайцев было 40 ногайских сел. Когда часть ногайцев вернулась обратно, то естественно, их земли были уже заняты. Так, их земли уже были пожалованы в частную собственность генералам и чиновникам: аул Найманова – Харитонову, аул Песчаный – кн. Орбелиани, аул Саблинский – Фадееву, аул Крымгиреевский заселен греками. Возвратившихся из Турции ногайцев поселили в с. Канглы, около горы Кинжал с наделом в 29754 десятин земли на 1161 ревизскую душу, а в 1864 г. здесь было образовано также селение Крымско-Кевсалинское с наделом более 24 тыс. десятин земли на 12155 душ и поселок Лиманское с наделом более 12 тыс. десятин на 305 душ, на правах государственных крестьян². Помимо этого ногайцы поселились на частных землях султанов Тохтамыш-Гирея и Джанибек-Гирея³.

Следует отметить, что масса переселенцев из Северного Кавказа желала вернуться на родину, но в 1865 г. предписанием российского государя Александра II вопрос о их возвращении в Россию был снят с повестки дня⁴.

Таким образом, финал войны на Северном Кавказе, вызванной военно-политическими, религиозными и межнациональными причинами, нежеланием понять интересы и чаяния местных народов, откровенно колониальной и захватнической политикой противоборствующих сил, был жесток и драматичен. Он стоил жизни сотням тысяч людей, неисчислимым бед многим северокавказским народам.

Следует отметить, что существующая статистика переселения северокавказских народов в Османскую империю в рассматриваемый период весьма разнообразна. До настоящего времени нет единого мнения по этому вопросу.

Необходимо указать, что северокавказская диаспора сформировалась в результате переселения с Северного Кавказа, осуществленная царскими властями в середине XIX – начале XX в. Так, численность адыгов переселенных в Османскую империю составила 800 тыс. человек. Немалая их часть погибла в пути следования. Что касается ногайцев, то более 70 тыс. кубанских и ставропольских ногайцев (среди них дагестанских ногайцев было очень мало), более 50 тыс. крымских ногайцев переселилось в Турцию⁵.

По подсчетам российского исследователя Д.Е. Еремеева число переселившихся в Османскую империю составляют 1,8 человек. При этом он указывает, что при переселении погибло большое количество людей из-за болезней, непривычного климата и тяжелых условий⁶. Другой известный отечественный востоковед Р.Г. Ланда отмечает, что число переселившихся северокавказцев колеблется от 1 до 3 млн. человек⁷.

Американский профессор Камаль Карпат (крымский ногаец, предки которого переселились в XIX в. в Турцию – Д.К.), изучавший архивы Турецкой Республики, утверждал, что с 1859 по 1879 гг. в пределы Османской империи переселилось 2 млн. человек, но до-

¹ Цит. по: *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. – С. 205.

² Щеглов И.В. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1910. – Т. 1. – С. 105.

³ *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. – С. 113-128; *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – С. 332.

⁴ История Северо-Осетинской АССР. – Т. 1. – С. 292.

⁵ *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина – СПб., 1882. –Т. 33. – С. 167; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 111-112; *Кидир-ниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 184-186; *Край наш Ставрополье. Очерки истории.* – Ставрополь, 1999. – С. 114.

⁶ Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – М., 1971. – С. 113, 149.

⁷ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С. 113.

брались только 1,5 млн.¹.

Немалый интерес представляет данные турецких исследователей. Так, турецкий историк Абдуллах Сайдам, принимая за основу статистические цифры османского правительства с учетом смертности среди переселенцев (12-25%) считает, что в 1856-1876 гг. из Крымского полуострова и Кавказа в Османскую империю прибыло 1 млн. – 1млн. 200 тыс. человек². Другой турецкий историк Али Меран Кемаль отмечает, что только за 1860-1865 гг. с Кавказа и Крыма было выселено 1 млн. человек, не считая отправленных на Балканы 300 тыс. и тех, кого вывезли в Иорданию и Сирию. Только в Анатолии, – как указывает автор, осело более 600 тыс. переселенцев³. А известный историк, генерал турецкой армии И. Беркок указывает, что в Порту переселилось 1 млн. человек⁴.

Необходимо отметить, что дать общее количество представителей отдельных народов в Турции невозможно. Турецкая перепись принимала во внимание только мужской пол. Объясняется это тем, что магометанское население исчислялось больше для военных целей. Разброс мнений по численному составу связан с тем, что не все авторы четко отделяли друг от друга северокавказские народы, переселившихся в середине XIX в. Поэтому степень достоверности некоторых данных вызывает определенные сомнения.

Кроме того, подсчет переселившихся затрудняется и тем, что приводимые различными авторами цифровые данные по количеству переселенцев хронологически не совпадают. Не все исследователи учитывали погибших в пути и по прибытии в Османскую империю от болезней и плохих условий.

Следует также учесть, что вся политика османских властей была направлена на то, чтобы как можно больше инородческого элемента слилось с турецким, чтобы турками стали все вокруг. Для османов всегда была характерна самоидентификация через религиозную, а не этническую принадлежность⁵.

В настоящее время северокавказская диаспора проживает в Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Турции, Афганистане, США, Румынии, Болгарии и других странах⁶.

В Турции язык ногайцев растворился в турецкой среде, хотя в нем сохранились наиболее устойчивые слова, словосочетания, выражения.

В Турции, Сирии и Иордании представители северокавказской диаспоры, в том числе и ногайцы, раньше объединялись вокруг официально действовавшей общественной организации Черкесского благотворительного общества.

Сегодня в Турции, Сирии, Иордании и других странах существуют общественные организации «Кавказское культурное общество», «Кавказ», «Дагестан», «Ногай эл» и т.д. потомков северокавказских мухаджиров⁷. Как известно, целью этих обществ является сохранение языка, литературы, традиций⁸. Так в странах Западной Европы (Германии, Голландии, Австрии и др.) существуют региональные ногайские организации «Ногай эл» потомков северокавказских переселенцев в Османскую империю. Кроме того, например, сегодня в Турецкой Республике ногайцы проживают компактно в 45 городах и крупных населенных пунктах (Анкаре, Стамбуле, Эски-Шехир, Испарта, Адана и др.) и везде

¹ Karpat K. The Religious and ethnic distribution of the Ottoman Population (1830-1914). Wisconsin, 1985. P. 68.

² Abdullah Saydam. *Kirim ve Kafkas Göçleri (1856-1876)*. – Ankara, 1997. – S. 91.

³ Ali Kemal Meram. *Türk-Rus İlişkileri Tarihi*. İstanbul, 1969. – S. 460.

⁴ İsmail Berkuk. *Tarihte Kafkasya*. – İstanbul, 1958. – S. 529.

⁵ Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1997. – С. 242, 244.

⁶ Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции. – Махачкала, 1999. – С. 42-43.

⁷ Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 35; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – С. 189; Магомедханов М.М. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирования и современный этнокультурный облик // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. – Махачкала, 2014. – С. 181.

⁸ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. – С. 113.

функционируют общество «Ногай эл»¹.

Определить численность современной северокавказской диаспоры, в том числе ногайцев, в Турции трудно, так как статистика населения по этническим признакам ни в Османской империи, ни в Турецкой Республике не велась. Другая причина кроется в процессах ассимиляции потомков переселенцев из Северного Кавказа, а также в «двойственности и неопределенности их этнического самосознания», – как правильно отмечает известный дагестанский исследователь М.М. Магомедханов². Поэтому данные различных источников о численности северокавказцев в Турции и странах Ближнего Востока носят приблизительный характер.

¹ Uluslararası Nogay Türkleri Bilgi Soleni. 9-10 Mayıs 2008. Ankara, 2009. S. 31-40.

² Магомедханов М.М. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирования и современный этнокультурный облик. – С. 179.

ПЕРВЫЕ КАЛМЫЦКО-НОГАЙСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

В.Т. Тепкеев

Начальный период истории калмыцко-ногайских взаимоотношений во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. Большинство авторов, кто обращался к данной теме, в основном отмечали военный характер этих отношений, указывая на многочисленные вооруженные столкновения, что, несомненно, имели место. Но в данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных русских архивных материалов автор подробно рассмотрит первые посольские контакты двух кочевых народов в начале XVII в.

Столкнувшись с сибирскими укрепленными пунктами Московского государства, миграция калмыков, начиная со второго десятилетия XVII в., получила уже западное направление. Обойдя с севера казахские кочевья, калмыцкие улусы двинулись по маршруту вдоль рек Иртыш, Ишим и Тобол, достигли степной части Тургайской ложбины, откуда двинулись на юго-запад, добравшись почти до Приаральских Каракумов. После этого движение их вновь получило западное направление, теперь уже вдоль рек Эмба и Яик, с выходом непосредственно к берегам Нижней Волги. В ходе продвижения на запад калмыки столкнулись с новыми для себя соседями – ногаями и башкирами.

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Именно здесь весной 1607 г. ногаи князя Иштерека неожиданно обнаружили калмыков¹.

Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке калмыцких послов в Москву и получении ими разрешения подчинить ногаев власти тайшей². Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногаями³.

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов в Хиву и Персию⁴. Такие опасения не были беспочвенными, так как в том же году был отмечен переход через Яик 4-хтысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда⁵. В ноябре в Уфе стало известно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногаев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук»⁶. Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить калмыков и «с юртов согнать»⁷.

Движение калмыков в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально они представляли собой всего лишь небольшие разведывательные отряды, которые искали пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении. Другой причиной, заставившей калмыков устремиться в

¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 412.

² Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. – М., 1939. – № 5. – С. 56.

³ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. – М., 1983. – С. 83.

⁴ Веселовский Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. 3. – СПб., 1888. – С. 366, 367.

⁵ Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 57.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 127. – Оп. 1. 1613 г. – Д. 1. – Л. 1–3.

⁷ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1614 г. – Д. 2. – Л. 2.

западном направлении, как отмечал С. К. Богоявленский, было и то, что вследствие больших снегов скот не находил себе подножного корма и практически весь вымер¹. Действительно, осенью 1615 г. и зимой 1615/1616 года в регионе наблюдались сильные заморозки, и, как отмечали очевидцы, «многие с стужи помирают и лошади падут»².

В 1617 г. ногайский мирза Иштерек жаловался в Москву о разорении его людей калмыками³. 1619 г. был отмечен новым нападением калмыков на ногайцев, кочевавших по рекам Узень и Камыш-Самара в Волго-Яицком междуречье. Улусы двух враждующих ногайских родов – Урмаметевых и Тинмаметевых – находились в постоянных столкновениях. Напуганные усилением Урмаметевых, Тинмаметевы увели свои улусы к Яику и стали в укрепленном месте. Но здесь они подверглись нападению калмыков, страх перед которыми был сильнее внутренней вражды и недоверия к русской власти. Это в конечном итоге привело к тому, что дети Иштерека и Дин-Мухаммеда вновь были вынуждены прикочевать к Астрахани⁴.

Наступление войск монгольского Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 калмыков под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая – брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать, объявился он в улусе Каная. Калмыки перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султанаия, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, они отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу. Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости⁵.

Действия калмыков вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану⁶. Подобные свои действия в степях Северного Прикаспия калмыки считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдаленном расстоянии от неприятельских сил.

В сентябре 1625 г. ногайский бий Канай сообщал в Астрахани, что был инициатором отправки Алей-мирзы к калмыцким тайшам. Подобная самостоятельность ногайского князя не вызвала одобрения у астраханских властей, и ему впредь было запрещено без ведома администрации ссылаться с калмыками. Канай же попытался договориться с тайшами, предложив им заключить мирное соглашение и установить торговые отношения. Дорога в калмыцкие улусы, располагавшиеся в это время на Иртыше, заняла у Алея около 14 недель, а пробыл он там в общей сложности 2 месяца. Согласно данным Алея, «начальными людьми» у калмыков были хошутский Чокур, дербетский Далай-Батур, торгутский Мерген-Темене и Батур. Тайши довольно приветливо встретили мирзу, который, по указанию Каная, предлагал, чтобы они «со всеми калмыцкими людьми были под... царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны». Калмыцкие владельцы подтвердили свое желание поддерживать с Канаем мирные отношения и выразили желание отправить в Астрахань на продажу 3 тыс. лошадей⁷. С городами Московского

¹ Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 57.

² РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1616 г. – Д. 1. – Л. 6.

³ Третьяков В. В. Указ. соч. – С. 412.

⁴ Куцаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. – Волгоград, 2005. – С. 158.

⁵ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1622 г. – Д. 1. – Л. 11–13.

⁶ Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 61.

⁷ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1625 г. – Д. 1. – Л. 47–51.

государства тайши поддерживали мирные отношения, например, Алей был свидетелем возвращения из Уфы 40 калмыцких посланцев, успешно там продавших лошадей. Калмыки также помирились с Казахской ордой, а с ургенцами и бухарцами находились в состоянии перманентного мира. Хивинский хан Исфендиар прислал к тайшам своих послов с предложением выкупить своих людей, захваченных калмыками в ходе их набега на Ургенч весной 1625 г.¹.

Калмыцкая сторона была заинтересована в договоренностях с ногаями, чтобы обеспечить безопасность своих кочевий на юго-западном участке. Но единственным из тайшей, кто вступил в непосредственные переговоры с ногайской стороной, был Батур. Он подарил Алею 3 калмыцких коня, а вместе с ним к Канаю отправил своего посланца Алатая, послав «в поминках» одного коня. Канай подарок принял и уже с калмыцким представителем отправил к тайшам Кулука, чтобы тот проведаль: «калмыцкие тайши к нему, к Канаю князю, послов своих прислали с правдою и не чают ли они какова дурна?». В ноябре 1625 г. Кулук благополучно вернулся с новым калмыцким посольством и заверением калмыцкой стороны в мирных намерениях. В непосредственной близости к ногайским кочевьям калмыцкие улусы располагались на урочищах Иргиз и Сауке, в 25 днях пути от Астрахани. И, несмотря на заключение мирного договора между калмыцким посланцем и Канаем, вскоре 700 улусных людей под командой Тордугала из ногайского клана Тинмаметевых угнали лошадей из близлежащих калмыцких улусов. Спустя месяц в повторный набег направились люди Хан-мирзы Тинмаметева. Все это обеспокоило русские власти, так как из-за ответных действий калмыков могло начаться массовое бегство ногаев на правый берег Волги. Правительство строго предупредило мирз, чтобы они своими необдуманными действиями не раздражали калмыков, а инициатора угона калмыцких лошадей посадили в тюрьму².

Как видно из свидетельств мирз, первыми мирное соглашение все-таки нарушила ногайская сторона. Ради справедливости отметим, что клан Тинмаметевых не имел договоренностей с калмыцкой стороной. Но именно их действия подорвали в целом доверие тайшей к мирзам, и впоследствии они негативно отразились в дальнейшем на развитии калмыцко-ногайских отношений.

Вспыхнувшая в 1625 г. междоусобная война среди калмыков вызвала новую волну миграции части калмыцких улусов в западном направлении. После столкновения с братом Байбагасом Чокур и его сторонники перекочевали к верховьям реки Эмбы. Здесь они встретили улусы алтыульских татар, принадлежавших мирзам Салтанаю и Шайнеку, которые, не желая быть у русских в подданстве, удалились из-под Астрахани. По сообщению ногайского Султана-мирзы Шихмамаева, в начале 1626 г. в улус алтыульского мирзы Шайнека на Эмбу прибыли послы от тайшей Далай-Батура, Мангыта и Батура с предложением о заключении мира и ведении совместных военных действий против общих недругов. Улусы указанных тайшей в это время кочевали в Приаральских Каракумах и Барсучьих песках, примерно в 15 днях пути от улуса Шайнека³.

Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, побуждали кочевников искать новые возможности поживиться за счет более слабого соседа. Часть калмыков выступала за то, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить». Кочевавшие по Эмбе калмыки стали сговариваться с алтыульцами о совместном походе против астраханских ногаев. Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку в конце 1627 г. ограбили отправленного к ним из Астрахани посланца Якова Бухарова, а часть сопровождавших его людей убили⁴. Именно этот случай стал причиной отправки весной 1628 г. из Астрахани стрелецкого карательного отряда на

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1625 г. – Д. 1. – Л. 49, 50.

² РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1625 г. – Д. 1. – Л. 79–81

³ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1626 г. – Д. 1. – Л. 221, 222.

⁴ Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 64, 65.

Эмбу, в ходе которого были разбиты улусы Султана и Шейх-Мухаммеда. Согласно союзническим договоренностям, алтыульцы обратились за военной помощью к тайше Дайчину, сыну Батура¹.

После разгрома своих становищ царскими войсками алтыульские мирзы задумались о пути дальнейшей миграции. Султана предлагал откочевать под защиту хивинских или казахских ханов, Шейх-Мухаммеду и его брату Кулаю более подходящим направлением миграции казались бухарские владения. Кроме того, была возможность присоединиться к туркменам или калмыкам. Во время этих споров произошла даже ссора между Султанаем и Шейх-Мухаммедом, которые стали кочевать порознь. Однако выбора ориентации им не оставило вмешательство калмыков, которые подошли вплотную к алтыульским становищам².

На основании сведений из русских источников можно прийти к выводу, что появление калмыков на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов. Силы Чокура и его соратников рассеялись, а около 2 тыс. калмыков, таким образом, оказались в верховьях Эмбы. Отсюда они отправили пятерых посланцев к алтыульским мирзам, Султанаю и Шейх-Мухаммеду, с предложением объединиться и совершить совместный набег на ногайские улусы под Астраханью. Но мирзы отказались, сославшись на малочисленность и желание уйти кочевать в Туркестан или под Ургенч³.

О первых контактах калмыков с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/1628 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алеймирза с двумя калмыцкими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 дней пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы калмыков, а в 12 дней пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего в общей сложности калмыков насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадами скудны», так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Ишима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершать на них набеги. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от калмыков, сославшись на зимнюю непогоду⁴.

Осенью 1628 г. вспыхнул новый конфликт между ногаями. Воспользовавшись ситуацией, алтыульские мирзы срочно отправили калмыкам на Эмбу предложение о совершении совместного набега против ногаев. В ноябре в Астрахань прибыл раненный конный стрелец М. Яковлев, со слов которого стало известно, что 31 октября, ночью на заре, ногайский улус Мамбет-Сеина, сына Кары Кель-Мухаммеда, подвергся внезапному нападению калмыков. Большинство ногаев не смогло организовать должного сопротивления и просто разбежалось, а М. Яковлев был ранен в плечо из лука. Улус Кель-Мухаммеда срочно прикочевал к переправе на реку Бузан. Астраханские власти сформировали отряд под началом стрелецкого сотника М. Шабликина для преследования калмыков. По сведениям стрелецкого головы Семена Осичкова, ногаи в момент сражения бросили стрельцов и сбежали, а самим служивым людям пришлось в окружении отсидеться в тележном городке, захватив в плен двух татар⁵.

Астраханские власти не могли согласиться с подобными планами тайшей, но противопоставить им значительные военные силы тоже не имели возможности, ограничившись лишь дополнительным усилением охраны ногайских улусов⁶. Очередная вспышка между-

¹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1627 г. – Д. 1. – Л. 354–358.

² *Трепавлов В. В.* Алтыулы: остатки Ногайской орды в казахских степях // Вестник Евразии. – М., 2001. – в. № 2. – С. 43.

³ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1628 г. – Д. 2. – Л. 342, 343.

⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1628 г. – Д. 1. – Л. 137, 138

⁵ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1629 г. – Д. 1. – Л. 18, 19.

⁶ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1629 г. – Д. 1. – Л. 287.

усобицы в ногайской среде и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую верхушку ногаев в 1629 г. обратиться к Москве с прошением взять на себя управление ордой¹.

В дальнейшем калмыцко-ногайские отношения стали развиваться в русле эскалации конфликта, которым отмечены почти все 1630-е годы. В первую очередь это было связано с приходом в степи Северного Прикаспия улусов тайши Хо-Урлюка. Таким образом, надо отметить, что в начальном периоде взаимоотношений двух кочевых народов были не только вооруженное противостояние, сопровождавшееся взаимными набегами, но и попытки заключить мирное соглашение путем переговоров. Однако отсутствие политического единства в Большой Ногайской орде, а также начало междоусобной войны среди калмыков в 1625 г., не позволили мирно урегулировать все возникавшие конфликты и разграничить территорию кочевий.

¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 412.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ЮРТОВЦЕВ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII В *

И.В. Торопицын

Астраханские юртовские татары являются самобытным народом Нижнего Поволжья, представители которого много веков назад заселили территории в дельте реки Волги и сформировали специфическую культуру хозяйствования. С середины XVI в. юртовцы адаптировались к новым реалиям нахождения в составе Русского государства, расселившись вокруг города Астрахани, ставшего центром местной новой власти.

Интерес к этой группе населения Нижнего Поволжья проявился достаточно рано. Юртовцы неизменно попадали в поле зрения исследователей, купцов, путешественников, посещавших со второй половины XVI в. Низовья Волги. Так, например, интересные наблюдения об образе жизни «татарских жителей, населяющих земли вокруг Астрахани», сделал французский специалист Посьет, занимавшийся в Астрахани в период царствования Петра I разведением виноградников. Один из знатных татар, которому Посьет оказал важные услуги, в благодарность за них уговорил его вместе с женой посетить его семью, проживавшую в 16 милях от Астрахани. Впечатлениями от этой поездки Посьет поделился впоследствии с брауншвейг-люнебургским резидентом в России Ф.Х. Вебером, благодаря запискам которого мы можем судить о том, как жили астраханские татары в начале XVIII в. Посьет, в частности, отметил, что летнее жилище этого знатного татарина располагалось в красивой роще. Хозяин принял своих французских гостей в «чистой палатке». При этом жены татарина находились в другом месте. По просьбе иностранцев глава семейства приказал им появиться перед гостями, и «через пол часа из какой-то беседки, обсаженной розами и находившейся от палатки в расстоянии, которое можно перебросить камнем, вышли семь почетно-убранных женщин...»¹.

То обстоятельство, что хозяин палатки сразу же попросил своих жен после приветствия гостей покинуть их из опасения, что эти действия могли заметить соседи, позволяет предположить, что поблизости могли располагаться жилища других татар. Тот факт, что помимо палатки главы татарского семейства недалеко располагалась беседка, обсаженная розами, где находились его многочисленные жены, показывает, что в летний период их жилища не просто располагались в живописных местах, а обустроивались со всяким комфортом. Следовательно, уже применительно к первой четверти XVIII в. можно вести речь не о временной стоянке, а о сезонном поселении юртовцев, гостем которого стала семья французских виноделов.

Обширный комплекс источников, накопленный в научной литературе, позволяет осветить многие стороны истории юртовцев². Несмотря на это, о повседневной жизни и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054а.

¹ Записки Вебера // Русский архив. № 7–8. – М., 1872. – С. 1395–1396.

² Торопицын И.В. Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. Астрахань, 2014. – Вып. 3 (40). – С. 220–228; Торопицын И.В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014. P. 3–8; Торопицын И.В. Проекты астраханских властей по реорганизации условий жизни и службы юртовских татар во второй трети XVIII в. // Евразийских союз ученых (ЕСУ). М., 2014. – № 7 (15). – С. 136–139; Торопицын И.В. Наказ Би-мурзе Урусову как отражение социально-экономических, правовых и духовных запросов астраханских юртовских татар во второй половине XVIII в. // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей / под ред. А.А. Курапова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. – Вып. VI. – С. 129–133.

деятельности астраханских татар в период Нового времени (XVII–XVIII вв.) без привлечения архивных источников судить достаточно сложно.

К числу вопросов, требующих, на наш взгляд, уточнения, относится, например, география расселения юртовцев. В историографии можно встретить сведения о том, что к 50-м гг. XVIII в. юртовские татары проживали в селениях Цареве, Трех Протоках, Карагалах, Мошаике, Яксатове, Башмаковке и Бустамгуле, а во второй половине XVIII в. ими были основаны села Солянка, Кучергановка и Янго-аул¹. Однако выявленные нами архивные материалы, относящиеся к 1780-м гг., при совпадении отдельных названий и, очевидно, местонахождения некоторых населенных пунктов юртовцев, дают несколько иную картину их расселения. К тому же документы Астраханской губернской канцелярии содержат ценные сведения не только о географии расположения поселений юртовцев на территории Астраханской губернии, но и, что очень важно, составе их населения.

Предыстория появления данных материалов такова: в 1783 г. в Астраханской губернской канцелярии решили выяснить, в каких именно местах находятся селения у астраханских мурз и табунных голов и сколько в них проживает людей. К середине декабря того года губернские власти имели полную картину расселения юртовцев и других народов на территории Астраханской губернии². Всего в справке отмечено свыше десятка их селений и хуторов. Одни из них располагались в урочищах Агулане, Жевгашты, при Скорняковом ерике, на Машаике. Другие были основаны при реках: Болде, Башмаковке, Трех протоках, Большой Мардане, Арыче, Абдарме, Солянке.

Большинство селений юртовцев находилось в непосредственной близости от Астрахани. Ближайшее из них располагалось на реке Большой Мардане всего в одной версте от города. Но некоторые из них были основаны на удалении 15–20 верст от Астрахани. Самые дальние их селения располагались на реках Арыча и в урочище Агулане. Причем нередко юртовцы селились обособленными группами по соседству. Так, на реке Арыче были основаны два их поселения, расстояние между которыми составляло две версты. Два других поселения юртовцев располагались в урочище Агулан (их разделяло пять верст). Вдоль реки Большая Мардана располагалось три их поселения: наиболее крупное находилось в одной версте от Астрахани, далее в семи верстах от города было еще одно, через версту находилось очередное их селение. По несколько селений юртовцев находилось при реке Болда, на Машаике, в урочище Жевгашты.

Все они были основаны разными группами юртовцев. В ближайшем к городу селении по реке Большой Мардане, например, проживали около полусотни представителей табуна Османа (Усмана) Казбулатова. В семи верстах от Астрахани обосновались несколько семей из улусов обоих мурз Урусовых и Мурата-мурзы Тинбаева (Тимбаева), а еще через версту от них жили несколько человек из табуна бывшего табунного головы Мамбетжана Байбулатова.

Для большинства юртовцев было характерно проживание отдельными группами, а не целыми сообществами (улусами или табунами). Порой представители одной из групп юртовцев проживали в разных селениях. Так, улусные люди Нурадыла-мурзы Урусова проживали в 12 местах в окрестностях Астрахани, при этом только вдоль реки Болда, где располагались наиболее крупные их поселения, они устроились в трех местах. Аналогичным образом табунные люди Османа (Усмана) Казбулатова проживали в десяти селениях, юртовцы из табуна Аджигула Смаилова – в семи местах. Для сравнения – табунные люди Тлеса Абдиева жили только в одном месте – на Машаике, а улусные люди Эль-мурзы Яксатова Байтерекова проживали компактно в урочище Жевгашты.

К числу наиболее крупных поселений юртовцев в указанный период относились селения при реке Башмаковке (485 человек), при реке Арыче (384 человека), на Машаике

¹ Рябухин В.Н. К этногенезу астраханских татар // Материалы второй краеведческой конференции. Астрахань, 1989. – С. 26.

² Государственный архив Астраханской области. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 5737. – Л. 46–50.

(290 человек), одно из тех, что находилось при реке Болде (243 человека), при урочище Агулане (211 человек), при урочище Жевгашты (152 человека), при Скорняковском ерике (119 человек).

Детальное рассмотрение состава каждого юртовского поселения показывает, что многие из них имели достаточно сложную внутреннюю структуру. Это было обусловлено тем, что в них проживали представители разных улусов и табунов. Так, на Машаике обособились представители десяти юртовских групп из улусов мурз Урусовых и Тинбаевых (Тимбаевых), а также табунов Османа (Усмана) Казбулатова, Есеналия Алакаева, Мамбетжана Байбулатова, Аджали Булатаева, Тлеса Абдиева. Аналогичная картина наблюдается в отношении большинства юртовских селений. Так, в урочище Жевгашты разместились семь юртовских групп, селения на реках Солянка и Арыча сформировали представители шести разных групп юртовцев.

Крупнейшее юртовское селение располагалось в восьми верстах от Астрахани в районе реки Башмаковка. Его основу составили представители табунов Османа (Усмана) Казбулатова (175 человек), Аджигула Смаилова (99 человек) и Аджали Булатаева (66 человек). Кроме них там проживали 95 человек Ходжи Баубекова, а также представители мурз Урусовых (14 человек из улуса Би-мурзы и 23 человека Нурадыла-мурзы) и Тинбаевых (Тимбаевых): 8 человек из улуса Мурата-мурзы и 5 человек из улуса Росламбека-мурзы.

Столь пестрый в социальном плане состав населения как Башмаковского, так и многих других поселений астраханских татар, делает актуальной задачу изучения системы управления юртовскими улусами и табунами, население которых оказывалось «распыленным» между различными селениями, в условиях привлечения юртовцев к выполнению различных государственных повинностей.

Описание юртовских селений будет не полным, если не упомянуть о том, что среди его обитателей были отмечены лица, состоявшие в ведомстве капитана Жангуршина (Абдулы Абдрешитова Женгуршина, выходца из ясашных улусных людей мурз Урусовых, муллы, впоследствии капитана российской армии). Так, из числа подведомственных ему людей 153 человека проживали на Башмаковке, 25 человек – на Машаике, 126 – при Трех протоках, 120 – на Солянке, еще 563 человека основали поселения по обе стороны реки Царев. Помимо этих людей у него в ведомстве находились еще несколько сотен человек, кочевавших на казенной земле «для кормления скота» по реке Куме и в других местах, на расстоянии 440 верст от Астрахани, еще 16 человек проживали при селитренном заводе астраханского купца Льва Кобякова.

В материалах Астраханской губернской канцелярии указывалось, что «все оные татара, кроме живущих в городе, изо всех селений своих летом выходят жить в кибитках, кто где пожелает, а дома оставляют в пуге». Далее отмечалось, что «из оных татар, кроме что на Трех протоках..., собственной земли никто не имеет, а нанимают у означенных владельцев за деньги...». При этом указывалось, что «хотя ж оные татара по разным местам и находятся, а тягости и партикулярные исправляют, то есть возют почту к Кизляру и по прочим дорогам, да и квартир для постоа содержат все вообще с подмогою, также и по приказам подводы исправляют же без одговорочно»¹.

В историографии утвердилось мнение, что в подчинении у Абдулы Жангуршина находились кундровцы (или карагаши). Будучи одно время муллой в улусе Нурадыла-мурзы Урусова, а впоследствии управителем в имении Черепаха астраханского губернатора Н.А. Бекетова, по указанию астраханских губернских властей он возглавил в 1771 г. в качестве табунного головы тюркское население прежнего Калмыцкого ханства, оставшееся в России после побега калмыков в Китай. На этот счет в челобитной астраханскому губернатору Н.А. Бекетову, поданной 5 марта 1772 г., новоиспеченный табунный голова мулла Абдула Жангуршин отмечал: «по определению вашего высокоблагородия при учреждении меня над бывшими между калмыцкого народа приписанными ныне к астра-

¹ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 5737. – Л. 62об.

ханским аульным татарам в ясак так называемыми кундровскими татарами главным ж сверх их старшин начальником определен я астраханским табунным головою с полным сего звания жалованьем...»¹.

В ходе архивных изысканий нам удалось выявить целый ряд документов, которые дают более детальное описание состава людей, подведомственных Абдуле Жангуршину. Так, осенью 1771 г. наряду с кундровцами в его ведомство были причислены тогмуты «при саде Замьяновом в 36 семьях состоящие». 12 ноября 1771 г. последовало указание российских властей «всех бывших между калмыцким народом татар приписать в ведомство астраханское», но из них, отмечалось впоследствии, «к астраханским аульным приписаны в ясак только одни хундровские, тогмутские, бешеульские и другого звания татара, а трухменские к кизлярским аульным же татарам»².

В 1775 г. в числе состоящих в ведомстве Абдулы Жангуршина людей были указаны татары: «бешеульские», «женбойлуцкие», «тогмуцкие», «кундровские», «трухменские». В другой справке того же периода среди подведомственных людей Абдулы Жангуршина были указаны «татара трухменские, тангутские и бесшчульские... их же кундровского числа»³. Часть «бешеульцев» вместе с тогмутами и джембойлуками кочевала в зимний период по реке Кума, а летом по берегам Волги. Отдельные семьи «бешеульцев» кочевали за рекой Болдой, у Трех протоков, на Машаике и против Башмаковки. При этом часть их обосновалась непосредственно в Астрахани. «Вышедшие из Замьянова огорода тогмуцкие татара» и туркмены, оставшиеся в России, в 1775 г. кочевали в районе Калмыцкого базара, а прочие из них находились в Астрахани.

Перечисляя в 1782 г. подвластных ему людей, табунный голова Абдула Жангуршин указывал, что у него находятся оставшиеся после табунного головы Кедея Смаилова 376 человек, а также оставшиеся после побега калмыков 213 человек «бешоульского» рода («бешеульцы»), 158 человек «тонгутского» рода (тогмуты), 64 человека «жанбулатского» рода (джембуйлуки) и 57 человек «трухменского» рода (туркмены)⁴.

Таким образом, можно видеть, что в последней трети XVIII в. наименование «кундровцы» не распространялось на всех людей, которые были поручены в ведомство Абдулы Жангуршина. При этом в начале 1770-х гг. под кундровцами в Астраханской губернии российские власти понимали всех бывших в калмыцком подданстве «татар», но впоследствии стали выделять среди них разные этнические группы. Кроме того, как уже было отмечено, «под смотрением» у табунного головы Абдулы Жангуршина оказалось около двухсот семей юртовцев, составлявших прежде самостоятельный табун (административную единицу), которые по определению Астраханской губернской канцелярии были поручены ему в ведомство в 1771 г. Формальным основанием для этого послужило обращение самих юртовцев из этого табуна, которые после смерти в 1767 г. их табунного головы Кедея Смаилова, не оставившего наследников по мужской линии, оставались без «присмотра» и управления⁵.

В виду того, что все люди Абдулы Жангуршина составили особый табун, их указали в сводной справке, подготовленной по требованию астраханских властей в 1783 г., вне списка юртовцев. Данный факт представляется весьма интересным, учитывая то, что в подчинении у Абдулы Жангуршина находились не только бывшие калмыцкие подданные, но и значительное число астраханских татар. Изучение архивных источников позволяет с определенной уверенностью говорить о том, что часть юртовцев, входивших в прежний табун Кедея Смаилова, проживала на своей земле при Трех протоках⁶. Однако, согласно ведомости 1783 г., там жили не все юртовцы, перешедшие в 1771 г. под управление Абду-

¹ ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1.

² ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 4004. – Л. 5об.

³ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1165. – Л. 10–10об., 17–17об.

⁴ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 5521. – Л. 227.

⁵ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1165. – Л. 10–10об.

⁶ ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. Д. 5737. – Л. 62об.

лы Жангуршина, а только 126 человек из них. В связи с этим резонно предположить, что оставшиеся 250 человек из бывшего табуна Кедея Смаилова обосновались по примеру своих соплеменников в других селениях астраханских татар, существовавших на тот момент, наряду с другими лицами, составившими табун Абдулы Жангуршина.

Таким образом, выявленные архивные данные позволяют значительно расширить наше представление о географии расселения в XVIII в. астраханских юртовских татар на Нижней Волге, социальной структуре их сельских общин, а также о возможных связях между разными родовыми группами юртовцев, проживавшими по соседству.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В НОГАЙСКОМ РАЙОНЕ ДАССР

В 1960-1985 годах

А.М. Элаева

Ногайский район занимал и занимает важное место, как в социально-экономическом, так и культурном развитии Дагестана. Это район в недавнем прошлом с высокоразвитым животноводческим хозяйством, вносивший ощутимый вклад в социально-экономическое развитие республики. Значительная часть региона отведена для содержания овцепоголовья горных хозяйств в зимнее время. Регион принял переселенцев из горных районов Дагестана, став для них второй родиной, снизив земельный голод в горах¹. Но если эти аспекты развития района изучались, то вопросы развития культуры в указанных хронологических рамках, еще не получили должного освещения в исторической литературе. Говоря о культуре ногайского народа, следует отметить ее развитие в формах, которые ей придавала деятельность государственных учреждений культуры в советский период истории в целом, и в 1960-80-е гг., в частности. Следует отметить, что в рассматриваемый период в удовлетворении духовных потребностей сельских жителей Ногайского района большое место занимали кино, театр, художественная самодеятельность, народные праздники, деятельность библиотек, музеев, периодической печати и т.д.

Большая и разнообразная работа по развитию культуры велась в Ногайском районе. Широкое распространение в 60-70-е гг. XX в. в регионе получили в клубных учреждениях такие формы работы как вечера-портреты, вечера-рапорты и дни трудовых коллективов – победителей социалистического соревнования. Хорошо эта работа была поставлена Червленно-Бурунском Доме культуры Ногайского района и других сельских домах культуры ДАССР².

На базе драматического коллектива при Ногайском районном Доме культуры в ноябре 1962 г. был создан Ногайский народный театр. В 1963 г. театр осуществил одну постановку - «Переполох из-за приданного» Керимова, театр за год дал 4 спектакля, постановки театра посмотрели около 11,5 тысяч человек³. Со дня своего создания коллектив театра показал трудящимся района более 10 новых постановок. Постоянными участниками (20 человек) являлись рабочие и служащие учреждений райцентра и совхоза им.Ленина. Артисты театра принимали активное участие в развитии самодеятельного драматического искусства. Над театром шефствовал Государственный драматический кумыкский театр им. А.-П. Салаватова⁴.

В 1968 г. ногайский народный театр обратился к директору ИИЯЛ Г.А. Даниялову с просьбой командировать во второй половине мая в Ногайский район Д.М. Шихмурзаева. Аспиранту ИИЯЛ, автору пьесы «Кровавая дорога» следовало принять участие в просмотре спектакля по своей пьесе и прочесть лекции среди населения по вопросам истории и современного развития ногайской литературы и языка⁵.

На базе Ногайского районного дома культуры с 1966 г. работал Университет культуры общего профиля, в котором состоялось два выпуска. По двухгодичной программе читаются лекции, доклады по литературе, музыке, живописи, по истории русского, со-

¹ Лысенко Ю.М. Ногайский район на карте Дагестана. История, современность // Современное положение и перспектива развития ногайского народа в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции (2-4 ноября 2006, г. Санкт – Петербург). – СПб., 2007. – С.104.

² Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. – Махачкала, 1998.

³ Культурное строительство в Дагестане. 1941-1977 гг. – Сб. док. – Т. 2. – Махачкала, 1988. – С.286.

⁴ Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее - ЦГА РД) – Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.427.

⁵ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп.1. –Д.427 – .Л.11.

ветского театра. Кроме лекций в Университете проводились читательские конференции, встречи с местными поэтами, писателями ¹.

С 1965г. в Ногайском районе на общественных началах функционировал Народный музей, фонд которого все время пополнялся новыми экспонатами. У истоков его создания стояли Аджгельдиев Б.Я., Лукманов Х.А., Кельдасов Б.А., Кокоев К.Д., Рахмедов С.К. Большой вклад в развитие музейного дела внесли Отаров М.А., Даутов А., Агаспаров Е.А., Батыров С., а также учителя и старшекласники школ района. За годы существования музея на общественных началах было собрано немало экспонатов, отражающих этно-историческое развитие ногайского народа, его социально-хозяйственную и культурную деятельность². Однако наглядный показ экспонатов был затруднен из-за отсутствия витрин. Ногайский РК КПСС направил ходатайство директору Дагестанского краеведческого музея Д.Г. Кажлаеву о выделении музею нескольких больших и малых наклонных витрин, что способствовало бы сохранности его экспонатов. В 1983 г. благодаря подвижничеству педагога, краеведа Байбека Аджибайрамовича Кельдасова музей получает статус историко-краеведческого,³ а, впоследствии, он стал государственным.

9 апреля 1965 г. было принято важное постановление бюро Дагестанского обкома КПСС «Об увековечивании памяти основоположника ногайского литературного языка Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова»⁴.

Выполняя положения данного постановления Терекли-Мектебской средней школе присвоено имя А.Ш. Джанибекова, а общественность района приступила к созданию школьного музея посвященного ногайскому просветителю. В фонд музея были переданы рукописи, фотографии, письма товарищам и др. материалы принадлежащие А.Ш. Джанибекову.

В постановлении обкома КПСС директору ИИЯЛ ДАН СССР Г.А. Даниялову рекомендовалось, издать отдельные научные труды ногайского просветителя и основоположника литературного ногайского языка, находящиеся в ИИЯЛ, что, несомненно, оказало бы положительное влияние на дальнейшее развитие ногайского литературного языка⁵.

К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина (22 апреля 1970г.) в Ногайском районе было намечено проведение тематических вечеров, чтение лекций по пропаганде идей В.И.Ленина в доме культуры и на сходах сельчан, встречи с местными писателями и поэтами. В районной, сельских библиотеках, в музее им.Джанибекова была организована экспозиция «Ленин в исторических судьбах народов Дагестана» и фотогалерея кавалеров ордена Ленина⁶.

В районе выросли свои литературные таланты. В 1968 г. Ногайский райком КПСС обратился к председателю правления Союза писателей ДАССР Р.Г. Гамзатову с просьбой оказать содействие ногайскому поэту и прозаику Оразбаеву Куруптурсуну в оформлении в члены Союза Советских писателей.

К.Б. Оразбаев, член союза журналистов СССР, проявив себя, как литератор, вложил немало труда и энергии для развития молодой ногайской литературы. Его произведения были выпущены отдельными книгами, а некоторые вошли в учебники родной литературы. Многие его стихи, рассказы были опубликованы на страницах газет «Комсомолец Дагестана», «Ленин йолы», «Степной маяк», в альманахе «Дружба», в коллективных сборниках «Горный поток» (на русском языке), «Ласточка», «Неиссякаемый родник» и др. на ногайском языке. В его переводе были изданы на ногайском языке книги таких видных советских писателей, как Б.Полевого «Мы – советские люди», В. Ильенкова «Большая доро-

¹ ЦГА РД. – Ф. 1252-р. – Оп. 11. – Д. 121. – Л.38; 3. – С. 312.

² Бальгишиев К.С. Ожившая история // Возрождение. Махачкала, 2006. № 9. С.159

³ Джумакаева Б. В поисках исторических корней// Возрождение. Махачкала, 2006. – № 9. – С.52.

⁴ Там же. – С.53.

⁵ Культурное строительство в Дагестане. 1941-1977 гг. Сб. док. – Т. 2. – Махачкала, 1988. – С.211

⁶ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.418. – Л. 42, 64

га», Ю.Лаптева «Заря», Т.Николаевой «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», А.Гайдара «Тимур и его команда», сборник сказок «Жар-птица», отдельные произведения классиков русской литературы.

За творческие успехи в развитии ногоайской литературы К.Б.Оразбаев неоднократно был награжден почетными грамотами Грозненского облисполкома, Верховного Совета ДАССР, Дагестанского обкома ВЛКСМ.

На протяжении многих лет он сотрудничал с редакцией газеты «Степной маяк», вел активную общественную работу, являлся уполномоченным правления Союза журналистов Дагестана по Ногоайскому району, нештатным корреспондентом республиканской газеты «Ленин елу»¹, внося таким образом большой вклад в развитие культуры ногоайцев и Ногоайского района.

На наш взгляд, не лишним будет подчеркнуть, то, что там, где администрация хозяйств, партийные и профсоюзные организации оказывали практическую помощь в деятельности очагов культуры, успехи в их развитии были налицо. Так, например, Червлено-бурунский Дом культуры Ногоайского района – «Дом культуры отличной работы» - неоднократно награждался дипломами и грамотами Министерства культуры СССР, РСФСР, ДАССР².

Так, в ноябре 1972 года в Махачкале состоялся сводный концерт сельских самодеятельных артистов республики. За хорошую организацию, массовость, высокое исполнительское мастерство победителями республиканского смотра сельской художественной самодеятельности были признаны коллективы 12 районов республики, которые были награждены дипломами, среди них были Бабаюртовский и Ногоайский районы³.

В 1973 г. по итогам республиканского смотра сельских домов культуры, посвященного 50-летию со дня образования СССР Кумбатарский сельский дом культуры Ногоайского района был награжден Почетной грамотой Министерства культуры и обкома профсоюза работников культуры и ценным подарком⁴.

Значительную роль в развитии всех видов народного творчества сыграл I Всесоюзный фестиваль самодеятельного творчества трудящихся, с 26 мая по 6 июня 1976 года в Махачкале проходил показ концертных программ сводных коллективов самодеятельных артистов районов республики. Прекрасно выступил инструментальный ансамбль Теркли-Мектебского дома культуры Ногоайского районов⁵, войдя в число победителей.

В 1980 г. в Доме культуры С. Червленые-Буруны был организован хореографический ансамбль «Степные зори». В его составе насчитывалось 30 человек. Среди них – рабочие, чабаны прославленного госплемзавода «Червленые буруны», учащиеся, учителя местной школы. В репертуаре ансамбля были ногоайские, русские, азербайджанские, калмыкские, узбекские танцы, танцы народов Дагестана. Самодеятельные артисты успешно выступали в соседних совхозах «Путь Ленина», «Кунбатарский», им. К.Маркса, на фермах своего хозяйства⁶.

В Ногоайском районе на протяжении изучаемого периода велась определенная работа по атеистическому воспитанию населения в Кунбатарском, Кумлинском, Червлено-Бурунском и др. сельских клубах. В районном Доме культуры проводились вечера вопросов и ответов, тематические вечера на темы: «Женщина и ислам», «Есть ли бог?», «Космос и религия»⁷.

¹ Джумакаева Б. Указ. соч. – С.54.

² Культурное строительство в Дагестане. 1941-1977 гг. – Сб. док. –Т. 2. – Махачкала, 1988. – С.326

³ ЦГА РД. – Ф.1252-р. – Оп.13. – Д.5. - Л.25.

⁴ ЦГА РД. – Ф. 1252- р. – Оп. 11. – Д. 199. – Л.14

⁵ ЦГА РД. Ф.1252-р. – Оп.13. – Д.62 – Л.27.

⁶ ЦГА РД. Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.425. – Л.23.

⁷ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.425.- Л.23.

В справке Ногайского райкома партии по выполнению постановления ЦК КПСС от 28 марта 1978г. «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» сообщалось: «Для удовлетворения духовных запросов населения и организации культурного досуга в районе функционирует 15 клубных учреждений, в которых работают 143 кружка художественной самодеятельности с охватом более полутора тысяч человек. Благодаря принятым мерам со стороны руководства совхозов не только производился ремонт учреждений культуры района, но и выделялись средства для приобретения инвентаря, сценических костюмов, музыкальных инструментов. Так, руководство совхоза «Червленые буруны» в 1978г. приобрело для Дома культуры 400 мягких кресел и выделило на различные нужды 15 тыс.рублей. Совхоз «Кунбатарский» выделил 2 тыс.рублей. Клуб на 200 мест был построен совхозом «Ногайский», клуб на 150 мест - совхозом «им.Ленина». На стадии завершения строительства находился Дом культуры на 400 мест в совхозе «им. К.Маркса». Среди недостатков в справке была названа нехватка музыкантов-баянистов, не высокий уровень репертуара, у клубов не было ни одного сборника песен на ногайском языке»¹.

Большую роль в рассматриваемый период в обогащении культурного досуга играл кинематограф. В 1966г. в Ногайском районе функционировало 12 стационарных киноустановок, расположенных от райцентра 50 км. в одну сторону (аул Ленина) и 70 км. в другую (аул Уйсалган). Движение по кольцу составляло 400 км., а в распоряжении райкиносети имелась всего одна машина, находящаяся в эксплуатации с 1953г. Эта же машина выполняла функцию кинопередвижки, обслуживающей 7 пунктов отгонного животноводства².

Тарумовский (соседний с Ногайским район) кинопрокат обслуживал 6 районов Северного Дагестана - Бабаюртовский, Казбековский, Кизлярский, Тарумовский, Ногайский, Хасавюртовский. В его обслуживании находилось 235 киноустановок (165 государственных, 38 профсоюзных, 32 ведомственных) сыгравших значительную роль в культурном развитии региона³.

Большую культурно-просветительскую и информационную работу вела районная газета, уделявшая внимание передачи опыта передовиков животноводства, дальнейшему развитию производства, особенно овцеводства, освещавшая наиболее значимые события района, республики, страны⁴.

При районной газете «Степной маяк» была организована литературная группа из числа поэтов и прозаиков, которые вносили свой вклад в развитие ногайской литературы. В 1970-е годы литературная группа подготовила и выпустила четыре сборника произведений коллективов авторов под названием «Ласточки», «Неиссякаемый родник», «Голос степи», «Искры». Выпущены были в свет первые книги поэтов Аджигельдиева «Тропа», Анварбека Култаева «В пути», Муссы Курманалиева «Крылатое сердце», прозаиков К.Оразбаева «Степные просторы», «Звезда счастья». Вышли в свет поэтические сборники молодых поэтов Анварбека Култаева, Солтанбека Аджиева, Кадрии Темирбулатовой, Д. Шихмурзаева и др.⁵

Первые печатные издания фольклорных памятников ногайцев связаны с именем Абдул-Хамида Джанибекова, который является составителем рукописного фольклорного сборника «Союз казнасы» (Сокровищница слов) в четырех томах. Пословицы и поговорки из этой коллекции были изданы в книге «Ногай халкынынъ такпаклары эм айтувлары»

¹ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.544. – Л.50.

² Джумакаева Б. Указ. соч. – С. 53.

³ ЦГА РД. – Ф.2628-п. – Оп.1 – Д.480.

⁴ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.508. – Л.24.

⁵ ЦГА РД. – Ф.3133-п. – Оп. 1. – Д. 450. – Л.68.

(«Пословицы и поговорки ногайцев», Черкесск, 1963). В 1967г. С.А. Калмыкова-Джанибекова опубликовала книгу «Ногай эртегилер» (Ногайские сказки)¹.

Большое внимание органами власти района уделялось деятельности образовательных учреждений, оказывалась помощь при поступлении в ВУЗы, ССУЗы. Так, в 1970 г. Ногайский РК КПСС неоднократно обращался с ходатайством о поступлении выпускников района не только в вузы республики, но и в учебные заведения за ее пределами. Например, директору Астраханского сельскохозяйственного техникума, была направлена просьба, принять на мелиоративное отделение выпускника 8 класса Терекли-Мектебской средней школы Суяндикова Руслана².

В целях подготовки для района творческих работников из местного населения и укомплектования кадрами оформительской художественной мастерской района, Ногайский РК КПСС обращался к директору Махачкалинского художественного училища им. Джемала т. Каймаразову с просьбой принять студентом училища выпускника 8 класса Терекли-Мектебской средней школы Аракчиева Игоря Багаутдиновича³.

В рассматриваемый период в Ногайских степях шла большая работа по строительству Терско-Кумского канала и освоение поливных земель, а своих специалистов-мелиораторов в районе не было. Учитывая нужду в кадрах высшей квалификации Ногайский районный комитет КПСС, содействовал в поступлении на агрономический факультет Дагестанского сельскохозяйственного института рабочему совхоза им.К.Маркса И.А. Койлубаеву и др.⁴

С просьбой помочь в назначении стипендии студентке 2 курса философского факультета Ростовского государственного университета Карагуловой Н. Ногайский РК КПСС также обратился к руководству вуза⁵.

Подводя итог, отметим, что в 60-е – первой половине 80-х годов XX века в регионе происходили определенные позитивные изменения: шел постоянный рост числа школ, детских садов, открывались учреждения дополнительного образования для детей. Дома культуры расширяли сферу своей деятельности, был организован народный театр, открыт музей, успешно развивались творческие коллективы, шел рост творческой интеллигенции и т.д. В то же время имелся целый ряд трудностей в деятельности учреждений культуры, ощущалась нехватка специалистов, мешала и излишняя организованность. Однако, положительных явлений, на наш взгляд было больше.

¹ Курмансеитова А.Х. Издание ногайских фольклорных памятников в 1920-2000 годах // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Пятигорск, 2006. Вып.5.Л.123.

² ЦГА РД. Ф.3133-п. – Оп.1. – Д.544.- Л.24

³ Там же – Л.15.

⁴ Там же – Л.25.

⁵ Там же – Л.31.

РАЗДЕЛ 3. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДРУЖИНА В НОГАЙСКОМ ЭПОСЕ «ЭДИГЕ» И ВНЕ ЕГО

В.В. Грибовский

Одной из заметных тенденций современного ногаеведения стала систематизация материалов ногайского фольклора¹, введшихся в научный оборот в течение длительного времени. Сегодня уже сложилась новая «повестка дня», требующая пересмотра теоретических принципов анализа ногайского эпоса как исторического источника, поиска новых оснований для формулировки вопроса о его информационных возможностях, отражении в нем тех предметностей, которые сложно или почти невозможно рассмотреть через письменные документы.

Труды Виктора Максимовича Жирмунского, ставшие классикой изучения эпоса тюркоязычных народов в советское время, основывались на традиционном марксистском понимании «стадий развития человеческого общества». С каждой из них ученый соотносил определенный вид фольклора. Богатырскую сказку он считал «типологически наиболее древним эпическим жанром фольклора тюркоязычных и исторически с ними связанных монгольских народов»², героический эпос связывал с «высшей ступенью варварства»³. То есть, ученый не выходил за рамки схемы Морган-Энгельса, делая своеобразную рассортировку содержания фольклора по единообразной для советской науки шкале отслеживания переходов от матриархальной к патриархальной стадиям и далее – «классовому обществу» и государству. При таком подходе фольклор рассматривался как прямое отражение социально-экономических и политических процессов. «В некоторых случаях, – писал В. М. Жирмунский, – может быть прослежен и процесс трансформации богатырской сказки в героический эпос вместе с развитием самих народов от патриархально-родового к феодальному строю»⁴. Однако вряд ли это прослеживание, основанное на столь умозрительных предпосылках, действительно можно произвести на фольклорном материале с такой очевидностью, на которую рассчитывал ученый. «В древней богатырской сказке, – утверждал В. М. Жирмунский, – отсутствует широкая народная государственная перспектива классического героического эпоса и связанная с нею более конкретная историческая локализация. Герой является здесь представителем семьи и рода, а не народа и государства»⁵.

В изложенном несложно увидеть однолинейный эволюционизм, поставленный под сомнение в западной антропологии еще в первой половине XX в. Сегодня не так очевидна и типология связей и отношений, выражаемых через понятия «род», «племя», «народ». Любая общность до эпохи модерна, т. е. времени распада сословных структур и появления централизованных государств, формирующих нации через идеологию, массовую литературу и массовую школу, представляет из себя многослойное образование, далекое от этносоциального монолита, возникшего в воображении людей XIX–XX вв. Французская исследовательница Центральной Азии Исабель Оайон в духе Едварда В. Саида определила,

¹ Не вдаваясь в рассмотрение сложной дискуссии о понятии «фольклор» (см.: *Жирмунский В. М. Проблема фольклора // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. – М.: ОГИ, 2004. – С. 40–57*), автор руководствуется его пониманием как устного текста, создаваемого, фиксируемого, изменяемого и передаваемого иначе, чем тексты письменной, книжной традиции.

² *Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – С. 222.*

³ *Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. – М.: ОГИ, 2004. – С. 109.*

⁴ Там же. – С. 137.

⁵ Там же.

что «“племя” и “род” являются вполне идеологическими конструктами, созданными западными, российскими и советскими колониальными и империалистическими властями для своих периферий»; эти конструкты составляли средства, «при помощи которых доминант мог составить иерархическую классификацию в отношении доминируемого»¹. Еще в начале XX в. американский антрополог Франц Боас отметил «чрезвычайную фундаментальную трудность в определении племенной общности и структуры» современных ему индейцев-квакиютль, и потому предпочел номиналистический подход к рассмотрению таких обществ, основанный на использовании их собственных названий элементов своего социального устройства².

Ф. Боас имел уникальную возможность брать информацию «из первых рук», непосредственно наблюдать описываемое явление до его окончательного «повреждения» модернизацией. Однако изучение кочевого быта ногайцев не знало такого крупномасштабного этнографического документирования, которое произвел Боас в Северной Америке³. Традиционный уклад жизни ногайцев стал предметом социально-исторического рассмотрения в то время, когда, с одной стороны, этот уклад был радикально изменен коллективизацией, с другой – произошла жесткая унификация языка научного описания, приведенного в соответствие с марксистской терминологией. И потому есть еще больше оснований боасовский скептицизм в отношении способности понятий «племя» и «род» адекватно выразить системно-структурные проявления социальности распространить и на проблематику изучения ногайской общности, как и анализа ее эпоса. Особенное значение в этой связи приобретает проблема языка – того, насколько язык научного описания коррелирует с тем, что выражено языком эпоса (или того, что определено как язык эпоса в момент его фиксации).

Поскольку история ногайского языка выходит далеко за рамки квалификации автора данного исследования, предлагаемая вниманию читателя публикация ограничивается обозначением отмеченной проблемы как «зоны особого риска», оставляя ее для изучения специально подготовленным исследователям. Предметом данного исследования есть институт дружины, отраженный в эпосе «Эдиге», с отдельным вниманием к языковому выражению этого института. То есть, нас интересует определенный тип связей-отношений, который возможно отследить даже по источникам «второй руки» (русскоязычной фиксации эпоса). И, что очевидно, – с меньшим риском для искажения, чем то, что с опрометчивой традиционностью определяется как «род», «племя», «государство».

Отношения между общностью и возникшим в ее среде фольклором сегодня уже не могут рассматриваться в рамках марксистской теории отражения, ввиду осознанных рисков искривления исторической реальности проекцией, исходящей от определенного настоящего к неопределенному прошлому. Согласно выводу Б. Н. Путилова, «элементы этнографической действительности [...] не просто “отражаются” или “описываются” в фольклоре», но активно воздействуют на складывание и развитие фольклорных систем. Фольклору, по его «эстетической и функциональной природе», как утверждал Путилов, «не свойственна установка на воспроизведение жизни в ее “натуральных” проявлениях. Отношения с действительностью [в фольклоре] происходят опосредованно, через сферы, где уже накоплен значительный фонд первичных обобщений, знаковых систем и уже действуют свои коды и свои закономерности: традиционные этносоциальные институты, об-

¹ *Ohayon Isabelle*. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s // *Central Asian Affairs*. – Vol. 3. – Issue 2. – 2016. – P. 171–172.

² *Boas Franz*. The Social Organization of the Kwakiutl // *American Anthropologist*. New Series. – Vol. 22. – № 2 (Apr. – Jun., 1920). – P. 111.

³ Переписка Ю. П. Аверкиевой и Ф. Боаса / сост. И. В. Кузнецов // Бюллетень: Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм. Новая серия. – Вып. 1 (7). – № 1–3 (март–сентябрь, 2006) / под ред. И. В. Кузнецова и др. – Краснодар: «РАЙФ», 2006. – С. 137–160. *Кузнецов И. В.* Чувство далекого (Боас приступает к полевым исследованиям) // Там же. – С. 161–190.

ряды, обычаи, нормы быта, правовые установления, системы родства, семейные традиции, верования и представления. Отсюда, из этих весьма разнообразных по истокам, содержанию, значению систем черпается преимущественно основной строительный материал для жанров, отсюда же в фольклор перекачивается масса мотивов, сюжетных ситуаций, образов, дающих затем жизнь все новым и новым темам, сюжетам, коллизиям, персонажам, языку. Фольклорное творчество вбирает богатый мир этнографической действительности, подвергая его перекодировке»¹.

Изложенная модель позволяет вплотную подойти к вопросу об отношениях между фольклорными «мотивами и сюжетными ситуациями» и социальными институтами, наполнявшими их своими свойствами и признаками. Чтобы уловить черты этих институтов, как и вычленив контуры их взаимодействия с другими «сгустками» повторяющихся взаимодействий (явленных в собственных понятиях, по Ф. Боасу), нужно иметь четкое представление о том, чем был конкретный эпос и действующие в нем персонажи для конкретной общности. Этот функционалистический аспект рассмотрения абстрагируется от литературоведческих задач и не претендует на их решение, в плане выявления отношений «внутри текста».

Итак, в период, когда этнографическое описание традиционной социальной структуры ногайцев было возможным (XIX – начало XX вв.), вполне четко зафиксирована связь этой структуры с главными героями ногайского эпоса – Эдиге и его сыном Нурадином (Нур-ед-Дин). В частности: «Едигей с согласия народа, сына своего Нородина наименовал мурзой, а народ узденями, подвластными ему. От сего мурзы Нородина Едигеева потомки все приняли наименование мурз и ныне называются таковыми»². Т. е. эпос об Эдиге был принципиально важен для поддержания данной социальной системы и наделения ее смыслом упорядоченного космоса. Сам же Эдиге представлялся той демиургической фигурой, благодаря которой возникла эта упорядоченность.

Демиургия, поскольку она не является творением мира из ничего (героический эпос бесконечно далек от этого монотеистического видения), всегда имеет дело с переформатированием уже имеющегося материала, выстраиванием из него новых конструкций. Демиургу, герою повествования, всегда предшествует другой демиург или его наследник, «неправедные» действия которого обрекают его «постройку» на разрушение. Эдиге первоначально служит хану Тохтамышу, но безосновательная ханская немилость вынуждает его «взять с собой девять человек и уйти в степь, сделавшись казаком»³. Те же 9 «друзей-батыров» Эдиге упоминаются в варианте, обработанном Ф. М. Сидихметовой⁴. «Я отнял трон у такого хана, как Тохтамыш, потомок Чингиз-хана; я концом своей шашки отпер дворец его; я сделал это к концу своей зрелости. А в юности своей я бежал от Тохтамыша с семью товарищами и во время бегства я целыми горстями разбрасывал на пути своем белое серебро и красное золото», - восклицает Эдиге в варианте Н. С. Семенова⁵. Итак, Эдиге разрушает мир наследников Чингиз-хана и создает свой, ногайский мир.

Как отметил В. М. Жирмунский, сюжеты, в которых «государь несправедливо бросает в темницу (или изгоняет из своего царства) лучшего из своих богатырей», прослеживаются в эпосах разных народов Запада и Востока и зачастую возникают независимо, без прямых заимствований. Как настаивал этот ученый, подобные «типологические сходжения в области эпических сюжетов более нового происхождения, возникшие в средние века

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – С. 117–118.

² Цит. по: Кочекаев Б. Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX веков. – Алма-Ата: Казахск. гос. ун.-т им. С. М. Кирова, 1969. – С. 11.

³ Эдиге. Вариант А. Л. Ходзько // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 56.

⁴ Эдиге. Художественный перевод с ногайского текста Ф. М. Сидихметовой // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 318–319.

⁵ Мурза Эдиге. Вариант Н. С. Семенова // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 145.

и характерные для феодальной эпохи»¹. Если оставить в стороне небесспорные понятия «средние века» и «феодализм», как и сюжетные совпадения с античным эпосом, то в поле зрения все же остается то обстоятельство, что герой действует в уже существующем государственном пространстве. Но первоначальной силой, на которую он опирается, выступают его немногочисленные товарищи, с которыми он бежит от несправедливого государя. Их число (семь, девять) в разных вариантах эпоса, как уже видно из приведенных примеров, не является стабильным. Важно привести упоминание и о «40 товарищах» Эдиге в записи С. Чагатай², которое относится к числам, имеющим четкий и устойчивый символизм, прослеживаемый в эпосах тюркских народов.

Ю. А. Зуев отметил, что это число (кырк), наряду с сотней (юз, джуз) – другие числа наделены менее устойчивым символизмом – является обозначением особой дружины – юзлык, как и дружина-дозор сорока (сотни) юношей, кырк-чоро в эпосе «Манас»³. Этот исследователь аргументировал вывод о существовании в Центральной Азии древней традиции взаимозаменяемости «сорок» и «сто», что, уже в силу таковой, никак не является простым указанием на воинское подразделение с соответствующим количеством человек, но удостоверяет особую «возрастную корпорацию»⁴. Понимание социальной природы этой «корпорации» Ю. А. Зуев основывал на трудах С. П. Толстова, который зафиксировал у прикаспийских туркмен-йомудов институт ақ-öүлү (белодомовых), трактуя его как «выделившуюся из молодых людей данного племени группу, игравшую особую роль в межплеменных войнах»⁵. Причем этот институт С. П. Толстов считал аналогичным тому, что был описан в этнографической литературе (Антуан де Превилль, 1894) об африканских масаи⁶. Первоначально С. П. Толстов избегал употребления понятия «мужские союзы», которое после публикации известного труда немецкого этнографа Генриха Шурца (1902)⁷ получило широкое применение. Однако в советской этнографии к нему долгое время относились весьма критически⁸. В частности, М. О. Косвен писал: «Вопрос о “мужских союзах”, “тайных обществах” и пр[очее] привлекает к себе со времен Шурца внимание этнографов и этнологов, однако остается недоисследованным»⁹. Позднее (1948) С. П. Толстов обосновал существование «мужских домов в домусульманской Средней Азии» как «одного из широко распространенных и общественно значительных бытовых явлений»¹⁰. «Коллективные трапезы», как важную черту этих «мужских домов», исследователь типологически увязал со спартанскими сесситиями¹¹. А затем вышел на широкую панораму, требующую устойчивого терминологического обозначения: «Первобытные

¹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. – М.: ОГИ, 2004. – С. 280.

² Сага об Эдиге. Запись С. Чагатай // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суяновой. – М.: Наука, 2016. – С. 199.

³ Зуев Ю. А. О формах социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / под ред. Н. Ж. Шахановой. – Алматы [б. м.], 1998. – С. 51, 71.

⁴ Ук. соч. – С. 71, 74.

⁵ Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. – М.: Соцэкгиз, 1938. – № 1 (2). – С. 75.

⁶ Там же. – С. 72.

⁷ Schurtz Heinrich. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. – Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1902. – 458 s. Подробнее о Генрихе Шурце и возможности применения его теории на восточноевропейском материале раннего нового времени см.: Грибовський В. В. Гендерний структуралізм Генріха Шурца в перспективі дослідження чоловічої соціальності передмодерного часу // Scriptorium nostrum. – Вип. 1 (4). – Херсон: Херсонський державний університет, 2016. – С. 17–43.

⁸ Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. – М.; Л.: Наука, 1948. – С. 267–269.

⁹ Там же. – С. 269.

¹⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: МГУ, 1948. – С. 317.

¹¹ Толстов С. П. Ук. соч. – С. 276.

тайные союзы, это самая могущественная организация поздних этапов родового строя, продолжавшая жить веками в рамках рабовладельческих государств Востока, снова выступила на историческую арену» уже в «феодальную эпоху»¹. А это, по сути, панорама Г. Шурца, обосновавшего связь между мужскими союзами, тайными домами, возрастными классами и инициациями, хоть и обозреваемая через другую понятийную «оптику».

Для Ю. А. Зуева имела принципиальное значение заявленная С. П. Толстовым «исторически устанавливаемая семантическая эволюция [...] имени», относимая и к «этническому имени türk [...] со значением – “возрастной класс молодых неженатых воинов” [...]», в дальнейшем целиком принимающий на себя семантическую нагрузку значения “войско”»². Таким образом, заявлена гипотеза о возможности того, что дружина некоего лидера, состоящая из его товарищей-одногодок, являлась ядром будущей армии и государства. Ю. А. Зуев уделил особое внимание социологическому моделированию этой эволюции, что привело его к выводу о превращении дружины-сорок (сто) в ядро крупного объединения – «пеструю (пегую) орду»³. Кроме того, он проследил и комплекс инициаций, связанный с этой дружиной и ее превращениями⁴. Приводимые им примеры вполне сопоставимы с упоминанием в эпосе об Эдиге «семидесяти человек на семидесяти лошадях *разных мастей*»⁵. Собственно, Г. Шурц считал эту разномастность одной из отличительных черт мужских союзов, открытых для включения в свой состав чужаков, объединенных общим делом, в отличие от обычной закрытости общины, состоящей из семей и основанной на родовых связях⁶. В этой связи важно отметить упоминание в ногайском эпосе кунацкой – места, где хан Тохтамыш принимал и одаривал своих батыров. О кунацкой хана говорит Кубугул, сын Эсебея, аталыка Эдиге (Кубугул называет Эдиге братом): «А я не вернусь и кланяться хану в его кунацкой не буду». «Войти в его кунацкую не даст мне большой рог, выросший у меня на шее». «Пить ханский мед из фарфоровой чаши мешают мне мои больные зубы». «Подарка хана, золотую шубу, я не приму [...]». «На коня хана с золотолуким седлом и серебряною уздечкою я не сяду [...]»⁷. Т. е. отношения хана и его дружинника в эпосе представлены в виде, далеком от беспрекословного армейского подчинения. В этих отношениях существенное значение имело предоставление подарков и угощений ханом своему батыру, предполагающее правомерность ожидания от него верной службы. Последнее предстает в функции «отдаривания», «равной платы», т. е. отношения реципрокации. Подобное фиксируется в XIX в. у крымскотатарских мурз, которые набирали своих джигитов из случайных людей, потчевали и одаривали их, содержали в отдельных помещениях-хана, формируя таким образом из них свою свиту⁸.

Со временем, как полагал Ю. А. Зуев, «дружина-сотня или сформировавшееся на ее гетерогенной основе этносоциальное образование, обретая самостоятельность, становятся наемной военной силой на службе других объединений и государств». Такие дружины, как виделось ученому, могли переходить на сторону противников своих сюзеренов и снова возвращаться к ним. «Следующий, существенный в эволюции дружины-сотни, этап заключается в том, что при благоприятном стечении политических и социальных обстоятельств она становится инструментом и основой создания государственных», – писал

¹ Толстов С. П. Ук. соч. – С. 338.

² Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. – С. 80.

³ Зуев Ю. А. О формах социальной организации кочевых народов... – С. 78. В каждом случае, где упоминаются слова «ала», «чубар/шубар», этот автор видел указание смешанность, пегость, относящую явление к разряду «дружин-сорок/сто».

⁴ Там же. – С. 81.

⁵ Сага об Эдиге. Запись С. Чагатай // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 200. Курсив мой. – В. Г.

⁶ Schurtz Heinrich. Altersklassen und Männerbünde... – S. 14–16.

⁷ Мурза Эдиге. Вариант Н. С. Семенова // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 140.

⁸ Кондараки В. Х. Типичность крымских татар // Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. – М.: тип. Чичагина, 1883. – С. 100–101.

Ю. А. Зуев. И уверял при этом, что на такой основе создавались государство Сасанидов, Жуаньжуаньский каганат, державы Хоу-Тан в Китае и Караханидов с центром в Кашгаре. Точно так же западнотюркская династия Юзлик основала в Семиречье Тюркешский каганат в 699 г., а в 742 г. ее сменила династия Халач/Алач-орды¹.

Поселение отца Эдиге, Кутлы-Кая «в одном из дальних аулов» владения хана Тохтамыша, где он нашел принесенного «лесной женщиной» сына² (или, в других вариантах, его рождение от их связи), также может быть прочитано в контексте того, что Ю. А. Зуев относил к возникновению «дружины-сорок/сто» на пограничных территориях³. Еще Владимир Пропп (1946), анализируя «исторические корни» волшебной сказки, обратил внимание на типичность места инициаций (так прочитываются сказочные превращения) за пределами обжитого пространства – в «волшебном лесу» или в «чистом поле», где «гуляли добрые молодцы»⁴. Устойчивость сюжета о пребывании героя на «богатырской заставе» (следовательно, на границе) и широком распространении подобных мотивов в эпосе разных народов отмечал и В. М. Жирмунский⁵.

Первоначальное пограничное положение дружины, как ядра будущего войска и государства, относит нас к ситуации переплетения проблематики мужских союзов и фронта. Эта ситуация уже давно обсуждалась в этнографической литературе, хоть и с другими акцентами. Для расстановки новых акцентов было бы небесполезным вернуться к этому обсуждению. Так, Фридрих Ратцель (1894), учитель Генриха Шурца, писал (применяя характерную для своего времени терминологию, ныне не считающейся корректной): «Сущность государственных образований у диких народов составляет *неопределенность границ*⁶, которые намеренно не проводятся в линии, а поддерживаются открытыми, в виде свободного пространства изменчивой ширины. Неточность остается свойством границ даже государств полукультурных. Не все государство связано с площадью земли, которую оно покрывает, и в особенности с его периферическими частями; вполне определено только политическое средоточие, самое существенное во всем образовании. Именно из него власть, сдерживающая государство, направляет свою силу в большей или меньшей степени в периферические полосы [...]. Пограничные пространства оставляются свободными и служат даже общими местами охоты, но они служат и жилищами для враждебных государству сил различных *desperados*⁷; нередко здесь получают начало новые государственные образования»⁸. Что еще важно: «Семья и общество образуют у большинства диких народов такие крупные, часто совпадающие между собою и тесно замкнутые союзы, что лишь весьма немного остается для государства. Быстрый упадок государств уравнивается прочностью жизни племен. Когда первые распадаются, из прежних племен возникают новые царства»⁹. Так отмечена перекомбинация элементов многосоставной системы и ее воспроизводство под именами новых главенствующих «племен».

Общеизвестно, что *desperado* Эдиге (каким он выглядел по отношению к Тохтамышу) принадлежал к «племени» (элю) Мангыт. Однако в ногайском эпосе не отражена

¹ Зуев Ю. А. О формах социальной организации кочевых народов... – С. 99–100.

² Эдиге. Художественный перевод с ногайского текста Ф. М. Сидихметовой // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 314–315.

³ Зуев Ю. А. О формах социальной организации кочевых народов... – С. 92.

⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстологич. комм. И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 37–38.

⁵ Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. – М.: ОГИ, 2004. – С. 125.

⁶ Курсив цитируемого издания.

⁷ В переводе с испанского языка – «сорвиголова», «разбойник»; слово, распространенное на американском фронтире.

⁸ Ратцель Ф. Народоведение / пер. со 2-го издания [1894 г.] Д. А. Коропчевского. – Т. 1. – СПб.: Т-во «Просвещение», 1904. – С. 135–136.

⁹ Там же. – С. 136.

сколько-нибудь существенная роль этого эля в крутом статусном скачке Эдиге от положения «батыра» при хане до положения, равного хану, о чем повествует эпос. В то же время, более-менее ясный намек на дружину, как первоначальное ядро его власти, присутствует практически во всех известных нам вариантах анализируемого эпоса, как и некоторых, отмеченных выше, фигурирует его «казакование». В. В. Трепавлов, крупнейший авторитет современного ногаеведения, отследив по письменным источникам общую последовательность переходов Эдиге от одного сюзерена к другому после 1376 г. (первое его упоминание), заключил: «Мы ничего не знаем о его тогдашней жизни в восточных степях»¹. Посему, говорить о дружине Эдиге и предполагать возникновение на ее основе властных построений могут дать основание только фольклорные памятники. И чтобы это основание получило хоть какую-нибудь устойчивость, опирающуюся хотя бы на лучше изученные аналогии, необходимо обратиться к концептуализациям института дружины, наработанным на значительном этнографическом и историческом материале.

Ф. Энгельс определял дружину как «учреждение, [которое] содействовало возникновению королевской власти», первоначально существовало «наряду с родовым строем» как «частные объединения для ведения войны за свой страх и риск». Из них, как виделось классиком марксизма, со временем возникали «постоянные союзы»; «дружинники королей образовывали [...] вторую из главных составных частей позднейшего дворянства», т. е. составляли основу феодального строя, шедшего на смену рабовладельческому. Это «учреждение» представлялось как одно из средств разрушения родового строя и перехода к классовому обществу. Причем одинаково – «как и у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей»². Однако эти умозрительные переходы, обоснованные Энгельсом лишь на основе цитирования Гомера и Тацита, не дают никакого представления о механизме формирования самих этих «частных объединений», как и характере их взаимодействия с родовыми структурами. Здесь тщетно искать объяснений того, почему дружины древнегреческих и римских «царей» создавали рабовладельческие, а германских королей и древнерусских князей – феодальные государства.

В монографии о древнерусской дружине А. А. Горского, следовавшего марксистской методологии, также сложно найти ответы на эти вопросы. В ней отмечены бесспорные положения о том, что дружина является «общеисторическим явлением», а не «спецификой какого-либо одного народа»³. Также: «...В период, предшествовавший складыванию государств раннего средневековья, в “варварском обществе” появляется корпорация, резко отличающаяся от всех объединений людей, существовавших прежде. Дружина, во-первых, является отрицанием родового деления общества, поскольку набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности; во-вторых, дружина находится вне общинной структуры общества: она оторвана от нее социально (дружинники не являются членами отдельных общин, так как дружины существуют при вождях более крупных объединений) и территориально (в силу обособленного проживания дружинников)»⁴. Еще: «Военно-дружинная знать играла ведущую роль в формировании на Руси господствующего класса феодального общества»; это «корпорация, в которую была организована вся светская часть господствующего класса раннефеодального общества»⁵. Собственно, это и весь набор объяснений марксистской литературы по рассматриваемому вопросу.

¹ Трепавлов В. В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. – М.: Квадрига, 2014. – С. 15.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ, 1949. – С. 280. В позднее изданных в СССР переводах этого труда Энгельса то, что здесь передано как «учреждение», представлено как «институт».

³ Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). – М.: «Прометей», МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – С. 13.

⁴ Там же. – С. 25.

⁵ Горский А. А. Ук. соч. – С. 86.

Тезис Г. Шурца, вкратце изложенный выше, создает более широкую объяснительную перспективу в отношении этого очень древнего института, сосуществовавшего параллельно с семейно-родовыми структурами. Следует отметить и подчеркивание Шурцом того обстоятельства, что члены мужских союзов были одновременно и членами семейно-родовых образований, использовали это свое двойное членство для удовлетворения своих индивидуальных и корпоративных интересов. Американский социальный антрополог Хаттон Вебстер (1908) независимо от Шурца пришел к аналогичным выводам. Согласно Х. Вебстеру, «тайные союзы [...] везде возникают на основе институтов взросления (Rituality Institutions) [...] как организационная подкладка с важными политическими и правовыми функциями»¹. Под их контролем пребывала социализация мужской молодежи, производимая посредством инициаций, дающих новые имена и статусы, а также сигнализирующих о вхождении будущего мужчины в длительное пограничное состояние, длящееся до женитьбы или постепенно угасающее после таковой. На большом этнографическом материале, собранном на разных континентах, Х. Вебстер отследил повторение одной и той же ситуации: изолированные от общины мужские дома (лагери или блуждающие группы), недопуск или ограничение, регламентирование присутствия женщин, иерархии старшинства согласно биологическому и/или социальному возрасту (возрастные классы), передача тайной информации соответственно классу, степени посвящения, коллективные пиры, ритуалы, общее дело (охота, рыбалка, война, пограничная и сторожевая служба и мн. др.). К этому следует добавить периодичность (сезонность) сборов или их регламентацию на определенный срок (иногда очень длительный, как у масаи), наконец – возвращений в дома, где живут семьи. И все это – либо на границе поселения, либо вдали от него, но всегда с выразительным подчеркиванием отличия уклада мужского союза от стиля жизни в семейном пространстве².

Вебстер, в отличие от Шурца и Боаса, считавших понятие «племя» маловыразительной абстракцией, рассматривал инициацию как «племенной ритуал», полагая, что каждый член племени должен был пройти через него и стать, одновременно, и членом тайного союза, и занять определенное место в племени³. Вебстер не выводил становление политической администрации из тайных союзов, но связывал этот процесс с «воздействием разных условий». Согласно его выводу, «в обществах, где политическая власть вождя еще пребывает на стадии становления, тайные союзы обеспечивают эффективное социальное нормирование и дополняют власть ранних правителей». По мере укрепления их власти, членство в союзах ограничивается, ранги разветвляются, переходы между ними производятся либо за плату, либо связаны с другими ограничениями, носители нижних степеней отдаляются от посвящения в тайны культа; «тайные общества превращаются в братства (fraternities) жрецов и шаманов, которым доверяют исполнение религиозных ритуалов в общине». Мужской союз превращается в закрытый клуб аристократии. Исчезает потребность охватывать инициациями всех мужчин племени; «неиницированным отказывают во владении [...] многими правами и привилегиями, инициированные же в больших племенных обществах составляют примитивную, но могущественную аристократию»⁴. Впрочем, Вебстер солидарен с Шурцом в том, что основу дружины вождя, как и его личного влияния, составляют его сверстники, вместе с которыми он прошел инициацию, – т. е., по сути, мужской союз или его сегмент. Так из людей одного возрастного класса (часто – без внимания к принадлежности к десцентной группе), объединенных совместным прохождением ритуала-посвящения, складывается сплоченная группа соратников, обыкновенно носящих имя своего лидера⁵.

¹ Webster Hutton. Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion. – N. Y.: The Macmillan company, 1908. – P. 75.

² Ibid. cit. – P. 9–14, 87 и др.

³ Ibid. cit. – P. 74.

⁴ Ibid. cit. – P. 75–78.

⁵ Ibid. cit. – P. 81.

К середине XX в. накопление массового этнографического материала создало условия для понимания роли реципрокации (обмен дарами и услугами) в формировании и поддержании власти в нестратифицированных обществах. Взаимодействие типа реципрокации на материале Океании концептуализировал Бронислав К. Малиновский (1915, 1922), введший это понятие в научный оборот (англ.: *reciprocity*, от лат.: *reciproco* – движение вперед-назад, взаимность). В концептуализированном им типе обмена лицо, дающее больше, получает статусное преимущество перед лицом, дающим меньше, а потому и обретает морально обоснованную возможность получать больше; это постоянное соревнование за право влияния, это власть в ее первоначальном виде¹. Маршалл Д. Салинз детализировал значение реципрокации в возникновении и поддержании властных рангов – процессам, благодаря которым определенная личность занимает особое положение в своей резидентной группе – становится биг-меном. Согласно его выводу, возвышение биг-мена происходит через сложное взаимодействие мужского дома, зиждущегося на принципе территориального соседства, и когнатных групп, объединенных принципом родства. В этом сложном взаимодействии – в каждом конкретном случае вариативном – особенное значение имеет обмен подарками, содействие членам своей группы, устройство пиров в собственной хижине или мужском доме, помощь вдовам и сиротам, прочая демонстрация щедрости, всегда заявляемая публично и способствующая поддержанию авторитета конкретного лица, конвертации накопленного им символического капитала в практическую власть. «Создание группировки [...] является, по сути, созданием меланезийского биг-мена», – резюмировал Салинз². Именно реципрокация формирует широкую социальную сеть, замыкающуюся на биг-мене. Чем больше длина этой сети, тем действеннее его власть. Биг-мен получал возможность распоряжаться ресурсами общины, становился ее вождем. Общины во главе с биг-меном под воздействием тех же реципрокальных механизмов попадали под власть более влиятельного биг-мена. Так Салинз объяснил возникновение в Океании больших многослойных объединений, которые структурно воспроизводили свои составные части: это пирамида, состоящая из таких же пирамид. После смерти главного биг-мена эти пирамиды зачастую рушились, поскольку реципрокация, обеспечивающая власть некоего лица, не создавала условий для выработки стабильного механизма преемственности для его семьи или группы³.

Безусловно, выводы, сделанные на материале Океании, нельзя механически переносить на социально-политические процессы евразийской степи XIV–XV вв. Как отметила О. Ю. Артемова, исследователь аборигенного населения Австралии, «ни одна из изучавшихся этнографически охотничье-собираТЕЛЬСКИХ социальных систем не может быть спроецирована в глубокую древность, но любое жизнеспособное, удовлетворяющее базовые материальные и духовные потребности людей общества с присваивающей экономикой показывает, какие формы социальной жизни в принципе возможны при таком способе жизнеобеспечения, а кросс-культурное сравнение ряда таких обществ может показать, какие формы социального взаимодействия безусловно необходимы для их функционирования, а какие могут варьироваться или даже отсутствовать»⁴. Этот подход можно принять и в отношении исследования истории кочевых обществ, в разной степени изучавшихся этнографически. Малейший намек скудных источников на определенный тип социального взаимодействия является достаточным основанием для допущения вероятности того, что связанные с этим типом функции, лучше задокументированные в другом обществе в другое время, колебались в пределах того же диапазона возможностей; что существовал тот

¹ Малиновский Бронислав. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. – М.: РОС-СПЭН, 2004. – С. 184–185, 113, 119.

² Sahlins Marshall D. Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 5. № 3. April 1963. – P. 287, 291.

³ Ibid. cit. – P. 292.

⁴ Артемова О. Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). – М.: Смысл, 2009. – С. 21.

же набор рекурентностей, хотя и в специфически ином хозяйственно-культурном и социально-политическом пространстве. Приведенный выше фрагмент эпоса – «А в юности своей я бежал от Тохтамыша с семьей товарищами и во время бегства я целыми горстями разбрасывал на пути своем белое серебро и красное золото» (здесь и далее курсив мой. – В. Г.) – нельзя понимать иначе как реципрокацию – механизм формирования группы сторонников, вполне по логике М. Д. Салинза. Также как и восклицание Нурадина в варианте Н. С. Семенова: «Сын Тохтамыша, Кадыр-Берды! Что в том, что ты приходишь от Чингиз-хана? [...] Я князь, которого бесценно сопровождают шестьдесят нукеров из почетных фамилий! [...] Если я делаю подарок, то дарю и полторы тысячи золотых и данного подарка я назад не отнимаю – я такого достойного отца сын»¹.

Обратимся еще раз к приведенному выше заключению Б. Н. Путилова («Отношения с действительностью [в фольклоре] происходят опосредованно, через сферы, где уже накоплен значительный фонд первичных обобщений, знаковых систем и уже действуют свои коды и свои закономерности [...]»). В контексте приведенного понимания фольклора намек на дружину в эпосе «Эдиге» нельзя читать буквально. Исторический Эдиге не был простым батыром, создавшим свою дружину после бегства от хана Тохтамыша. Уже к тому моменту, когда этот хан принял его к себе на «службу», он, несомненно, обладал гораздо большим политическим весом², чем просто вождь «блуждающей» дружины. Можно полагать, что предложенная Салинзом концептуализация феномена биг-мена, сочетание десцентной группы, или сообщества образований с формализованным десцентом – фиксированным (обычаем или кодифицированным правом) порядком наследования³ – и мужского союза (дружина-сорок и т. д.), представляется здесь наиболее уместной объяснительной моделью. Такое понимание можно распространить в качестве поправки на случаи, типологизированные Ю. А. Зуевым (пегая орда). Конечно, – имея при этом в виду то обстоятельство, что мужские союзы, «соседствуя» с образованиями с высоким уровнем формализации десцента по поводу власти, становятся, как показал Х. Вебстер, аристократическими клубами. Т. е. «тайными обществами», закрытыми для тех, над которыми установлена или устанавливается власть, но открытыми для приема тех, с помощью которых эта власть устанавливается, как правило – «людей без рода и племени».

Осознавая риск сваливания в анахронизм, отметим структурное соответствие такого типа поддержания власти с механизмами, действенными и в эпоху абсолютных монархий. Как писал Норберт Элиас, король «сильнее опирался [...] на таких людей, которые ему и только ему были обязаны своим положением при дворе и которые стали бы совершенным ничтожеством в том случае, если бы он допустил это [...]». Это был один из методов, с помощью которых король препятствовал объединению придворных против него самого и с помощью которых он достигал и поддерживал желаемое равновесие сил, служившее предпосылкой его господства»⁴. Группировка таких людей в менее структурированных политических пространствах вполне могла производиться в пределах иного, более «архаического» набора средств, чем в абсолютистских государствах. Примерно такого же, которым пользовался московский царь Иван IV – опричнину, группировку, стоящую вне (т. е. опричь) основного государственного аппарата и задействованных в нем сословий, а также, что особо примечательно, использующую ту же символику «песьей головы», которая отражается в имени «Ногай».

¹ Мурза Эдиге. Вариант Н. С. Семенова // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 149–150.

² Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... – С. 15.

³ Эль Мангыт следует понимать именно как сложносоставное многоуровневое десцентное потестарное образование, а не абстрактное «племя», или принимать понятие «племя» с большими оговорками.

⁴ Элиас Норберт. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова и др. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 150–151.

В. В. Трепавлов удачно определил природу власти Эдиге через выражение «коронованный chief»¹, т. е. «вождь» (в неозволюционистской литературе понятие «chiefdom», вождество, адресовано потестарным образованиям, не имеющим всех признаков государства). Однако, в отличие от океанийских вождеств, Эдиге все-таки не только создал династическое правление, просуществовавшее около 200 лет, но и задал импульс для существования социальной системы, отголоски которого проявляли себя вплоть до XIX в. Следовательно, феномен его власти важно сводить не только к реципрокации, но и предполагать сочетание ее с механизмами централизованной редистрибуции и формализации десцента, наработанными в империи Чингизидов.

В свете рассмотренного выше, социальные функции эпоса, в котором Эдиге является центральным персонажем, следует считать бесконечно далекими от общественной роли современной литературы². Эпос «Эдиге» стоит намного ближе к мифу (с его ритуально-практическими функциями, жестко фиксирующими социальные роли, как и всю социальную конструкцию – функциями ее сохранения и воспроизводства), чем развлекающий и поучающий фольклор, зафиксированный в эпоху раннего модерна, – фольклор со смутными реминисценциями прошлого. Здесь необходимо обратиться к четкому увязанию мифа и ритуала, что представил румынский исследователь Мирча Элиаде, в частности по отношению к инициациям. Согласно развернутой им логике, человек не является человеком только по факту своего биологического рождения; необходимо еще и социальное (пере)рождение, зафиксированное ритуалом, инициацией. В магии (пере)рождения посвящаемый причащается к образцу, явленному в мифе, «проживает» судьбу «первопредка», соединяется с мифом, входит в течение «священной истории»³. И здесь немаловажно обратить внимание на то обстоятельство, что до недавнего времени исполнение эпоса об Эдиге было исключительно мужской прерогативой. Как отметила А. А. Черкасова, современные ногайские «женщины нередко знают и помнят тексты и могут воспроизводить их по просьбе фольклористов, однако в соответствии с традицией публично эпос они не исполняли»⁴. Это снова относит нас к проблематике давних мужских союзов и производимых в их кругу ритуалов-инициаций.

В литературе уже приводились данные о том, что вторым именем Эдиге было Ногай, происходящим от монгольского «нохой»: собака, пес⁵. Подобные имена широко представлены в евразийской степи XIII–XIV вв. среди дигнитариев разной величины. Так, в летописи Рукн-ед-Дина Бейбарса под 1270/1271 г. упомянут Иса-Ногай, родич Берке-хана⁶; Сасы-Буга или Сасы-Ногай, который был племянником еще одного Ногай⁷; отцом этого Сасы-Буги был также Ногай, происходивший из султанов Ак-Орды⁸. В летописи Рашид-ад-Дина говорится о еще одном Ногае, хакиме Северного Китая после монгольского завоевания⁹. Упомянут и Ногай, сын Татара, (пра)внук Джучи¹⁰, правитель западного улуса

¹ Трепавлов В.В. Бий мангытов, коронованный chief: вождество в истории позднесредневековых номадов западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н. Н. Крадина и др. – М.: Логос, 2000. – С. 356–367.

² Песоцкий В. А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – № 1. – 2009. Выпуск в серии № 14. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 71–100.

³ Элиаде Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г. А. Гельфанд; науч. ред. А. Б. Никитин. – М.; СПб.: «Университетская книга», 1999. – С. 20–21, 185.

⁴ Черкасова А. А. Современные записи эпоса об Эдиге // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой. – М.: Наука, 2016. – С. 465.

⁵ Кочкаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988. – С. 17.

⁶ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб., 1884. – С. 76–101.

⁷ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 105–106.

⁸ Там же. – С. 129.

⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 181.

¹⁰ Там же. – С. 68, 75, 105.

Золотой Орды, от которого, следуя Н. М. Карамзину, выводят название ногайцев. Также: сын Джарука из рода Джучи¹; Ногай, начальник передового отряда Берке-хана, отличившийся в Иране во время войны с Хулагу-ханом²; Ногай, правитель «племени» баарин, кочевавшего в степях Центральной Азии³. В. В. Трепавлов отмечает и Кара-Ногаю – хана левого (восточного) крыла Золотой орды, полагая его «наиболее вероятным претендентом» на роль эпонима ногайцев⁴.

Эпонимические вариации на данную тему могут быть бесконечно долгими. Но для сужения вероятностного диапазона, обратим внимание на важное обстоятельство, при котором каждый из указанных «претендентов» мог получать это имя, содержащее явную зооморфную отсылку. В древнетюркских надписях содержится указание на «мужское» (*er atı*) или «героическое» имя, даваемое, по всей видимости, в дополнение или вместо имени, полученного при рождении. И. Л. Кызласов связывает это с инициацией, ввопившей подростка в мужской коллектив (ему вручали пиршественную чашу и личную тамгу)⁵. Ногайский писатель И. С. Капаев, обобщив фольклорные и этнографические данные, показал многослойность традиции обретения личных имен у ногайцев: настоящее имя, которое часто скрывалось до совершеннолетия или до самой смерти, домашнее имя (уй аты), обманное имя (оьтирик аты), даваемое, чтобы обмануть злых духов, героическое имя, заслуженное особым поступком⁶.

Итак, имя «Ногай» было включено в сложную систему именовании, связанную с разными сегментами социальности. И хотя мы имеем дело с крайне отрывочными данными источников, они, все же, позволяют сделать заключение о том, что имя «Ногай» ни в одном из рассмотренных нами случаев не становилось фамильным или родовым названием, распространяемым на династическое правление. Оно проявляет себя в качестве личного, лично-приобретенного имени, не передаваемого по наследству; было одним из нескольких имен одних и тех же людей. Вероятным условием обретения этого имени могло быть участие обретавшего его лица в мужском союзе, формировавшем его дружину, личную гвардию, ядро его власти в сложносоставном потестарном объединении, в сочетании с изначально высоким статусом этого лица в определенной «племенной» общности; в случае Эдиге – в эле Мангыт. Исходя из этого, можно предположить о существовании «параллельных» линий именовании – первой, тянущейся от мужского союза-дружины (Ногай), второй – от эля Мангыт (Эдиге). Учитывая неоднократно отмеченную выше бóльшую интегративную способность структур, возникающих на основе мужского союза, в сравнении с «племенными», можно согласиться с предложенной В. В. Трепавловым схемой изменения циркуляции имени «Ногай» – от персонального наименования бия до названия всего населения Орды, не взирая на его «племенную принадлежность», превращение этого названия сперва (в XV – первой четверти XVI ст.) в политоним, затем в этноним⁷. Однако с той поправкой, что у Эдиге не было необходимости принимать одно из имен Ногай Гайса Иса Кутар Татар'а как первого беклярыбека в Улусе Джучи, и что «ногай» здесь вовсе не был титулом.

¹ Там же. – С. 69, 82–87.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 59.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 1. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 188.

⁴ Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... – С. 7.

⁵ Тишин В. В., Серегин Н. Н. Возрастная дифференциация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 1. – С. 143. См. также: Кызласов И. Л. Счет возраста у пратюркских народов (попытка историко-культурной реконструкции) // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 6. – С. 92–106.

⁶ Капаев Иса. Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. – М.: «Голос-пресс», 2012. – С. 175–176.

⁷ Трепавлов В. В. Мангут-мангыт-ногай: трансформация этноса и его имени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х т. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. – Т. 3. – М.: Инсан, 1997. – С. 25–26.

Зафиксируем нашу авторскую версию: это было название дружины по «внутригрупповому» имени ее предводителя; название – распространившееся на эту дружину, а затем, со временем, – на все потестарное образование, ядро которого эта дружина составила. С практиками такого называния следует связать и ритуалы, отразившиеся в погребениях людей вместе с собаками в курханах Селитренного городища¹. К отражениям тех же практик (хоть и очень искривленным) следует отнести и информацию, полученную европейскими авторами (начало XVII в.) от крымских татар и турок, о том, будто у ногайцев дети рождаются слепыми, как щенки, и только со временем начинают видеть, «за что турок их прозвал собакою, татар копек»². Адекватное прочтение этой информации, освобождение ее от инокультурных стереотипных наслоений и поздних методологических искажений от «диктата дефиниций», возможно лишь в историко-этнологическом контексте – достаточно широко для того, чтобы проследить соответствия и повторяющиеся типы взаимодействия.

Все изложенное, конечно, в своей значительной части, скользит по плоскости вероятного, не находя возможности опереться на прочную источниковую основу. А потому – является скорее обоснованием постановки вопроса для дальнейшего исследования, чем основанием для четких выводов. Но, все же, приведенные данные, как и их интерпретации, можно считать достаточными для заключения о том, что в ногайском эпосе раскрывается гораздо большее содержание для изучения социальной истории, нежели отслеживания событийной канвы. Среди социально-исторических явлений, черты которых отражены в эпосе, особое место занимают мужские союзы, возрастные классы и инициации, связанные с мифологиями, уходящими в очень глубокую древность.

¹ *Скисов С. Ю., Маркова. О. А.* Захоронение в курхане на нижней Волге в средневековье // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. – СПб.: РИО МАЭ, 2007. – С. 220.

² *Д'Асколи Эмиддио Дортелли.* Описание Черного моря и Татариин. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. XXIV. – Одесса, 1902. – С. 130.

О ПЕСЕННОЙ И ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ

Р.У. Джуманов

Ногайцы, в пределах Ногайской Орды (конец XIV века – начало XVII вв.) создали ядро, основу ногайской культуры и языка. Они - наследники кочевой цивилизации, которая ко времени ногаев исчерпала свои возможности. Распад ногайской державы это уход с исторической арены последнего крупного самостоятельного государственного объединения кочевников.

Традиционная культура ногайцев соответствовала кочевой военизированной цивилизации. Острая сабля, знатный конь, широкая степь, романтика военных походов породили в душе средневекового ногайца эпические песни, вошедшие в антологию ногайской поэзии как «Ногайдынъ кырк баптири» («Сорок ногайских богатырей»). Не случайно фольклорист А.И.-М. Сикалиев писал: «В ногайском эпосе проявился национальный дух народа, его житейская мудрость. Ни в каком другом жанре фольклора поэтический дар народа не проявился с такой силой, как в эпосе»¹.

Ногайский героический эпос «Эдиге» получил широкое распространение в Великой степи, так как воинственные ногаи по приглашению соседних государств участвовали в многочисленных войнах. Именно в это время ногайские батыры разнесли историческую песню «Эдиге» по всей Азии². Высказывания Чокана Валиханова о том, что «поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуют одни народы у других и, поэтому нужно уметь их отличать»³. Ногайские героические эпосы, записанные Ч. Валихановым у казахов, каракалпаков и киргизов, свидетельствуют о сильном ногайском влиянии в XV-XVI веках на народы Средней Азии. Эпос «Эдиге» получил широкое распространение не только среди тюркских народов, а привлек внимание ориенталистов и был издан не только на тюркских языках, но и в переводе на русский и иностранные языки. Исследованию ногайского героического эпоса «Эдиге» посвятили свои научные труды известные востоковеды В.В. Радлов, В.М. Жирмунский, П.А. Фалев, А.И.-М. Сикалиев.

После Октябрьской революции системным сбором ногайских памятников устной народной словесности занимался А.-Х. Ш. Джанибеков, он систематизировал собранный материал в четырехтомной рукописи «Совьказнасы» («Сокровищница слов»). В рукописи все записи песен паспортизированы, в них сохранились имена дореволюционных ногайских (карагашских) певцов: Аскар, Салих-жырау, последнего кобызшы Каллек, Абдул кадыр-Бекбауулы, Кошмамбет Эльмамбетулы, Мамбет-Али Кыркиле, Курмангазы. У юртовцев: просветитель отметил авторов жанра «Хошавыз» Фахритдина Абдушахман-улы, Салиха йырау, Хосрау Тиекли.

Некоторые ученые обращали внимание на манеру исполнения эпических песен и музыкальный инструментарий. Знаменитый Сыбражырау времен Золотой Орды (XIII-XIV вв.) играл на шаманском кобызе с горловым пением (как сегодня тувинцы, якуты, буряты и хакасы). Слушая караногайского певца (1803 г.), А. Рудановский отметил: «Песни караногайские ... имеют грустный напев, под звуки домбры... ногаец поет заунывным голосом, ... растягивает при этом ноту до возможной степени. А между тем, он в это время сильно ударяет по струнам, как бы желая затушить накипевшую в груди горечь...»⁴.

П. Небольсин в 1851 году при посещении карагашских аулов писал: «У кундровцев музыкальные орудия немногочисленны «кобыз» («кыл-кобыз») и варган («ауызкобыз»),

¹ Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994. – С. 5.

² Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литературных наречий: лекции читанные в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте. – Ташкент: Госиздат, 1922. – С. 34.

³ Валиханов Ч. Сочинения. – СПб., 1904. – С. 70.

⁴ Цитата по кн.: Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994. – С. 7.

песни тоже имеются» (Небольсин). О песнях юртовцев (*карийле*) автор отметил: «Вообще любят они очень музыку и игры. Напевы их чрезвычайно приятны и гармоничны, песен у них богатырских и иронических множество».

Нынешние музыкальные инструменты у мужчин – скрипка и балалайка, а у женщин – варганы (*ауызкобыз*) и гармошка (вероятно, саратовская). Как видим, с изменением социальной среды от кочевого к оседлому, к концу XVIII века – начала XX века инструменты военного оркестра конно-степной цивилизации как *карнай*, *зурнай*, *сыбызгы*, *давылбаз*, (*доьмбердек*) вышли из обихода культурной жизни.

До 1950 – 1970-х годов певцы Алтынгазы Сагнаев (с. Лапас), Исмагилшайде (с. Ясын-Сокан) подыгрывали себе на маленькой домбре (*шертер*), Каирбек Межитов (с. Терекли-Мектеб), сопровождал мелодию, например, «*Йылкы сазы*» гиканьем в такт мелодии, подыгрывая на ногайской домбре. В настоящее время ногайские эпические песни исполняют Народная артистка Российской Федерации Асият Кумратова, а также Ахмат Кульниязов и Алибий Романов.

В музыкальную культуру астраханских ногайцев-карагашей проникла от юртовцев саратовская гармошка. На ней гармонисты играли протяжные песенные и танцевальные ритмические мелодии «*Ак-шатыр*», «*Шамиль*», «*Кабардинка*», «*Киевский*», «*Шуранге*». А также традиционные ногайские мелодии: «*Заркылма*», «*Йоргакоьй*», «*Ак жатак*» остались в записи от Тугайбекайе из села Лапасв 1990-х годах.

Ногайские батыры разнесли эпические песни ногаев по всей Великой степи, и поэтому родственные нам народы поют ногайские дестаны (поэмы, исторические песни) и сегодня. Как отмечает музыковед Б.Карданова, связь музыкальной культуры ногайцев с казахами, узбеками, каракалпаками, киргизами прослеживается в общности их песенных жанров. Музыкальная культура ногайцев, ее пентатоника связаны с мелодикой народов Средней Азии: казахов, кочевых узбеков; у этих народов сохранен средневековый пласт музыкальной культуры ногайцев, значит, тесные культурные связи будут залогом возрождения музыкальной культуры ногайского народа.

До сих пор ногайские народные танцы не стали объектом специального исследования. Между тем, в регионах проживания у ногайцев были свои танцы. Например, у кубанских ногаев сохранились танцы: «*Кюшемеке*», «*Тюггерек*», «*Узын*». «*Кадав*», у астраханских ногаев бытовали танцы «*Ак шатыр*» и «*Ак Сарай*».

В историографии дооктябрьского периода сохранились скудные сведения об отдельных элементах ногайских танцев. Ян Потоцкий 20 августа 1797 г. *побывавший у кундровцев в ауле Дин-Ислам* описал девичий танец: «Глаза у них так низко были опущены, что можно было подумать, что они совсем закрыты. Нельзя было отказать в тонкости музыкального слуха и грациозности движений рук»¹. О плясках астраханских ногайцев-карагашей в 1851 г. П.Небольсин писал: «Пляску кундровцев нельзя назвать слишком грациозною и завлекательною: танцовщица, например, потупив глаза в землю, стоит на одном месте, потопывая ножками, наводит на сторону головой и выделяет руками движения... что в русской пляске носит характер приманивания. Мужская пляска состоит в тяжелых скачках, в необходимом притом, вскидывании руками, в отдувании щек, в прикрывании, в выбалтывании языком довольно неприятных звуков»². Какого животного изображали наши предки в середине XIX века? Вот каким увидел пляску у карагашей В. Пятницкий в 1927 году уже в советское время: «Пляска у карагашей ... Состоит ... в топание на месте и выбрасывании рук вперед. Сами карагаши судят о ней иначе: хорошему плясуну платят деньги, а тот делится ими с лицами своими похвалами, поддерживающими его репутацию». Таким образом, элементы ногайской традиционной пляски: топание на

¹ Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов /Сост., автор введения, вступительных статей к текстам и примечаний Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999. – С. 412.

² Небольсин П. Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852.

месте, выбрасывание рук, подражательные движения знакомым им мифологическим зверям или животным (бык, верблюд, лошадь, птице и змее).

А как плясали в середине XIX века юртовцы-карайиле: «Пляской занимаются только одни молодые девушки и то не при посторонних мужчинах»¹ (Небольсин). В среде пригородных юртовцев было сильно влияние ислама и строгое воспитание девушек в правилах мусульманства и «адата». Девушка приходила на вечер с *аьйе* (матерью отца), а пляска девушек около *аьйе*, в покрывале – «*бастарткыш*», схожие с карагашами плясками движение рук и телодвижениями».

После Великой Отечественной войны пляска астраханских ногайцев нивелировалась. Ногайские пляски сопровождалась под мелодии саратовских гармошек, позже *кабала* – бубна. Танцевали сольно, парами, группами, с платочками в руках, круговыми движениями. Единых критерий плясок не было: пляски проводились импровизациями, зависела от эстетических понятий танцующего. Лучшими танцорами, как Сулейман-агай, являлись юртовцы. В 1950-х годах, «*пляска с платочками*» использовалась всеми тюркскими народами Астраханской области: ногаями, казахами и туркменами. Традиционный танец «*арка согып биюв*» под домбру некоторое время исполнялись стариками-мужчинами на собрании мужчин (*джийынах*). Мне знакомы также танцоры: Айбулатов Хажимурат (Астрахань-2), Шарипулла (из Джаная), но почему-то свои пляски они называли «калмык бийув» – «калмыцкий танец».

Описывая калмыцкие танцы в 1886 г., Г.Б. Деллинг отметил: «Калмыки имеют особую пляску. У них движения совершаются не только ногами, сколько руками и телом: они различным образом шевелят ими, нагибают тело на один бок или откидывают его назад до того, что головою почти касаются земли»².

Исследованию танцевального искусства калмыков посвящена книга Т. Бадмаевой³, в 1991 году по моему приглашению она приехала из Элисты для участия на Днях ногайской культуры в Астраханской области. О калмыцких танцах Т. Бадмаева сказала: «Это ногайские движения танца, перенятые калмыками в период совместного кочевания в XVII-XVIII веках, и по соседству проживая с ногайцами Хошеутовского улуса до 40-х годов XX века. На калмыцком языке танец представлен словом *би*, а названия танцев «Ишкемдг», «Турпа-би», «Табуретка би» – подразумевает тюрко-ногайские заимствования». Следует отметить, что на ногайском языке слово «танец» – *биюв*, что подтверждает слова Т. Бадмаевой.

Традиционная ногайская песенная и танцевальная культура активно вытесняется из жизни ногайцев современной суррогатной субкультурой. Возрождение их возможно только профессиональными специалистами методом реконструкции, а для этого необходимо подготовить музыкантов, певцов и хореографов из среды ногайцев в ведущих вузах Российской Федерации.

¹ *Небольсин П.И.* Указ. соч.

² Цитата по *Бадмаева Т.Б.* Калмыцкие танцы и их терминология. – Элиста, 1992. – С. 10.

³ *Бадмаева Т. Б.* Калмыцкие танцы и их терминология. – Элиста, 1992 .

РОДОПЛЕМЕНЕННАЯ СОСТАВ ЮРТОВЦЕВ ТАТАРСКОЙ БАШМАКОВКИ

Р.У. Джуманов, А.Д. Мусаев

При устном опросе сельчан, часть жителей согласна с существованием в старину тамг («булган тамга»), а часть отвергает: «у нас не было, тамги у казахов». Между тем на могильных камнях в старой (довоенной) части мусульманского кладбища имеются особые знаки, не относящиеся к исламской символике. Еще в 60-70-х годах XX века при выделении колхозом участков под посев картофеля, главы семей тамгами отмечали свои делянки.

В начале 90-х годов XX века башмаковцев форсированно изучали казанские ученые: Ф.С. Баязитова, Ф. Сунгатов, Р.Г. Мухамедова. Фирайя Баязитова, при содействии директора Дома культуры Рифката Асанова, срисовала тамги на сельском кладбище и увезла в Казань, обещав опубликовать ... и с концом. При публикации сборника «Астраханские татары» о тамгах не было ни одного слова. Только в 2008 году при беседе с главой администрации Ф.М. Батыровым об истории села была затронута и эта тема. Фатых Маннурович попросил нас подготовить материал к сборнику, посвященному 400-летнему юбилею села. Так началась работа. Срисовали все тамги, попытались определить захоронения по годам (векам), по махалля (кварталам), по семейным кланам. Также попытались выявить наиболее поздние даты захоронений с тамгами. Последней датой был 1991 год. Для сравнительного анализа осмотрели старое кладбище села Карагали, а также кладбище села Яксатово. Убедились: башмаковцы имели тамги, тем более, эти тамги очень древние, интересные для ученых-этнографов. Такие же тамги распространены у многих тюркских народов, живущих от Китая до Дуная. Был изучен большой объем материалов по родоплеменному составу ногайцев, казахов, туркмен, узбеков, по этнической истории населения империи Чингисхана, Улуса Джучи (Золотая Орда), Астраханского ханства. Так зародилась первая работа по родоплеменному составу юртовских (коренных) татар Астраханской области.

Родоплеменной период развития прошли многие народы. Род («ыру», «тукум»)-группа кровнородственных людей, возглавляемая старейшиной («аксакал»). Несколько родов объединялось в племя («тайпа») во главе с князем (мурза, бек). Племя имело свою территорию, подвластных соплеменников, военное ополчение, герб, тамги («билге»), боевой клич - «уран» («ура»), знамя-«байрак».

Предками тюркских народов Нижнего Поволжья были ранние тюрки Южной Сибири, Алтая-гунны (по-китайски «сюнну»). В 70-х годах IV века, во времена Великого переселения народов, гунны и вовлеченные в гуннское движение тюрко-монгольские племена завоевали территорию Великой степи от Алтая до Дуная. «Гунны были тюркским народом, и с их появлением начинается господство тюрков на степных пространствах Евразии. Они знали железодельное производство, ковали мечи, стрелы, кинжалы, имели жилища в глинобитных домах и полуземлянках. Основным занятием было кочевое товарное скотоводство. Все гунны были превосходными наездниками: мужчины, женщины и дети. Главная их сила была кавалерия. Своей наивысшей мощи держава гуннов достигла при хане Атилле (Адил)». Такая объективная оценка прогрессивных русских ученых-историков опровергает мнения политизированных ученых, обслуживающих власть.

После распада империи Атиллы в конце V века аланы, болгары и хазары обосновались в степях от Днепра до Яика. Эти народы входили в состав новой империи тюрков: Великого тюркского каганата. После его распада в нашем крае образовалось первое в Юго-Восточной Европе раннефеодальное государство - Великая Булгария в главе с ханом Кубратом. С середины VII века на исторической арене господствуют тюрки-хазары. В 679 году образуется Хазарский каганат, охватывавший земли Нижнего и

Среднего Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Столицей государства был город Самандар на Тереке, а с 723 года - город Итиль (Идел) в дельте Волги. Хазария существовала до конца XI века. Оседлые (или полуседлые) хазары в дельте Волги занимались земледелием.

”В месяц Нисан (апрель) знатные жители выходили из города к своему винограднику, к своему полю, к своей полевой работе.”/из письма царя Иосифа, сер. X в./ На незатопляемых гривах («краш»), бэровских буграх появляются первые поселения. Их выявили археологи при раскопках у с.Самосделка, на Тумак-Тюбе и Хан- Тюбе у с. Башмаковка, Кызлар-тюбе у села Яксатово. Именно хазары, на наш взгляд, заложили основу этногенеза современных юртовских татар с.с. Татарская Башмаковка, Карагали, Яксатово и ряда других сел Приволжского района. Ведь только юртовцы сегодня унаследовали опыт поливного овощеводства, а в языке (наречии) юртовцев сохранились термины и слова древнетюркского языка. «Язык юртовцев не диалект казанско- татарского языка, а самостоятельная межъязыковая форма тюркского языка» (Л.Ш. Арсланов, профессор /Материалы по татарской диалектологии. Казань/).

От гуннов, болгар, хазар V-X веков сформировались первые рисунки родоплеменных тамг башмаковцев и соседних сел. Например в тамге (№ 11 таблицы)- звук рунического письма «И», в тамге \aleph (№ 28) звук «Ю», в тамге (№ 10)-звук «ОК», тамга \times (№ 31) –звук «ДИ», в тамге (№ 22)- звук «И», в тамге \supset (№ 4)- звук «Н», в тамге \dagger (№ 9)- буквы «Н» и «З», в тамге \ddot{Y} (№ 30) – звук «НЧ» и так далее. Руническим алфавитом в раннее средневековье пользовались народы Южной Сибири, Алтая, Срединной Азии и Восточной Европы. Возможно, в этих тамгах зафиксированы имена первопредков башмаковцев.

Тюрки, до официального принятия ислама в Золотой Орде при хане Узбеке (1312-1342 г.г), обожествляли и поклонялись «Кок-Тенгри» (Синему Небу), «Жир-Ана» (Мать-Земля), Луне-«Ай», Воде-«Су ана» и заносили в родовые тамги, как обереги-талисманы от «дурного глаза», или как тотемы первопредка. Например, тамга «алаш» – видимо, означало Луну в фазе затмения с первыми лучами; \supset – «ай тамга»– новорожденный серп Луны; \mathfrak{A} «кастамга» – символ движения Солнца по Небу; \dagger – изображение Полярной звезды (по тюрк. «Тимер Казык»), по которому определялись маршруты торговых караванов, военных походов, сезонов природы (и никак не связана с христианской символикой); \odot – «шумеш-тамга» – Солнце, Вселенная, а возможно, ковш Большой Медведицы; \triangle «дуа-тамга»– талисман с изречениями из Корана, или мешочек с родовыми оберегами. Такие талисманы можно видеть на шее многих сегодняшних жителей: детей, молодёжи.

Еще в древние времена выделялись роды, семьи по профессиональным навыкам и хозяйственному укладу. Это, возможно, определило рисунок некоторых тамг. Владельцы \times «шыгыр» тамги либо изготавливали колеса, либо были мастерами полива.

\square «эргенек» тамга-решетка для загона скота. Этот род был богат скотом.

\uparrow «ок» (стрела) тамга- этот род славился стрелками-мергенами.

f «кылыш» (сабля) тамга- возможно этот род отмечен как всадники, вооруженные саблями, или изготавливающие подобные оружия.

\uparrow «ыргак», «кусеу» (крючок, кочерга)- возможно, этот род славился пекарями-кулинарами.

\top «шукеш», «балгы» (молоток) - род кузнецов, плотников.

\uparrow «сърке» - намордник для телят, препятствующий высасыванию ими молока у коров.

\cup «жай» (лук)- этот род изготавливал боевые луки.

«каз аяк» (гусиная лапа) означал, что род жил у воды и разводил гусей.

Эти хозяйственные знаки-термины вошли в среду башмаковцев в XVII-XIX при образовании родоплеменных и мусульманских кварталов – «махалля».

Тамги сопровождали усопших башмаковцев в «мир иной»: на изголовье погребенного ставили прямоугольный камень с выбитыми тамгой, именем и фамилией без мусульманских изречений. На более поздних погребениях все это чеканено (или выведено сваркой) по металлической табличке или столбу. Массово тамги ставились в довоенное время, т.е. до 40-х г.г. XX века. После войны тамги встречаются эпизодически. Последнее погребение с тамгой относится к покойной Садвакасовой Ж похороненной в 1991 году.

В наши дни сознание родословия стерто, почти забыто. Захоронения исполняются по общемусульманским канонам, надгробные камни-«таш» по стандартному заказу. Достойны уважения потомки рода «Алаш»-Мулляминовы, которые со знанием и гордостью живут и уходят в «мир иной», как «Алаши» (мархом Мулляминов Камалетдин). Мулляминов Фатых на фронтоне нового дома изобразил тамгу .

Как видно из таблицы, родовые тамги связаны с тюркскими племенами, распространившимися от Алтая до Днепра и Дуная. В историческую литературу они вошли как «поздние кочевники» X-XIII веков: «печенеги» (канглы, бажанак), огузы, кипчаки-половцы и племена, вовлеченные в завоевания Чингисхана, его старшего сына Джучи и внука Бату в 1206-1242 годах. В те времена племена продвигались на большие территории как «Эль»– народ, войско. Так, в степях и дельте Волги оказались части конгратов, кенегесов, мангытов, уйгур, найман, керейтов, уйсун. Потомки местных хазар, печенегов, огузов, кипчаков вошли в состав населения Золотой Орды на правах покоренных. Со временем местные и пришлые народы вступили в тесные контакты, кровнородственные взаимоотношения, а уже в XV-XVI веках, в рамках Астраханского ханства, Ногайской Орды, из смешанных потомков образовались новые народы: татары, ногайцы, казахи, узбеки, туркмены.

Кратко расскажем о племенах, заложивших Башмаковку (Кызан), Карагали (Каргалык), Яксатово (Майлекуль), Царев (Тияк). Начнем с кунграт - основателей села. Конгираты (кунграт, хунгират, хонгират) являются основателями поселения Кызан (Башмаковка). На языке местного населения этноним произносится как «**кунрат**». Данная племенная группа занимала территорию Башмаковского бугра - «Ашантау-тюбе». В XVIII веке из них образовался мусульманский квартал «Кунрат-аул» с «Кунрат-мечетью» (место мечети сохранено до наших дней). Территория наибольшего разрастания квартала была от моста через реку Кизань до современной улицы Ленина.

Первые письменные упоминания о конгиратах относятся к XII веку. В «Алтан тобчи» читаем: «В возрасте 9 лет за Темучина (Чингисхана) сосватали девочку 10 лет из рода хонгират, и он остался жить в её семье» (Лубсан Данзан, 1973г. с.59). Первоначальная территория обитания племени конгират: «местность, занимаемая пределы стены Уткух, тянущаяся наподобие стены Александра между областями Китая и Монголией, место, которое называют Угадже» (Рашид-ад-Дин, 1952 г. с.161/ Керейтов Р.) в начале XIII века конгираты были подчинены Чингисхану. Представители племени кунграт вошли в состав таких народов, как ногайцы, узбеки, каракалпаки, казахи, киргизы (Ахмедов. 1965 г. с.151-156). В первой половине XIII века конгираты в составе войск Бату-хана оказались на Нижней Волге. Вероятно конгираты, вместе с другими племенами, основали поселение на Тумак-тюбе в XIV-XV веках, а в начале XVII века основа ли село Кызан (Татарская Башмаковка). Представители этого племени имели следующие тамги: , , . В наши дни подобные тамги принадлежат фамилиям Максудовых.

Кунгираты были элитным племенем в державе Чингисхана, как поставщики жен чингисидов.

« Мы унгиратское племя,

С давних времен знамениты

Красою и статностью дев» (из песен кунгиратов, XIII век.)

Указ Чингисхана гласил: «Когда в роде кунгират рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах (т.е. дочерях чингисидов)». Так был узаконен приоритет кунгратов над остальными племенами (Т.И Султанов. «Чингизиды. Судьба и власть». М.2008 г.). Позднее представители этого рода занимали должность беклярбека (глава правительства) в улусе Джучи (Золотая Орда), а также были карачеями (главный советник) при ханах Астрахани. Вышеупомянутый князь Мамбет тоже, видимо, был из кунгиратов. Точными сведениями по его родословной мы пока не обладаем. Среди астраханских мурз первыми присягнувшими воеводе И. Черемисинову в 1556 году был «князь из астраханских кунграт Ишим. В 1540 году кунгратским князем был Джан- Мухаммед», потомком которого из этих князей был Мамбет (Мухаммед), еще предстоит выяснить. Известно, что ногайский князь Петр Урусов сначала поддержал Лжедмитрия I, а потом, он же и убил самозванца. Мамбет был союзником Лжедмитрия II. После разгрома самозванца, Мамбет с казаками атамана Ивана Заруцкого сопровождал «царицу» Марину Мнишек с сыном Иваном из Москвы до Астрахани. Основал село Башмаковка, а дальше следы его теряются, как имена многих деятелей в жерновах российской Смуты XVII века.

Следующая этническая группа, участвовавшая в этногенезе современных башмаковцев, **кенегесы**. Память о них сохранена в названии одной из махалля - «Кинагас-аул». Этот квартал занимал территорию от современной улицы Лермонтова и до Русской Башмаковки (батага). Впервые название этого древнетюркского племени зафиксировано в начале VIII века. Один из вождей кенегесов по имени Гунан (Хунан) в 1182 году принял участие в избрании малоизвестного Темучина ханом с титулом Чингис. В ходе войн, связанных со становлением империи Чингисхана, кенегесы распространились по территории Евразии. Этноним **кенегес** с XVII века встречается среди ногайцев, узбеков, каракалпаков, что указывает на этногенетические связи этих народов. Тамга этого племени, называемая «тарак (гребень)- тамга» - ГП, Ш, была зафиксирована в начале XX века исследователем П. Пашиным, а позже - Н. А. Баскаковым, А.-Х. Ш. Джанибековым. Подобные тамги зафиксированы на могилах сельского кладбища, принадлежащих представителям фамилии Усмановых (Абдрафик, Сафьят).

Далее рассмотрим такую этническую группу, как мангыт. В XII веке племя «мангутов» расселялось между борджигинами (род Чингисхана) по реке Онон и тунгусскими племенами среднего Амура. Во время борьбы Чингисхана за объединение Степи они верно служили ему. В XIII-XIV веках мангыты, участвуя в военных походах Бату и других Чингисидов, заселяют земли от Монголии до Дуная. В землях улуса Джучи на них оказали сильное влияние кипчаки. Первым лидером мангыт-кипчаков в Золотой Орде был знаменитый Ногай. Выходцы из мангытов в разные годы занимали должность «беклярбек» в улусе Джучи, Большой Орде, Крымском и Казанском ханствах, были эмирами Бухары вплоть до 1920 года. В 1391 году эмир из мангытов Эдиге образовал в низовьях Яика (ныне Урал) и Арала Мангытский Юрт (будущая Ногайская Орда-государство ногайцев). Эдиге и его потомки являются родоначальниками ногаев и юртовских татар/ Трепавлов В.В., Небольсин./ Древняя тамга у племени мангыт , а также всевозможные варианты «шумеш-тамги» . На башмаковском кладбище эта тамга, и ее варианты, встречается 8 раз (самая большая группа).

Говоря о народах, участвовавших в этногенезе башмаковцев, нельзя не обойти стороной **кипчаков**. Это знаменитые половцы русских летописей, куманы европейских хроник. Именно с их именем связано название страны Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь), занимавшей земли от Иртыша и до Дуная. На языке юртовцев этноним звучал как **кымшак**. В соседнем с Татарской Башмаковкой селе Карагали был когда-то квартал «Кым-

шак-аул». «Прародиной кипчаков были южные склоны Саяно-Алтайских гор и степей» /Ахинжанов/.

В результате миграций XI-XII веков кипчаки расселяются на землях к западу от Яика, включая Нижнее Поволжье и Северный Кавказ. Многочисленные могильные камни-балбалы-«половецкие бабы» тому доказательство. Нашествие монголов трагически отразилось на судьбе народа. Борьба против захватчиков не затихала в течение 26 лет (1216-1242 годы). Многие, кто не захотел покориться, эмигрировали в Венгрию, Болгарию, Малую Азию. В далеком Египте именно выходцы из Кипчакии составили ядро и костяк знаменитой на весь Ближний Восток армии мамелюков. Оставшаяся часть народа вошла в состав таких новых этносов как каракалпаки, узбеки, ногайцы, крымские татары, казахи, кумыки, башкиры. В степях Нижней Волги и в её дельте обитало кипчакское племя «саксин» (саксен). Вместе с огузами и булгарами, они составляли население города Саксин (Самосдельское городище), а в XIV-XV веках поселения на Тумак-тюбе. Абдулхамид Джанибеков в полевых материалах начала XX века встречает тамгу кипчаков . Подобная тамга зафиксирована нами на башмаковском кладбище (см. в таблице п/п № 32).

Соседями кипчаков по исторической арене и территории были найманы. Название (по Березину) исходит от монгольского слова «найма» - восемь, и означало «союз восьми родов». Соседи тюрки называли найман «секиз огуз». В VI- XI веках найманы были в составе Тюркского каганата и государства Токуз - огузов (древние уйгуры). Древние места обитания иайманов это «Большой (Еке) Алтай, Каракорум, горы «Элуй Сирас» и «Кок Иртыш»(Синий Иртыш)»/Рашид-ад-Дин, Сборник летописей/. В XII веке уже существует найманское ханство. В государстве найман распространена письменность на уйгурском алфавите, получают распространение буддизм и несторианское христианство, строятся храмы. В 1204 году найманский хан Таян погибает в войне против набирающей в степи новой силы - державы Чингисхана. Его подданные участвуют во многих походах «Сотрясателя Вселенной». Так, найманы оказались на западе Великой степи: на Северном Кавказе, в Поволжье, в Крыму. Родовое подразделение **найман** встречается в составе многих тюркских народов, живущих от Китая и до Румынии. Основная тамга найман это «камшы» (плеть- нагайка) тамга , но имеются и разновидности: , , , , , . (см. в таб. №№ 31, 8, 4, 32.)

Кереиты - еще одно крупное тюркское племя, участвовавшее в этногенезе многих современных тюркских народов. Это племя обитало в центральной части современной Монголии. В XI веке принимают несторианство, основывают свое государство во главе с ханом. По некоторым источникам мать Чингисхана - Оэлун была из кереитов. Во времена войн за объединение Монголии, часть кереитов стала подданными Чингисхана, а часть отступила на западные земли (в Кипчакию). После походов Бату- хана кереиты расселились до Крыма и Кубани. Древней тамгой кереитов была тамга в виде свастики , что зафиксирована нами на Башмаковском кладбище (см. таб. № 9). На языке местного населения этноним кереит произносился как «**кирит**». Второй из древних кварталов села Карагали так и назывался: «Кирит-аул».

Кроме выше перечисленных народов в родоплеменной состав башмаковцев представлен такими родами, как ктай, уйгур, байата (байлар), канглы, уйсун, сркели, буркут, «утар» и другие.

Подводя предварительные итоги, можно предположить, что племена, участвовавшие в формировании предков башмаковцев, жили на обширной территории от верховьев Иртыша до Дуная, локализуясь, фильтруясь в степях и пойме Нижней Волги.

Основу юртовских татар составили тюркские племена, входившие в состав державы гуннов, Тюркского, Хазарского каганатов, печенежского и кипчакского союзов, Золотой Орды, Астраханского ханства и Ногайской Орды. В этническом плане юртовцы и ногайцы являются близкородственными народами. Юртовские татары, ногайцы-карагаши, ногайцы-кундрау нашей области имеют общих предков и живут на общей территории- Нижнем

Поволжье. Потрясающие события монгольских завоеваний XIII века, распад Золотой Орды в XV веке, завоевание Россией Астраханского ханства в XVI веке, распад Ногайской Орды в XVII веке, натиск калмыков – всё это внесло существенные коррективы в их этническую и политическую историю.

Предки юртовцев жили в Золотой Орде, Большой Орде, Астраханском ханстве. Казанский ученый-историк Д. М. Исхаков подтверждает наш вывод: «Под астраханскими татарами периода Астраханского ханства надо иметь в виду юртовских татар, явно образующих самостоятельную этническую общность (народность). Данная общность в XV-XVII веках была тесно связана с ногайским этнополитическим образованием.../Д. Исхаков, 2001г./

Правящая элита Астраханского ханства состояла из «рода Мангыт как и представители Киятов (род Чингисхана), Коуратов (Кунграты), жили в Казани, Крыму, Ногайской Орде, а также в Астрахани»/Некрасов.,приведена в «Истории Астраханского ханства» И.Зайцева,с.135/

При взятии Хаджи-Тархана в 1556 году предки башмаковцев жили на берегах Кизани. Об этом говорят сохранившиеся до наших дней названия: «воеводы сторожевого полка И. М. Вешняков и Ширяй Кобяков в Чаган да в Кизань, на море голова Полуэкт Тимофеев в Ыванчук»/ И. Зайцев «История ...» с. 155/

Л.Ш. Арсланов ссылаясь на «Сказание о взятии Астрахани» подтверждает: «Сказание в большинстве случаев приводит верные астраханские названия рек и местностей: «Булда» вместо «Баллы», «Кизань» вместо «Казань».

После ликвидации ханства предки юртовских татар численностью 25000 луков (учитывали только военнообязанных) стали подданными России. «Они с ногаями свободно кочевали под Астраханью». До начала XVII века юртовцев видим, кочующих до низовьев Яика под покровительством ногайских князей. В начале XVII века натиск калмыков вынудил ногаев массово переселиться в Астрахань. Возникло первое оседлое поселение в городе «Юртовский городок» (см. гравюру А. Олеария.). Запреты жить в черте города, строить мечети, в целом, реакционная политика русских воевод в правлении царя Алексея Михайловича по отношению к «инородцам» заставили «кундровских, юртовских, келечинских татар уйти в 1640 году в подданство калмыцкому князю (тайше) Хо-Орлюку и его сыну Дайчину». Совместно с калмыками юртовцы кочевали до 1714 года. По указанию астраханских губернаторов юртовцы были потребованы к Астрахани. Окончательное обоснование юртовцев под Астраханью происходило во времена Екатерины II (1762-1796 г.г.), предоставившая свободу вероисповедания и расселения инородцев. К концу XVIII века юртовцы расселились улусными селеньями табунных голов-потомков астраханских князей. К середине XIX века были ликвидированы сословия табунных голов, юртовцев причислили к «особому отделу государственных крестьян» с численностью 9769 человек с центром правления в Зацаревской слободе (Тияк).

Как видим, переселения, эпидемии, притеснения властей унесли более половины юртовцев по сравнению с серединой XVI века. «Всей земли, по официальным сведениям, числится у них 80 тысяч десятин»/П. Небольсин.,1851год/

Такой сложной этнический и исторический путь испытали юртовцы-жители Поволжского, части Наримановского района. В наши дни большинство башмаковцев живут в хороших домах, ездят на дорогих машинах, их дети получают образование в ВУЗах и ССУЗах России, но в духовной жизни сельчан большой провал памяти нескольких поколений. Не зная свою историю, самобытную культуру, юртовцы примыкали к языку и культуре татар Среднего Поволжья. В наши дни, забыв свои народные песни и танцы, все больше пытаются танцевать «кавказскую лезгинку», свадьбы ведут на ломаном русском языке. В быту предается забвению родной язык, на нём считают не «модно общаться». Всё это явные признаки духовной деградации этноса. За этим последует полная потеря национальной культуры и этнической самоидентификации.

Наш материал, надеемся, будет талисманом возрождения исторической памяти народа.

Список использованной литературы

1. Арсланов Л.Ш. Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1988.
2. Востров В., Муканов М. Родоплеменной состав казахов. Изд-во «Наука» – Алма-Ата, 1968.
3. Зайцев И.В. Астраханское ханство. – Москва, 2004.
4. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. – Ставрополь, 1999.
5. Козин С.А. Сокровенное сказание. – Москва, 1941.
6. Курмансеитова А.Х. Байтеректинъ байлыгы. – Черкесск, 1999.
7. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – С-Пб, 1852.
8. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьбы и власть. – Москва, 2007.
9. Тrepавлов В.В. История Ногайской Орды. – Москва, 2001.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ВЫШИВКОЙ У НОГАЙЦЕВ

Ф.Ю. Канокова

Декоративно-прикладное искусство ногайцев, возникло на самых ранних этапах развития этноса, оно проявляется в преемственности многовековых традиций, передающихся из поколения в поколение и, включает в себя различные виды художественного творчества, связанные с оформлением жилища, костюма, предметов быта, традиционной обрядовой и праздничной культуры.

Традиционные ремесла у ногайцев всегда подразделялись на мужские и женские. В данной статье будет рассмотрен один из женских видов рукоделия – вышивка, приобщающая ногайцев к художественному творчеству и восприятию красоты.

Ногайская вышивка классифицируется на вышивку на одежде, ножнах холодного и чехлах огнестрельного оружия, конского убранства, предметах личного и домашнего обихода, украшениях для интерьера юрты. Основной прием ногайской вышивки (*ногъай тигис*), это шитье «вприкреп», распространенный у многих народов и «базарная» вышивка или шитье «гладь» (*базар тигис*). Исходя из этого, нельзя не согласиться с утверждением С.Гаджиевой, что «Первый, самый старинный способ мало чем отличался от традиционных приемов золотого шитья, распространенных у соседних народов Северного Кавказа. «Базар тигис» ногайки называли шитье гладью, очевидно, потому, что оно, как показывает само название, проникло к ним извне с готовыми изделиями художественного ремесла других народов»¹. Прием вышивания «вприкреп» описан Е.Шиллингом, Е.Студенецкой, Б.Мальбаховым и С.Гаджиевой, которая кратко, ясно изложила «суть способа изготовления вышивки «вприкреп», как ногайки именуют «ногъай тигис», состоящий в следующем: мастерица вырезала узор из бумаги и закрепляла его на белую бязь. После обшивания ниткой или обведения мелом, карандашом трафарет снимали и вышивали, затем вышивку с изнанки слегка протирали раствором столярного клея (*окъа елим*) и подсушивали, это делалось для того, чтобы придать вышивке упругость. Затем вышивали, после чего готовый узор вырезали ножом и нашивали на украшаемый предмет (готовое платье, кафтан и т.п.). Края вышивки для красоты и прочности обшивали тонкой тесьмой, сделанной из тех же ниток»². Как отмечает Б.Мальбахов «Золотная поверхность мотивов вышивки «вприкреп» обладает многообразием узорных разделок, образуемых простейшими геометрическими переплетениями. Этот «орнамент в орнаменте» придавал вышивке очень богатую фактуру»³. Достаточно характерным образцом подобных роскошных изделий является парадный женский костюм. Его темно-красная бархатная основа и почти многие участки покрытые золотым орнаментальным настилом имитируют золототканую парчу. На этом фоне рельефно, словно вычеканенный из золота, выступает вышитый по трафарету орнаментальный мотив – растительный побег, обрамленный золотым галуном.

Отличительная черта приема «гладь» в отличие от вышивки «вприкреп» заключалась в том, что гладью вышивали непосредственно на украшаемом предмете – бархате, сукне, шелке, при этом трафареты из бумаги обычно оставляли под вышивкой, чем достигалась некоторая выпуклость рисунка. Иной принцип был у приема двухстороннего шитья без предварительного настила (бытовавшего в основном у Астраханских ногайцев), именуемого «*татар тигис*» или «*татар ислеме*», который подразделялся, в свою очередь на два подвида. Первый – это гладь со счетом нитей основы и утка, в данном виде вышивки уколы иглы проходят по определенной схеме, на обратном проходе создается около 70

¹ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М., 1976. – С.166.

² Там же. – С.167.

³ Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. Нальчик, 1984. – С.59.

разнообразных вариантов узора. К счетной глади относят два варианта шва, являющиеся основными при создании узора «йолланув» - отправляться в путь и «боьллеме» - перегородчатый. Данные виды швов насчитывают около 90 комбинаций. В узоре «йолланув» ряд прошивался стежками в одном направлении, на определенном расстоянии захватывалась нить утка ткани, на обратном проходе нить смещала стежки так, чтобы на расшитом пространстве создавался определенный узор, обычно это был геометрический или волнообразный узор. Рисунок вышивался хлопчатобумажными или шелковыми нитями. На тканях, имеющих редкую основу, узор вышивался золотными нитями. Шов «боьллеме» представлял собой широкие полосы составленные из мелких квадратиков, он служил для того чтобы подчеркнуть форму основного узора. Данный шов чаще всего состоял из четырех рядов стежков, причем стежок каждого ряда делался на одном уровне. Цвет нитей для узора «боьллеме» обычно контрастировал с цветом обшиваемого узора, до XIXв. для такого оконтуривания использовались мягкие тона, а уже с XIXв. появился черный цвет.

Ко второму подвиду относят простую гладь, счет нитей основы и утка в данном виде вышивки не имеет значения, здесь встречаются следующие варианты узора «йылан ба-выр» - змеиное брюшко, напоминающий узор «елочка», гибкой формы и завершающийся острым углом, следующий шов «айланув» - крутящийся шов (косая гладь), выполненный очень слабо натянутой нитью, ложившейся так, чтобы создавать впечатление движения. Третий «юзим» - изюмчик, его контур имел форму капли и шился от края к центру, четвертый «тавык кот» - куриная гузка, имел форму круга и шился из центра по кругу в виде звездочки. Все эти узоры обычно служили для завершения оформления орнаментальных мотивов.

При украшении деталей верхней одежды и используемых в быту мелких предметов - кисетов для табака, футляров для часов и других вещей пользовались шитьем «букле» шитье шнурком, обычно золотым, вприкреп и по плотным тканям. При шитье "букле" узор наносился на ткань заранее и по его контуру наклеивался сплетенный из золотных нитей шнурок. На лицевой стороне он прикреплялся идущей с изнанки рабочей нитью, имеющей тот же цвет, что и шнурок. Гораздо реже встречался шов – «коьклев»(наметывать, прошивать крупными стежками) – «тамбурный», который выполнялся иглой или крючком.

Для ногайского костюма очень характерна ансамблевость и многослойность. Женский, мужской и детский костюм у всех слоев имел общую основу и состоял из одних и тех же видов одежды. Особое место в одежде занимало украшение вышивкой женского платья, узоры покрывали борта платья, углы передних пол кафтанчика, рукава и нарукавники, донышко и околышек женской шапочки.

В силу исторических условий сложилось две линии развития одежды – повседневная и праздничная, в их состав вошли: нательная одежда – рубаха и штаны, верхняя распашная одежда, головные уборы, обувь и аксессуары. Основным видом верхней распашной одежды являлся бешмет – «къаптал», его шили прилегающим в талии, с прямым вертикальным разрезом спереди, он имел прямые вшивные рукава с небольшим окатом, небольшой воротник – стойку, простеганный фигурной горизонтальной строчкой. Бешметы шили на пестрой ситцевой подкладе и простегивали ручной, а позже (после появления швейных машин) машинной декоративной стежкой: спинку-мелкими квадратиками или вертикальными линиями, остальную часть частой строчкой, причем стан – вертикальными линиями, рукава до локтя – горизонтальными или же елочкой. Ворот, края бортов, полы, низ подола, боковые разрезы, край откидной части рукавов покрывали волнистыми или ровными линиями. Многие молодые женщины и девушки из богатых семей края бешмета обшивали самодельным шнуром из золотых или серебряных ниток или готовым галуном.

Бешметы шили из красного или зеленого шелка. У бедных, по свидетельству Г.Ананьева, «къаптал бывает красного цвета или другого пестрого кумача без всяких украшений»¹.

«Покрой бешмета был идентичен мужскому и одинаковым для всех возрастов. Он шился длиной до колен со стоячим воротником высотой 2-3 см., на подкладке из легкой ткани, а для зимы – подбитый ватой, шерстью»². Он украшался очень простой вышивкой растительного орнамента, сохраняя архаические мотивы и символы в вышивках XIX века.

Как было отмечено выше, женская одежда имела локальные особенности, проявившиеся у отдельных этнографических групп. Так караногайки носили короткие стеганые бешметы, ногойки - карагашки носили бешметы, длина которых была ниже колен, верхняя их часть также декорировалась ювелирными украшениями, а полы, края кафтана и рукава обшивались широкими галунами. Кафтаны у карагашек не декорировались золотной вышивкой, на передней части пол бешмета обычно располагался геометрический орнамент – своего рода астральный оберег, что являлось основным показателем половозрастной принадлежности.

Кубанские ногойки носили длинные распашные платья – «къабалай» или «шыба». Воспринятое некогда от черкесов это платье стало общекавказской женской праздничной одеждой. Платье шилось длинным, с облегающим лифом. Рукава – также длинные, откидные. На рукава праздничных платьев пришивали нарукавные подвески (*къапашыкъ*). Нарядные платья украшали шитьем, обрамляли галуном. В ряде случаев на нательном платье вышивали горизонтально расположенные узоры зооморфного мотива. Вышитое старинным швом - гладью вприкреп по настилу накрученного шелка, обогащающим фактуру оно смотрится монументально и декоративно.

Под платье надевали коротенький кафтанчик (*зыбын*), его украшали галуном, а полы и рукава золотной вышивкой или аппликацией. В конце XIX – начале XXв. кафтанчики стали шить безрукавными с отдельными нарукавниками (*енгсе*), прикрепляемыми к платью двумя способами, в первом – нарукавники зашивали вдоль как рукава, в другом – их пришивали к откидному рукаву верхнего платья.

Наряду с повседневной и праздничной одеждой у ногойцев существовала обрядовая одежда, связанная со свадьбой. Вот как описывает свадебную одежду большой знаток, крупный специалист в области материальной культуры ногойского народа С.Ш.Гаджиева «Для свадьбы всегда использовалась одежда лучшего качества. Костюм жениха отличался от обычного костюма лишь качеством ткани и своей новизной. Он состоял из белой рубашки, черных или в полоску штанов из плотной ткани, бешмета из гладкого шелка, шерсти или сатина, суконной черкески «*гъазирли шепкен*», мягких красных сафьяновых сапог, меховой шапки... Черкеску подпоясывали узким кавказским ремненным поясом с подвесками, украшенным набором металлических пластин и блях; на пояс прикреплялся большой нож в черных или красных сафьяновых ножнах, а в ряде случаев кинжал»³. Хотя мужской костюм не вышивался, но в паре с невестой у которой богато вышитый костюм с художественной точки зрения, благодаря яркой цветовой гамме являлся средством дополнительного художественного оформления. Свадебная женская одежда отличалась большим вкусом. Шелковый костюм малинового цвета, с серебряным нагрудником и поясом, по подолу, вдоль бортов и нарукавниках, шапках «татарского типа» расшитый золотыми и серебряными нитями растительного традиционного ногойского орнамента придавал костюму красивый и гармоничный переход. Такое сочетание золотной вышивки и серебряных металлических изделий придавало всему костюму не только невесты, но и жениха праздничный, торжественный вид. Выразительность и колористическая насыщенность костюма подчеркивались темно-красной шапочкой с кружевной белой накидкой, создавая

¹ Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни //Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. -Вып.2. – С.9.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х. Сикалиев А.И. Ногойцы. Черкесск, 1988. – С.128.

³ Гаджиева С.Ш. Указ.соч. – С.186.

своеобразный гармонический цельный ансамбль. Конечно, богатство отделочных материалов дает основание считать, что этот свадебный костюм доступен лишь богатым, состоятельным ногайкам.

Одной из самобытных и индивидуальных деталей праздничной женской одежды являлся свадебный нагрудник (*аспа коькрек*), бытовавший лишь у ногаек – карагашек, который был неотъемлемой частью нарядного костюма, имел разные формы и шился обычно красного цвета. Его центральная часть богато декорировалась вышитыми разными цветами геометрическими орнаментами в технике гладь, а края были обшиты галуном ручной работы.

Весьма разнообразны по форме и отделке головные уборы, которые можно условно разбить на три группы: уборы типа шапок, типа мешочков и платков. По шапкам можно определить принадлежность ногаек к тому или иному племени кубанским, астраханским, караногайцам и т.д. С течением времени форма и вышивка головных уборов видоизменялась, но в основном сохранила и не утратила первоначальный облик присущий ногайскому принципу народного искусства. В изготовлении головных уборов мастерицы использовали мех, бархат, сукно, шелк, бязь – словом все, что имелось под рукой. Узоры были яркие, четкие, хорошо читаемые на фоне ткани, техника исполнения отличалась высоким мастерством, синтезировала вышивку, плетенку. Такая отделка придавала шапкам нарядный, праздничный вид. Художественные достоинства головных уборов ногаек заключались в выразительности вышиваемых узоров растительного и зооморфного происхождения, а также самой формой, насыщенностью колорита, разнообразием фактуры, придающей шапкам живописность, где декор подчинялся конструкции и форме изделий. Как и в свадебном, праздничном костюме на головном уборе такого назначения, ногайки с большим вкусом подвешивали различные ювелирные украшения, монеты. Настолько ногайка была богато украшена, что при движении тела создавался колокольный звон. По такой схеме украшалась шапка «*силяуш*», но здесь применялись свисающие ленты, тесемки, галуны, всевозможные басонные изделия.

Носили шапки во все времена года, обычно низко надвинув на лоб. Девичьи шапки делались с ярко-красным доньшком, на которые нашивали крест-накрест галун. У ногайцев бытовали высокие и низкие шапочки из тканей и галунов, такие шапочки имели несколько видов.

Особенно нарядно вышивались в старину женские сапоги, хранящиеся в различных музеях, которые являются подлинными произведениями народного искусства. Обычно они шились из мягкой кожи, чаще красного, желтого цвета и украшались по сюзкам и голенищу аппликациями из кожи или узорным шитьем шелковыми и шерстяными нитями. В декоре сапог применялся национальный роговидный узор, а в ряде случаев элементы дагестанской орнаментики, сохранившиеся до конца XIX века.

Заметное место в оформлении интерьера юрт, параллельно с великолепными узорчатыми войлочными коврами занимали вышитые изделия. Благодаря их яркому колориту интерьер юрты становился особенно красочным и нарядным. Техника вышивания была несложной и, несомненно, повсеместно распространилась у ногайцев. В основном применяли лоскутное шитье, которым владели вышивальщицы в каждой семье. Как и разнообразные войлочные ковры, эти вышитые изделия входили в состав приданого, предназначались для свадебного обряда. Вышивка для интерьера юрт была распространена, когда ногайцы были кочевниками и жилищами для них были юрты. Оседлость образа жизни почти исключила развитие этого важного народного ремесла.

Самым нарядным элементом жилища была большая свадебная занавеска «*шымылдыкь*» (207х60см), которую вешали у стенки на самом видном месте. Занавеску шили из кусков разных тканей, на подкладке, вышивали золотистыми нитками, украшали разноцветными аппликациями, галунами.

Особое место в вышивке, в частности золотошвейном деле занимало изготовление басонных изделий: шнуров, галунов, кистей, шариков и т.д. Шнуры и галуны широко

применялись в золотной вышивке в сочетании с расшитыми элементами, особенно широко применялись в украшениях женской шапочки, где иногда орнаментальное решение строится целиком на сочетании различных басонных изделий, а также в оформлении кожаных ножен, кобур пистолетов, женских сумок, наконечников. Такое сочетание золотной вышивки и плетеных изделий изящно создают ажурность и интересную композицию всего предмета.

Любимыми орнаментальными мотивами ногайских вышивальщиц были растительные узоры типа трилистника (*уши япыракъ*), веточки с загнутыми вниз листочками, плодами (*машпакъ*) и другие геометрические, зооморфные и космогонические мотивы. Вышиваемые рисунки у ногайцев именовались часто по предметам одежды, обуви и т.д.: «*зыбын оърнек*» – рисунок или узор для «зыбына»; «*шыба оърнек*» – узор для платья; «*енгсе оърнек*» – узор для нарукавника; «*машпак оърнек*» – узор для башмака и т.д. Каждый из этих рисунков включал в себя целый ряд узоров в своеобразном сочетании»¹.

Ногайская вышивка во многом схожа с работами кабардинских (адыгских) мастериц, но, как подчеркивает Е.Шиллинг «на Северном Кавказе, включая Дагестан мы не находим золотошвейных работ стоящих по качеству выше адыгейских (и, в частности, кабардинских)»². На возможность такого влияния кабардинского шитья указывают давние дружеские связи, существовавшие между ногайским и кабардинским народами. Обычай традиционной вышивки золотом должен был сохраниться при дворе ногайского мурзы Тинахмета – сына и преемника ногайского правителя – бия Исмаила, умершего в 1563 году. Тинахмет был женат на младшей дочери кабардинского князя Темрюка – Малхуруб. Известно также, что золотные изделия вышитые кабардинскими мастерицами находились в числе подарков, систематически отправлявшихся из Кабарды ногайским ханам.

В начале XX века с коренным преобразованием ногайского быта золотошвейное искусство стало приходить в упадок, но в наши дни в ногайских аулах есть женщины – старожилы древнего ремесла, которые передают подрастающему поколению свои знания, обучают их приемам вышивки и изготовления басонных изделий, это очень отрадный факт, так как народное искусство будет существовать до тех пор, пока хоть кто-то проявляет к нему интерес, хранит традиции и культурные ценности своего народа, возрождая забытые промыслы, приумножая и совершенствуя их. Ведь народным оно названо не случайно, его хранителем будут и остаются люди с их трепетной любовью к своему прошлому и, именно от них зависит судьба не только отдельно взятой нации, но и мира в целом.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ.соч. – С.169.

² Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. М., 1989. – С.160.

ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО НОГАЙЦЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

3.3. Кузеева

В условиях всевозрастающих социальных и экономических преобразований, внедрения в среду массовых коммуникаций и компьютерных технологий, возникновения и распространения различных культурных веяний, идущие как с запада, так и с мусульманского Востока происходит дестабилизация ценностно-нормативной системы общества, выработанной веками. Несмотря на естественное течение процесса глобализации в обществе все чаще начинают подниматься проблемы этнической, конфессиональной, языковой, культурной, гендерной, территориальной и других идентичностей. Особенно это ярко проявляется в культуре малых народов.

Проблема сохранения традиционной культуры, языка, религии стоят на повестке дня и у одного из малочисленных этносов Российской Федерации – ногайцев. Самобытная культура ногайцев изучена не полностью. Наиболее слабым местом в этнологическом и искусствоведческом исследовании ногайцев является традиционное декоративно-прикладное искусство, в котором основополагающая роль принадлежит орнаменту.

Орнаментальное искусство ногайцев сложилось в условиях кочевого уклада жизни и во многом определяется характером кочевого производства. Возникновение главных его видов обусловлено, во-первых, потребностями оборудования и декора жилья кочевника, во-вторых, стремлениями украсить и «обезопасить» себя и своего надежного помощника – коня. Так развилось производство орнаментированных войлочных ковров, настенных кошм, узорчатых войлочных, кожаных и суконных мешков, деревянной и кожаной утвари, мебели и т.д., родилась специфика орнаментации деталей и элементов мужского и женского костюма, детской одежды, конского снаряжения и т.п. Основными функциями, которые нес в себе орнамент, были магическая, обрядовая, эстетическая, а также функция этносоциального идентификатора.

Ногайский народный орнамент уходит корнями в глубокую древность. Орнаментальная система ногайцев имеет глубокое родство с орнаментом тюркских народов Средней Азии и Сибирско-Алтайского региона, что может свидетельствовать о древней единой системе орнаментов, основанной на общности происхождения, сходном хозяйстве и культуре. Следует отметить, что ногайский народ сформировался преимущественно из степных кочевых тюркоязычных племен и родов, живших на широкой территории, начиная с верховьев Иртыша до Дуная, включая Северный Кавказ. Несмотря на этническую дробность ногайского народа: «в его искусстве выработалась своя определенная система стиля, которая, вобрав в себя комплекс исторических и духовных ценностей культурных напластований отдельных родов, стала нормативной культурной моделью объединенного народа»².

В настоящее время ногайцы живут, главным образом, в Предкавказье (на территориях Республики Дагестан, Чеченской Республики, Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики, Калмыкии) и Астраханской области. За пределами России отмечены компактные группы проживания ногайцев в Белоруссии, Литве, Турции, Болгарии, Румынии, Польше и других странах. За последние десятилетия диаспоры ногайцев обра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-34-01266

² Кузеева 3.3. Ногайское народное орнаментальное искусство (к вопросу о перспективах анализа этнокультурной семантики традиционного орнамента) // Ногайцы: XXI в. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. г. Черкесск. 14-16 мая 2014 г. – Черкесск, 2014. – С.364.

зовались и в других регионах России – Москве, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономном округах. Делятся ногайцы на несколько основных этнических групп – караногайцы (Дагестан, Чечня); астраханские ногайцы (Астраханская область), которые подразделяются на карагашей, кундровцев, юртовцев; ачикулакские ногайцы (Ставропольский край), подразделяющиеся на едисанцев, едишкульцев, ембойлуковцев; кубанские ногайцы (Карачаево-Черкесии); бештавские или кумские ногайцы (Ставропольский край).

Орнамент разных групп ногайцев помимо общей ногайской орнаментальной системы имел свои локальные особенности. В первую очередь, специфику традиционного орнамента ногайцев, расселенных в различных регионах, определяло влияние соседних народов, а именно тесные контакты, разнообразные по направлению, характеру, интенсивности и времени, а также сосуществование в рамках единой системы жизнеобеспечения ногайцев и окружающих их других народов. Особенности наблюдались в способах расположения и характере орнаментальных вставок в традиционном костюме, в цветовой гамме. Некоторые различия были обусловлены техническими приемами исполнения.

Традиционный орнамент ногайцев помимо орнаментальных мотивов, характерных для конкретных близкородственных и соседних народов, включает в свой состав целый ряд одинаковых или близких мотивов, встречающихся в орнаментальной культуре других этносов.

«Сходство древнейших орнаментальных образов и мотивов не только в искусстве народов, имеющих общее происхождение, но даже у совершенно далеких друг от друга культур является весьма удивительным феноменом»¹. Одни ученые объясняют появление одинаковых узоров миграцией народов из одного общего центра²; другие допускают самостоятельное развитие некоторых геометрических мотивов, «полагая, что эти мотивы, будучи весьма простыми по форме, могли появиться у различных народов независимо друг от друга»³; третьи задаются вопросом: «являются ли эти сходства «следствием культурных связей, или же в них нужно видеть отражение закона, по которому в одинаковых условиях у человека оформляется и тождественное развитие народного искусства?»⁴. Касательно последнего вопроса можно добавить, что некоторые авторы объясняют сходство орнаментальных мотивов мифологичностью древнейшего предметного мира, в котором природа орнамента обуславливается происхождением вещи – его носителя. И так как мифологические сюжеты представляли «собой вариации на извечные, общие для всего человечества темы: родственные отношения, добыча пищи и культурных благ, защита от внешних угроз, объяснение миропорядка, актуализация базовых эмоций: страха, полового влечения, голода, агрессии и т. п.»⁵, то соответственно структура орнамента у разных культур имела единую основу.

На наш взгляд, все эти причины нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. «Исторические процессы, происходившие на разных этапах развития общества, влекли за собой психологическую перестройку общественного сознания, что, в свою очередь, в той или иной степени, сказывалось на системе взглядов и принципов социумов. <...> Несомненно, архаические пласты орнаментального творчества, как одного из видов сформированного в древности целостного порядка картины мира того или иного общества, имеющего неизменное семиотическое происхождение, в процессе перехода этноса, культуры на новую ступень развития, могли сохраниться в неизменном виде, неся ту же смысловую нагрузку. Однако, взаимопроникновение культур, появление монотеистических религий

¹ Кузеева З.З. Указ. соч. – С. 354.

² Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.: Изд. АН СССР, 1963 – С. 40.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 41.

⁵ Малкова А.С. Мифологические сюжеты как результат самоорганизации // URL: <http://spkurdymov.ru/art/mifologicheskie-syuzhety-kak-rezultat-samoorganizacii/> (дата обращения 12.03.2014).

оказало влияние на стилизацию орнаментального искусства, и, в частности, на традиционный орнамент ногайцев. В условиях кочевого быта, такая трансформация была естественной»¹.

Единство ногайской орнаментальной системы, равно как и вошедшие в состав орнамента элементы художественной культуры других народов, в отчетливой форме раскрываются в комплексах, которые определяют, в некоторой степени, происхождение различных типов и видов орнамента, в зависимости от техники орнаментации и отдельно взятых орнаментальных элементов и мотивов. В ногайском народном орнаменте можно различить следующие основные комплексы: сибирско-алтайский, среднеазиатский, северокавказский, поволжский, восточносибирский, евразийский. Некоторые виды узоров техники орнаментации присущи сразу нескольким комплексам, что говорит об общности историко-культурного прошлого разных народов.

К сибирско-алтайскому комплексу относятся: техника аппликации и мозаики из мягких материалов; оконтуривание узоров жгутом из кожи или шерстяного шнура; простегивание; окрашивание сукна, войлока, шерсти и т.д. Данный комплекс содержит узоры, состоящие из рогообразных и S-образных мотивов симметричного и асимметричного строения; изображения следов животных; различные геометрические орнаментальные мотивы; штрихи; зигзаги; меандр; мотив спирали; мотив бегущей волны; волюты и др.

Среднеазиатский комплекс характеризуется техникой валивания шерсти; аппликацией из мягких материалов; безворсового ткачества; простегивания; шнуровой вязи; гравировки, черни, зерни по цветному металлу; росписи по дереву и т.д. Основными орнаментальными элементами и мотивами являются геометрические мотивы в различных модификациях; всевозможные вариации рогообразных узоров; зооморфные элементы; сердцевидные мотивы; S-образные фигуры; крестообразные фигуры; криволинейные цветочно-растительные мотивы; и др.

К северокавказскому комплексу принадлежат: техника резьбы и росписи по камню; техника гравировки, черни, скани, зерни, чеканки по цветному металлу; техника резьбы по дереву; золотое шитье; галунное шитье; вышивка. Комплекс состоит из криволинейных орнаментальных элементов в различных вариациях; мотива спирали; мотива бегущей волны; цветочно-растительного орнамента; ленточного орнамента; меандра и др.

К поволжскому орнаментальному комплексу относятся: техника аппликации и мозаики из мягких материалов; вышивка; галунное шитье; лоскутное шитье; накладывание ленточного узора; гравировка по металлу; филигрань и т.д. Из орнаментов к данному комплексу относятся: ленточный орнамент; цветочные мотивы; орнамент из различных геометрических фигур; построение орнамента на квадратно-ромбической сетке и т.п.

Восточносибирский комплекс представлен в технике аппликации из мягких тканей; тиснении; простегивании; шнуровой вязи; в натуральных оттенках, используемых материалов, получаемых из животного сырья; резьбы по дереву. Данный комплекс состоит из линейных и криволинейных орнаментов, используемых в технике простегивания; меандра; S-образных фигур; роговидных мотивов; завитков и т.д.

Евразийский комплекс характеризуется техникой гравировки по металлу; простегиванием; вышивкой. Состоит из зигзагов, штрихов, перекрещенных линий, пересеченных квадратов, ромбов, прямых и кривых линий, полос, крестообразных розеток и др.

Наличие в ногайской орнаментальной культуре перечисленных комплексов, имеющих происхождение различного генеза и принадлежащих к разным орнаментальным системам, отражает историческую судьбу ногайцев и влияние на их декоративно-прикладное искусство соседних народов, с которыми ногайский народ в различные периоды своей истории имел тесные культурные, экономические, политические и/или родственные связи.

¹ Кузеева З.З. Указ. соч. – С.364-365.

В XX в. в развитии традиционного ногойского орнамента, как и всего декоративно-прикладного искусства ногойцев, произошел упадок, орнаментальные формы и элементы стали принимать грубый характер, исчезли целые техники, как резьба и роспись по дереву, резьба по камню, художественная обработка металла, тиснение по коже, аппликация из кожи и других мягких материалов. Дольше всего сохранялась и развивалась войлочная орнаментальная традиция, однако и она к концу XX – началу XXI вв. практически перестала существовать вместе прекращением изготовления войлочной продукции.

В настоящее время благодаря возросшему национальному самосознанию ногойского народа в среде ногойской молодежи, деятелей культуры, науки и искусства идет активный интерес к истории, традиции и культуре ногойцев. С целью приобщения народа к своему историко-культурному прошлому, в последние годы все чаще стали проводиться школьные и кружковые занятия по ногойскому декоративно-прикладному искусству, создаваться молодежные движения, организовываться различные мероприятия, форумы, семинары, круглые столы, конференции. Все это вносит несомненный вклад в развитие истории и культуры нации, однако говорить о возрождении и развитии декоративно-прикладного искусства и орнамента ногойцев пока рано.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАЯ

У НОГАЙЦЕВ

А. З. Межитов

Традиционный ногойский чай, древнейший и излюбленный напиток ногойцев, с добавлением молока, изначально не был в привычном нашем понимании чаем. Вернее, его не называли чаем. А «калмыцким чаем» стали его называть и вовсе недавно. В древности ногойцы или кипчаки, а возможно и весь тюркский мир называли этот божественный напиток «коьгай». Правда, сегодня ногойцы не могут точно объяснить, почему именно так назвали. Буквально словосочетание «коьк ай» означает –«небесная луна». Стоит ли буквально понимать, или имеется, какой то скрытый (мистический) смысл или переносное значение, сложно говорить. Я склонен допускать присутствие мистического значения. В старину, например, приготовление чая доверялось самой старшей хозяйке очага. При этом необходимо было строго соблюдать процедуру приготовления. Важно было выдержать не только количество компонентов и их пропорцию, но и, например, необходимо было после добавления молока взбалтывать ровно сорок раз смесь половником.

Известный ногойский просветитель А. Джанибеков в своем сборнике ногойского фольклора приводит название «коьк шай»- «небесный чай». В собранных им материалах содержится информация, что дошедшая до нас процедура приготовления чая была известна нашим предкам еще в XIV-XV вв.

А вот понятие «чай-шай» в современном понимании у ногойцев не было еще долгое время.

Долгое время этот напиток начинался со словом «коьк-небесный». Даже пиалу, из которой пили этот молочный напиток, ногойцы называют «коьгаяк»(коьк аяк)- небесная чаша. Действительно, то наслаждение, которое испытываешь от этого удивительного напитка, молока, смешанного с кипяченым отваром из сушенного специфического разнотравья, можно было сравнить с неопределимо возвышенными ощущениями. Также, разнотравье, вконец уже созревшее, ногойцы и по сей день называют «коьк от»- небесная трава, означавшее и в прямом, и переносном смысле, траву, вобравшую в себя весь энергетический и питательный колорит небес. До употребления в пищу листьев чая, в китайском понимании, ногойцы, да и другие тюркские народы готовили из трав шалфея, мяты, лебеды и других. Для того, чтобы придать определенный привкус использовали также рогоз и полынь.

Настои из разных диких трав, приготовленных с добавлением молока, соли, сливочного масла и перца у ногойцев составляли обязательную часть угощения. Перед началом большой трапезы, гостю всегда подавали приготовленный напиток(чай) в горячем виде.

К сожалению, ногойцы, сегодня полностью утратили знания о съедобных диких степных травах, некоторые из которых можно было употреблять в пищу сразу, а некоторые нужно прокипятить в воде.

Так ногойцы пили молоко разбавленным, и речь о чае в современном понимании изначально не шла. С древнейших времен и отчасти по сей день, система ногойцев построена преимущественно на строгом балансе молочных и мясных продуктов, дополнявшихся в очень небольшом количестве продуктами растительного происхождения. В рационе были распространены такие кушанья как вареное как на воде, так и на молоке, например, просо - соьк. Из жареного проса, перемолотого в муку, готовили кашу талкан, которую употребляли в пищу с молоком. А из пшеницы и кукурузы, перемолотых в муку, варили суп уьйре. Из кукурузной муки готовили каши баста, мамырса, из жареной просяной крупы на воде, молоке или сыворотке - кашу - куьй баста.

Из кукурузной или любой замешанной в кипяченой воде муки готовили суп кудыр. Бедные ногойцы часто готовили жидкую похлебку - быламык из просяной муки, заправляя ее сгущенным молоком различной закваски, сухим сыром или бараньим салом, и суп с

пшеном - уйре сорпа на мясном бульоне или же на воде. Но все это считалось разновидностями супа, бульона. К категории чая эти бульоны не относили.

В торжественных случаях ногайцы готовили баур-сак (круглые лепешки из кислого теста, зажаренные в кипящем масле). Из пресного теста в курдючном жире или масле они зажаривали лукумы (ромбики, треугольники из тонко раскатанного теста). По праздникам для лукумов тесто замешивали на молоке, яйцах, масле. Выпекали ногайцы и круглые пышные пончики, жареные в большом количестве масла. Из сдобного пресного теста жарили хворост, выпекали хлеб - май кал акай, катлама – слоеные калачики из пресного тонко раскатанного теста, замешанного на молоке, масле, яйцах. Часть ногайцев катлама жарили в кипящем масле. Большое предпочтение отдают ногайцы также и таким молочным продуктам как масло, различные сыры, творог, сметана, кислое молоко, простокваша, айран, молозиво.

Что касается напитков, то их разновидность у ногайцев достигала до пяти видов, во всяком случае, известных по сей день: боьртенке, шама, зынкыйтпа, кара, йолга барсын. Впоследствии они воспринимались как разновидности чая. Приготовление таких напитков требовала особых навыков и своеобразного подхода. Однако, общенациональные драматические перипетии наложили свой отпечаток не только на общую судьбу ногайцев, но и, в том числе, на особенности национальной кухни. Сегодня многие разновидности напитков, некоторых особенностей ногайской кулинарии утрачены. Однако, сохранился напиток коьгай, ногайский шай, сваренный из кирпичного чая (шабар шай) с добавлением сливок и сливочного масла, перца и соли, считающийся до сих пор у современных ногайцев лучшим, едва не утратившим свой ореол божественной благодати. Что весьма примечательно, этот чай проник в рацион почти всех северокавказских народов и популярен до сих пор.

Надо сказать, что молочные напитки, с добавлением молока и различные кисломолочные напитки во всем мире распространены широко и пользуются завидным успехом. Нельзя не ценить, сколь велико их положительное влияние на организм.

Общеизвестно, что первооткрывателями молока и кисломолочных напитков, считаются тюркские кочевники, которым был необходим продукт и питательный, и, длительное время сохраняющий полезные свойства. И не удивительно, что эти продукты пользуются огромным успехом и спросом, практически у всех народов Азии и Кавказа, а, если вспомнить про «йогурты», то у и всей Европы.

Требования рынка, особенности расфасовки и способы подачи потребителю товара привнесли определенные изюминки, но в тоже время, не обошлось и без путаниц. Так получилось, что под словом «айран» стали подразумевать кисломолочные продукты, различающиеся по составу и способу приготовления. Стало привычным считать, что, родина айрана - Балкария, Черкесия и Кабарда. Вероятно, оттуда и пошла путаница.

Древним тюркским народам всегда было известно, что кисломолочный продукт смешанного молочнокислого и спиртового брожения и различной степени закваски, неважно, используется ли коровье, козье или овечье молоко, представляет собой продукт, на русском языке обозначающийся как кефир или простокваша. А вот айран продукт совершенно особый и получается он не в результате окисления молока, а совсем наоборот. Ногайцы хорошо знают, что подлинного айрана много не бывает. И вот почему.

Этот чудеснейший напиток получается в результате приготовления сливочного масла.

Буквально до недавнего времени ногайцы сливочное масло готовили в домашних условиях. По абсолютно тривиальному рецепту, в глиняный, а чаще всего деревянный горшок собирали свежавыжатую (сепарированную) из сливок сметану, при соответствующей низкой температуре для лучшего сбивания. Орудовали вручную, достаточно долго деревянной сбивалкой. Причем, сбивают сметану очень тщательно и до тех пор, пока смесь не начнет «брызгаться». Как только она начнет брызгаться, значит произошло отделение пахты- обезжиренного молочного продукта. Продукт низкокалорийный, содержа-

щий полезные минералы для организма. Напиток удивительно легкий по ощущениям, на вкус сладкий и кислый. В русском языке народное название «масленка», а вот ногайцы называют этот напиток «айран». Слово «айран» по смысловому содержанию обозначает как раз и отделение, имея в виду отделение жидкости в результате сбивания масла. «Айран» в буквальном смысле означает – то, «что отделилось».

Кисломолочный напиток, который неудачно назвали «айраном», образуется в результате окисления и брожения. У ногайцев этот продукт называется «ювырт», что означает «брожение» и точно отражает процесс, в результате которого образуется кисломолочный напиток.

Все эти факты свидетельствуют о том, что национальная традиционная кухня ногайцев своими корнями уходит в глубокую древность. Современные нововведения лишь слегка затрагивают способы приготовления продуктов, сохраняя при этом традиционные основы. Это и не удивительно, ведь натуральные продукты не меняют свойства по истечении времени.

Например, ногайский шай(чай), с молоком, солью и маслом, – с богатой тысячелетней историей, пользу которой сегодня подтверждают и современные ученые, неизменно согрел в морозы, мог охладить в жару, а при наличии домашнего тандыра, служил насыщенным завтраком или обедом.

Да и бодрящие и целебные свойства, хранители молодости и здоровья сегодня оценены по достоинству.

Благодаря своему сложному составу (молоко, масло и соль) ногайский чай содержит много калия, фтора и йода, марганца и натрия, богатый комплекс витаминов.

Правда, вместо сушеного разнотравья, в кипящую воду теперь кладут порубленный плиточный грузинский чай. Да и пропорции несколько изменились. Нынче уместнее говорить о чае с молоком, что впрочем, не противоречит основному принципу приготовления травяного отвара. Древние прекрасно знали, что цельное молоко не всегда хорошо усваивается организмом, что проявляется в чутком реагировании человеческого организма на специфические свойства молока. Смешанное молоко с заваренной травой облегчает усвоение, что делает подобный напиток полезным людям всех возрастов. В свою очередь молоко смягчает вредное действие кофеина и других алкалоидов в чае. А это особенно важно, поскольку вскипяченный чай делает напиток очень крепким.

Более того – молоко и чай, вступая в реакцию, образуют особый питательный комплекс жиров, белков, витаминов и минералов. И к этому еще добавляется натуральный холестерин в составе сливочного масла, питающий мозг, комплекс витаминов, необходимый нашим костям, коже, волосам и глазам, стимулирует обмен веществ. Отлично тонизирует, активизирует умственную деятельность и снимает переутомление. Борется с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, лечит отравления, расстройства желудка, укрепляет иммунитет и спасает от простуд.

Полезные свойства ногайского чая усиливают также и пряности, которые туда традиционно добавляют: так, гвоздика превращает чай в настоящий антипростудный коктейль: убивает бактерии, лечит горло при ангине, снимает жар. Мускатный орех повышает иммунитет, лечит ревматизм и укрепляет нервную систему. Чай с черным перцем помогает наладить работу кишечника, чистит сосуды и действует как отхаркивающее средство. Польза и вред этого напитка уже давно не оспариваются: целебные свойства чая известны на протяжении веков, вред же чая обусловлен только индивидуальной непереносимостью.

Так каким же образом чай с молоком, ставший таким популярным напитком для многих народов, распространился с названием «калмыцкий чай»?

При всей многообразии приводимых различных версий о том, что чай с молоком изобрели тибетцы, монголы или калмыки, назвать хоть одну из них убедительной невозможно.

Не существует никаких фактов, свидетельствующих о передаче тибетцами рецепта приготовления чая монголам или калмыкам. Тюркские народы владели глубокими знани-

ями о тончайших свойствах молока. Они никогда не добавляли в чай с молоком продукты, несочетаемые по своим физическим свойствам. Они, например, знали, что в заваренный чай с молоком добавлять жир или муку, значит усугублять процесс усвоения организмом молока. К тому же жир с молоком не вступает в реакцию.

Тибетцы, монголы или калмыки в старину могли себе это позволить. Некоторые историки утверждают, что «класть в напиток сливочное масло – довольно поздний, «облегченный», вариант – изначально калмыки добавляли в свой чай бараний жир. Напиток древних монголов был еще насыщеннее – чай, молоко, обжаренные кусочки курдюка и бараний костный мозг...»

Так можно поступить лишь в том случае, если не знать принцип взаимодействия травяного отстоя с сырым молоком. Ногайцы знали это четко и способ приготовления чая с молоком или молока с травяным отстоем соблюдали трепетно.

Даже тогда, когда ногайцы вместо сушеного разнотравья стали использовать для заваривания грузинский плиточный чай, они неизменно следовали этим правилам.

Грузинский плиточный или прессованный чай ногайцы стали использовать лишь в XX веке. Он представлял собой прессованные плиты из остаточных крупных листьев и побегов машинной сборки, который не был особенно популярен. На чай шли, главным образом, верхние листья чайного куста. Это был нормальный черный резаный чай из первых листьев, из которого готовили в общераспространенном смысле, без молока, чай, один из древних напитков, известных человечеству. Достоверно известно, что история чая берет свое начало в Древнем Китае.

Именно в Китае были найдены первые достоверные письменные свидетельства о чае. Упоминания о чайном дереве как об особом виде растений встречаются в древнейшем словаре китайских иероглифов «Эрья», основная часть которого была составлена в III веке до н. э. И именно от китайского иероглифа «ча» произошло слово «чай» в большинстве языков мира, который преняли, в том числе, и ногайцы.

Однако, так же достоверно известно, что никогда и в голову не приходила китайцам, тем более грузинам, мысль смешивать чай с молоком, вкус и аромат которого они тщательно оберегали.

Плиточный грузинский чай не обладал таким ароматом, но очень хорошо расщеплял жиры в сыром молоке, с чем не преминули воспользоваться ногайцы. В определенном смысле для них это была находка. С тех пор ногайцы перестали сами собирать разнотравье и стали завозить плиточный грузинский чай из Грузии.

Поскольку плиточный чай не шел в продажу как чай из первых листьев, расфасованный в специальных упаковках, то он считался остаточным чаем. На ногайском языке остаточный чай означает «калмак(или калмык) чай». Первоначально так называли только прессованную плиточку, только со временем стали называть и напиток с молоком «калмык чай». Очевидно, что выражение «калмык чай» ничего другого не означает кроме, как чай остаточный.

Отсюда напрашивается вполне резонный вопрос: «как соотносится подобное название чая с названием народа калмык Республики Калмыкия?»

В этой связи хочу привести весьма любопытный факт. Все дело в том, что название «калмыки» не является самоназванием народа ныне проживающего на территории Российской Федерации в Республике Калмыкия. Единое историческое самоназвание народа, проживающего в Республике Калмыкия, в Монголии(западномонгольские аймаки) и в Уйгурском автономном округе-Синьцзян (Китай) это – ойраты.

В русских исторических источниках ойраты стали называться калмыками, которые, в свою очередь, переняли этот термин из мусульманских, преимущественно тюркских источников.

В XVII веке часть ойратов, проживающих в Монголии, откочевала на европейские территории, и, обосновавшись в низовьях Волги, положила начало современным калмыкам.

Это был период, когда продолжающееся десятилетиями жесточайшее соперничество между московскими и ногайскими кланами, достигло своего пика. Московским правителям тогда удалось натравить ойратов и часть казачества против ногайской верхушки в Ногайской орде. Ногайцы знали, кто такие ойраты. Это для них однозначно, отколовшаяся часть ойратов – калмыки(калмаки), враждовавшие с ними. Среди казачества, выступившие в то время союзниками ойратов против ногайцев слово «калмык» тоже было распространённым, поскольку тогда у них в обиходе был и тюркский(ближе к ногайскому) и не-правильный русский языки, то есть, казачье наречие.

Ногайские правители, вначале не подозревая, что ойраты были наняты Московским государем, писали жалобы на них, называя их «калмыками».

Так постепенно за ойратами и закрепилось название «калмык».

Отсюда следует совершенно логический и однозначный вывод: «калмык чай» вовсе не означает чай «калмыцкий».

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НОГАЙЦЕВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.Б. Межитова

Традиция – это совокупность обычаев, порядков, правил поведения, утвержденных в народе, то, что передается из поколения в поколение, нерегламентировано юридическими установками, но поддерживается силой общественного мнения. Много говорили и писали о развитии культуры, традиций и обычаев ногойского народа, созданы брошюры, где подробно описываются быт и культура народа.

В школах Республики Дагестан придают большое значение в системе образования региональному компоненту «Культура и Традиции Народов Дагестана». В преподавании интереснейшего и крайне необходимого для школьников предмета, руководствуемся золотыми правилами этнопедагогике: «Без памяти исторической – нет традиции, без традиции – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа, как исторической личности». Органическое единство ногойского народа – это ценность особая, её нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни ощутить. Не чувствуется она до тех пор, пока есть, как воздух, но беда нам, если вдруг ощутим его нехватку.

Учителя школ осуществляют на своих уроках воспитательные задачи по следующей проблеме: «Воспитание учащихся на бесценных духовных традициях наших предков». Результатом систематической работы с учащимися по воспитанию духовности является то, что выпускники нашей школы занимают достойное место в жизни, среди школьников нет детей с отклоняющимся поведением. Уроки дополняем различными внеклассными мероприятиями. Стало традицией после завершения изучения больших тематических разделов проводить конкурсы, игры, спектакли на такие темы, как «Национальные блюда», «Народные традиции», «Приветствия народа», «Бабушкин сундук», «История семьи», «Национальный герой». При проведении семинара среди учителей района был продемонстрирован устный журнал на тему: «Материальная и духовная культура ногойцев».

На страницах журнала учащиеся освещали следующие вопросы:

- 1 страница – Приоритеты ногойской пищи;
- 2 страница – Народная медицина ногойцев;
- 3 страница – Героический эпос;
- 4 страница – Народные сказки;
- 5 страница – оркестр народных инструментов;
- 6 страница – Ногойский театр;
- 7 страница – Хореографическое искусство («Айланай»).

Все это приобщает к прошлому, способствует укреплению связи поколений, сохраняет нити, связывающие прошлое и настоящее. Конечно, жизнь не стоит на месте, она неумолимо течет. Меняемся и мы, люди 21 века, но мы любой ценой должны сохранить все лучшее, что выработано нашей духовной историей – нравы, обычаи, нормы взаимоотношений. Настоящее всегда опирается на прошлое, строится на его основе.

Как известно, многие традиции ногойского народа в частности, такие, как, почитание родителей, уважение старших, взаимопонимание, гостеприимство, приветствие берут свое начало в глубокой древности. Изучая традиции и обычаи мы, учителя, готовим их к жизни, правильному поведению в различных ситуациях. Старые обычаи, народный фольклор таит в себе высоконравственные житейские наставления – быть честным, добрым, трудолюбивым, милосердным, любить свой дом, аул, могилы предков. Наши предки умели многое такое, чего нам не понять и не суметь, а многое, к сожалению, не вернуть.

Не могу не остановиться на роли пословиц и поговорок, которыми сопровождаются уроки КТНД. Это такое богатство, такая мудрость. В пословицах и поговорках заключен

вековой опыт народа, они носят поучительный характер. Например, «Сегодняшнюю работу не взваливай на завтра», «Эриншектиньэртенгисикоьп». В пословицах отражены мысли и чувства народа, его мнение о жизни, об отношении к труду. В них ценятся ум, честь, доброта, осуждается лень, скупость, зазнайство, болтливость.

С учащимися мы часто пишем эссе по пословицам и поговоркам, где они раскрывают смысл пословиц, примеряют их к себе, учатся жить правильно. Часто проводим дискуссии на разнообразные темы под общим названием «Прежде и теперь».

Важным элементом духовной культуры является намус–честь и совесть, порядочность людей. Сюда входит много понятий: моральный облик, скромность, гуманизм, любовь к природе, уважение к старшим. По своей значимости и влиянию на воспитание детей большое место в общественном быту занимал институт аталычества. Некоторые родители отдавали детей на воспитание в семью родственника. Мальчик рос там до совершеннолетия, девочка – до замужества.

Главным лицом в семье для детей является отец. Он несет ответственность перед тухумом и джамаатом за нравственный облик семьи. Считалось крайне безнравственным, если допускались случаи непослушания отца и всех старших. В народе говорят: «Дерево держится корнями, а человек – тухумом». Каждый род обычно имел свои обычаи и традиции, регламентирующие поступки людей, поведение каждого члена тухума находилось под строгим контролем. Имелись особо уважаемые, авторитетные люди, указания которых выполнялись безоговорочно. Отступления от общепринятых норм морали, нарушения дисциплины решительно пресекались.

В настоящее время многие родители не уделяют должного внимания воспитанию детей и молодежи, следует серьезно подумать над проблемами изучения и возрождения тухумных традиций. Есть в них много полезного и ценного.

Сущность отношений гостеприимства ярко отражены в пословицах и поговорках. «Гость, даже молодой, старше твоего отца», «Конакатаньнануьйкен».

В современных условиях, когда ослабились отношения между людьми, большую роль в воспитании новых поколений призвано играть возрождение традиций, обычаев народов, служащих основой формирования культуры межнациональных отношений, способствующих становлению дружбы и сотрудничества между представителями различных национальностей, конфессий и культур.

Истина гласит: забота о прошлом – это есть забота о будущем. Чтобы сохранить нравственные ценности седой старины, мы должны их хорошо знать, больше быть с народом, общаться со старожилками пока они живы, пройтись по могилам предков. Ведь уважая свои собственные традиции, мы научимся чтить и чужие, что не менее важно в нашем многонациональном государстве.

СЕКРЕТЫ НОГАЙСКОЙ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЫ ГУЛЬБАНУ

Р.А. Шугаипов

Люди, обладающие паранормальными способностями - целители, знахари, шаманы, маги и другие, всегда привлекают пристальное внимание простого обывателя. Кто-то обвиняет их в шарлатанстве, а кто-то считает, что чудеса на Земле существуют. Но, тем не менее, эти люди мирно сосуществуют рядом с нами и лечат людей нетрадиционными методами.

В пригороде Астрахани в поселке Кири-Кили живет народная целительница **Гульбану Ахмедовна Джалмухамбетова**, обладающая редким даром, доставшемся ей от бабушки. Ногайцы таких людей называют «яракши».

Родилась Гульбану Ахмедовна в 1938 году в с. Староурусовка Красноярского района в крестьянской семье ногайцев-карагашей. Ее отец Ахмед Дасаев был муллой, проводил в селе похоронно-поминальные обряды, а мама Зарифа работала в местном колхозе. По воспоминаниям Гульбану жили они бедно, не хватало еды и одежды, школу не посещала. После смерти отца, в 13 лет вместе с мамой она переезжает в п. Кири-Кили, где двоюродный брат отца Мажит Дасаев дал им кров и пищу. Маленькая Гульбану помогала по хозяйству, убиралась в доме, мама рыбачила в колхозе «Кызыл турмыш» («Красная жизнь»).

Гульбану Ахмедовна рассказывает, что ее бабушка по отцовской линии Инжибийке была известным знахарем в Астраханской области. Посещала больных в селах области, ездила на своей арбе в аулы Казахстана. Лечила от заикания, бесплодия, бессонницы, сглаза, порчи, читала заговоры от падежа скота, гадала на бараньей лопатке. К ней также обращались за помощью слепые, хромые, больные грыжей, страдающие женскими и другими болезнями. Старожилы села до сих пор помнят ее как сильную и могущественную женщину, умеющую не только исцелять, но и наслать беду.

«Как-то она ехала с казахских аулов домой – вспоминает Гульбану, дорогу ей перегородили всадники, скорее всего разбойники, которые потребовали денег и золота. Бабушка пригрозила им, чтобы те немедленно убрались с дороги, но они настаивали на своем. Тогда она рассердилась и одним взмахом руки и взглядом нагнала на людей страх и повалила на землю коней. Разбойники испугались и убежали прочь. Ей редко кто перечил, боялись с ней связываться».

Существует поверье, если целительница не успела передать свой дар в жизни, то она может сделать это после смерти, являясь к своей наследнице во сне. Так и случилось с Гульбану Ахмедовной. Когда в 1959 году она вышла замуж за Азата Джалмухамбетова, то и не помышляла о целительстве. Азат Мухамедович работал в Управлении коммунального хозяйства в Астрахани, Гульбану управлялась по дому, хозяйству, воспитывала четверых детей: сыновей Анвара и Алимбека, дочерей Гульзаду и Гульнару.

Однажды ей приснилась бабушка Инжибийке. И та сказала, что она должна лечить людей. Три ночи подряд во сне передавала она свои знания и умения внучке. Гульбану долго не могла смириться с этим, плакала по ночам, боялась, что не справится. Родственники повели молодую женщину к местному знахарю, и рассказали про сон. Знахарь, посмотрев ее, сказал: «У тебя дар и ты должна лечить людей, иначе сильно заболеешь». Сначала приобретенные знания Гульбану применяла к родным детям, затем к родственникам и соседям.

Сегодня она известна в своем поселке и далеко за его пределами. Услугами целительницы пользуются люди разных национальностей и вероисповедания. Это, прежде всего жители Астрахани и районов области, нередко к ней приезжают люди из других регионов.

Лечит она бездетные семьи, детей от испуга, сглаза, готовит лечебные мази, заговаривает воду, которую для исцеления необходимо пить в определенное время. Знахарь использует и свои руки. Она может прикоснуться к больному месту и, читая при этом определенный заговор, лечить от болезни.

Так, при лечении от испуга и сглаза Гульбану Ахмедовна использует распространенные методы народной медицины, но при этом, читает определенные заговоры, которые известны только ей.

Испуг она отливает с помощью воска и холодной воды. Ребенка усаживает на стул посередине комнаты, растапливает кусок воска и, читая молитвы, выливает горячий воск в холодную воду над головой ребенка. По получившейся форме застывшего в воде воска, она видит, что послужило причиной испуга. В значении этих бесформенных кусков, разобраться может только она. Иногда воск принимает правильные и ясные очертания: фигурки животных, машин, скелета и т.д. После процедуры сбрызгивает воду на ребенка и читает заградительные молитвы.

К ней часто обращаются молодые мамы, у которых постоянно плачет ребенок, отсутствует аппетит и беспокойный сон. Гульбану считает, что в этом случае у ребенка сглаз. По ее словам сглазить могут и посторонние люди, и сами родители ребенка. Если человек впервые видит ребенка нужно три раза сплюнуть и сказать при этом «Менимкозымтиймесен» (тьфу, тьфу, что бы ни сглазить).

От сглаза она лечит таким методом: сначала моет дверные ручки, к которым прикасались руки людей, этой же водой омывает лицо, шею и другие части тела ребенка. Затем берет чашку с водой, 7 спичек и коробок, поджигает одну спичку, подняв ее на уровень лица больного, и, глядя на огонь, говорит молитвенные слова. Сгоревшую спичку бросает в чашку с водой и читает заговор от сглаза. Аналогичным образом поступает со всеми остальными спичками. Количество утонувших спичек свидетельствует о силе сглаза. После выполнения обряда со словами «Бис милах» воду выливает в специальное место, где не ходят люди.

Обращаются к ней и молодые люди, страдающие бесплодием. Перед тем как совершить обрядовое действие она ведет с ними беседу. По ее словам нельзя выяснять отношения в постели, употреблять спиртное, мысли должны быть чистыми и тогда супружеское ложе станет залогом долгих и крепких отношений и господь Бог может послать ребенка.

Гульбану Ахмедовна считает что, прежде чем идти к целителю необходимо личное желание и вера в то, что это ему поможет, иначе все усилия будут напрасны.

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ НОГАЙЦЕВ В ФОЛЬКЛОРЕ

(на материале похоронного обряда)

А.И. Капанова

Семейные обычаи и обряды – неотъемлемая часть культуры и быта ногайского этноса. В них отражаются история, материальная и духовная культура, образ жизни, традиционное мировоззрение народа.

Похоронная поэзия тесно связана с обрядовыми действиями, вне которых она, как правило, не бытует. Зафиксированные тексты свидетельствуют о широком бытовании среди ногайцев многочисленных песен-плачей, причитаний, примет и поверий.

Похоронные обряды и обычаи издавна привлекали внимание исследователей и подробно описаны в работах С.Ш. Гаджиевой¹, Р.Х. Керейтова², М.Б. Гимбатовой³. В них описываются процессы похорон и поминальных обрядов, приводится информация об обычаях, однако опубликованные и зафиксированные тексты остаются неисследованными. Поэтика обрядовых произведений «Хошласув» и «Эстиртуув» характеризуют словесное искусство ногайцев в прошлом и в настоящем. Приметы, поверья и суеверия – элементы народного фольклора, сопровождали человека от рождения до смерти. Ногайцы издревле примечали связь жизненных явлений и старались способствовать предсказанию будущего.

Песни «Хошласув» - предсмертное прощание человека с жизнью и близкими ему людьми [4:71]. На смертном одре, если умирающий находился в сознании, он оставлял завещание «обсиет» и давал распоряжения родственникам по поводу исполнения ими надлежащих функций. Старшей невестке: «Кебинлигим, коьрлигим сандыкта» (Саван и всё необходимое для похорон в сундуке). Младшим невесткам наказывает:

Кол-бет ювдырарсыз. Воды польёте для умывания.
Каьрип этпей, сыйларсыз. Не выставляйте бедной и несчастной, уважите⁴.

К умирающему приглашали муллу или того, кто умел читать молитву. Они читали возле умирающего «Ясин» - отходную молитву (36-я сура Корана). Считалось, что во время чтения молитвы (от сорока до одного раза) человек может «воспрянуть духом или умереть»⁵. Если умирающий находился в предсмертной агонии, запрещалось громко разговаривать, кричать, создавать шум. По поверью, умирающий может испугаться и несколько дней мучиться: «душа не может покинуть тело». По сведениям информаторов, если человеку успели прочесть «Ясин» до отхода в мир иной, то этот человек считается безгрешным. Тот, кто умер без молитвы, считался «имансыз».

Умершему закрывают глаза, ровно укладывают на жёсткое место, лицо обвязывают платком «як байлав», руки вытягивают вдоль туловища, ноги выпрямляют и завязывают, закрывают лицо. Только что умершему человеку читают молитву «иман шарты». По по-

¹ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. – Москва, 1979. – 178 с.

² Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. - Ставрополь, 2009. – 368 с.

³ Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX-начало XX века). - Махачкала 2007. – 344 с.

⁴ Полевые записи Капановой А.И. 15.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Куржиева (Баисова) Зайрат Абдурахмановна, 1951 г. р.

⁵ Полевые записи Капановой А.И. 20.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Кумуков Абдулла Ахмеджанович, 1938 г.р.

верью, платок «як байлав» снимает головную боль тому, кто будет носить этот платок после похорон.

Если человек умер утром, должны хоронить после обеда. Если человек умер вечером, хоронили на следующий день до полудня. По этому поводу говорят: «Эртенъликте оьлсе, кешке коьм» (Утром умер, хорони до заката), «Кешеге калса, суьекке сув тийдирмес» (Если умер вечером, не коснётся вода тела), «Суьекке сув тийсе, суьек туьрленер» (Если вода коснётся, тело изменится), «Оьлиге тоьсек соравы аз болсын» (Хоронить надо, долго не задерживая, чтобы спрос на том свете был меньше)¹. Процедуру обмывания откладывают до утра, а ночью читают молитвы «маульт окув». Покойника не оставляют одного, рядом находятся родные и близкие, это считается богоугодным делом «савап».

Вечером того же дня, с указанием времени мусульманской панихиды «яназы», отправляют всадника-горевестника «атлы» оповещать людей. Одетый согласно этикету, «атлы», по обычаю, должен садиться на лошадь с правой стороны, сходить с левой стороны. Вожжи держать правой рукой, а плётку левой рукой, встречающие по одежде и по тому, как всадник слез с лошади, определяют причину визита «атлы».

Всадник-горевестник прямо не сообщает о смерти, слово «умер» заменяет словами в иносказательной форме «калды» – оставил, «кетти» – ушёл, «дуныядан кешти» – покинул наш мир, «тыншайды» – успокоился, у дагестанских ногайцев: «тайды» – отошёл, «топырак болды» – превратился в прах. Просит проявить «сабырлык» - выдержку и произносит: «Авыр хабар ман келгенмен, ювыгынъыз калган». (Пришёл с тяжёлой вестью, близкий родственник оставил нас).

«Эстирту» - песня горестного известия о смерти близкого человека [3:207]. Тот, кто услышал горестную весть, причитает:

Сувык соьз эситкенлей,	Услышав печальную весть,
Колымдагы шалым туьсип кетти.	Из рук выпала шаль.
Басымдагы акылым шашылды.	Мысли рассеялись.
Эки аягымнынъ бувыны босап,	Ноги подкосились,
Тирсекке туьсти кайгы ² .	Горе нас постигло.

Один из этапов похоронного обряда связан с подготовкой покойника к погребению. Для выкапывания могилы «кабыр казув» измеряют конституцию умершего. По примете, мягкая земля характеризует мягкость характера умершего. У мусульман в могиле на правой стороне ямы делают подкоп – нишу, чтобы земля не касалась тела.

Процедура обмывания «суьек юув» тоже имеет свои правила. Для совершения этого обряда приглашают ритуального человека «суьек юватаган», которого выбирает эфенди. «Он должен быть чистым телом и душой, скромным и совершать намаз, – рассказывает эфенди аула Икон-Халк Кумуков Абдулла Ахмеджанович. – Рядом стоят два-три помощника из близких родственников, мулла читает молитву»³.

Вот что рассказывает информант Елизавета Джелкашиева из города Черкесска, родом из аула Адиль-Халк: «Сначала обмывают голову, рот, нос, правую и левую кисть руки, правую лопатку и левую, а потом всё тело. Для обмывания из кусков ткани шьют рукавицы «колгап» или просто обматывают руки кусками ткани»⁴.

На кладбище, в специально отведённом для этого помещении, хранятся специальное деревянное приспособление для обмывания «шапыраш», «лахат» (букв. лестница), таз

¹ Полевые записи Каплановой А.И. 15.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Куржиева (Баисова) Зайрат Абдурахмановна, 1951 г. р.

² Там же

³ Полевые записи Каплановой А.И. 20.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Кумуков Абдулла Ахмеджанович, 1938 г.р.

⁴ Полевые записи Каплановой А.И. 21.10.2014 г. в городе Черкесске Карачаево - Черкесской Республики. Информант Капаева (Джелкашиева) Елизавета Махмудовна, 1943 г. р.

«суьек ювув элекен», ведро «шелек», ковшик «шوماка». Информант Анапиева Клышхан из аула Адиль-Халк, рассказала о принадлежностях «кебинлик» - саван и «коьрлик» - всё необходимое для погребения: «С «кевинлик» делают «аьхирет кийим» - «райскую одежду», для этого нужно 10 - 15 метров белого материала, нитки и иголка. Для обмывания тела нужны: душистое мыло, одеколон или духи. Для укрывания тела готовят «ясыл казбалы» - зелёный атласный платок и «ямшы» - бурку¹. В настоящее время бурку заменяют зелёным ковром или покрывалом. «Ритульный человек принимает «абдес» и делает намаз. После обмывания покойника обворачивают в белый саван. Умершую женщину заворачивают 5 раз, мужчину 3 раза»². Тело умершего «суьек» кладут на «шапыраш» (*диал.* «лахат»). Лицо оставляют открытым, лоб прикрывают платком «казбалы». После обряда обмывания мулла разрешает заходить для прощания. Нельзя плакать, прикасаться к покойнику, подходят тихо, поочерёдно проводя левой рукой над лицом, просят прощения «разылык алув», произносят пожелания: «Аллань разы болсын, мен разыдай», «Пусть Всевышний благоволит, как я. «Еннеттинь ети капысы алдынъда ашылсын», Пусть семь дверей рая откроются перед тобой. «Тар кабырынъ кенъ болсын», Пусть тебе будет просторно в тесной могиле. «Каранъа коьринъ ярлык болсын». Пусть в тёмной могиле станет светло»³. После чего затягивают «кебин» на голове и на ногах. Укрывают тело буркой «ямшы».

Тряпки, перчатки и использованную воду обмывания закапывают в специальную яму там, где не ступает нога человека. Считается, что наступивший на это место заболеет. Воду и остатки савана «кебинлик» недоброжелатели могли использовать для чёрной магии.

Следующий этап погребального обряда – «яназы» - мусульманская панихида. Мулла читает молитву 7 раз до выноса из дома, затем разрешает выносить тело. Тело выносят ногами вперёд. По поверью, вынос покойника вперёд ногами гарантировал невозможность его возвращения. У дагестанских ногайцев перед воротами топором разрубают землю, чтобы горе не возвращалось, как бы разрубают горе.

«Яназы» – это одна из последних почестей, оказываемых умершему. Мулла рассказывает о жизни покойного, о его благих деяниях и обращается к собравшимся: «Кимнинъ хаьтерин калдырган болса, борышы бар болса, бералмай калган болса, кеширесизбе, ямагат?». Ямагат: «Кеширемиз!» - «Если кого обидел, остался его долг и не смог вернуть, прощаете, люди?» - Народ хором отвечает: «Прощаем!». Мулла со словами: «Пусть больше не будет горя у народа», - разрешает поднять покойника. Близкие родственники с пожеланиями: «Халкка арты ярассын» (Пусть оставшимся на этом свете будет мир) поднимают «шапыраш» и выносят умершего со двора. Хоронить приходят все, кто знал покойного.

По суеверию похоронную процессию нельзя перебегать, переезжать, обгонять, смотреть вслед, иначе может случиться недоброе. Детям разрешалось кинуть через спину камень со словами: «Дуныямызга ийгилик болсын» (Пусть будет хорошее для нашего мира). По поверьям, если умерший снится, то его нельзя впускать в дом, ничего нельзя давать, иначе заберёт к себе живых. Но если покойник во сне что-нибудь даёт, это является добрым знаком.

Провожая в последний путь, женщины громко начинают оплакивать:

Каранъа коьрге кетпеге неге асыктынъ?

Балаларынънын коьзине де карасанъ.

Солардынъ ийгиликлерин коьрсенъ.

¹ Полевые записи *Каплановой А.И.* 23.10.2014 г. в ауле Адиль-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Анапиева (Абезекова) Куьшлихан Хасановна, 1939 г. р.

² Полевые записи *Каплановой А.И.* 20.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Кумуков Абдулла Ахмеджанович, 1938 г.р.

³ Полевые записи *Каплановой А.И.* 15.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Куржиева (Баисова) Зайрат Абдурахмановна, 1951 г. р.

Сендей энди ким болар?
Олардынъ басыннан ким сыйпар?
Аруьв соьзин ким айтар?
Ата бувын (дух) ким берер?¹.
Посмотрел бы в глаза детей,
Увидел бы их сладкую жизнь.
Кто теперь, будет как ты?
Кто их по головке погладит?
Кто им хорошие слова скажет?
Тепло отца им кто даст? (*подстр. перевод А. К.*).

Плачевная песня возникает в определённый момент как результат глубоких внутренних переживаний, вызванный смертью близкого человека «экспромтом»².

Невестки, держа тазик в левой руке, кумган в правой руке, наливают воду плакальщицам для споласкивания лица. Затем все вместе делают молитву «дува».

Помещение, где находился покойник, по традиции, убирают женщины. Это могут быть невестки, соседские женщины или сёстры жены покойника. Считается, это богоугодное дело «оны эткен саваплык». По поверьям, участники проведения обряда обмывания и умывания, считаются ритуально чистыми, безгрешными.

Выносят «садака» живую курицу, два яйца и мерку муки», раздают малоимущей семье³.

По преданию, символически вместе с покойником народ уносит со двора на кладбище: «ырызкысын, берекетин, наьветин, яшавда эткен савабын, куьнасын» - добро, которое нашёл покойник, богатство, богоугодные дела, грехи. На кладбище остаются грехи, остальное с народом возвращается во двор.

«Похоронная процессия, дойдя до кладбища, ложит «шапыраш» и читает «дува». Затем «шапыраш» несут к могиле, мужчины становятся в круг для чтения молитвы «даур согув». Мулла спрашивает у каждого: «Куьнасин аласынъма?» (Грех забираешь?) стоящий отвечает: «Аламан» (Беру). Тем, кто читал молитву, дают садака «исхати салат». Затем принимают абдес, строятся для «яназы намаз» - намаз мусульманской панихиды. Считается, что если на «яназы намаз» становилось сорок человек, у этого человека «Кабыр сораьы ензил болады» (Спрос на том свете будет меньше)⁴.

Мулла со словами «Бисмилла бир Алла» - (Ты один Всевышний) с двумя родственниками спускается в яму для укладывания покойника в нишу. До этого развязывают повязки над головой и на ногах покойника. Нишу прикрывали доской «алагат» (ныне заменили кирпичами), чтобы земля не касалась умершего. На могиле закрепляют временный столбик с дощечкой с инициалами покойника (до установления каменной плиты) и читают молитву⁵.

Близкие родственники идут впереди, с плачем заходят во двор, женщины встречают их с плачами:

«Кара ерге салып келдинъизбе?
Сувык ерден, каранъадан коркатаган аруьвим,
Кайтип ятар экенсин капа коьрде?
Эндигиси йокты, аруьвим,

¹ Полевые записи *Каплановой А.И.* 15.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Куржиева (Баисова) Зайрат Абдурахмановна, 1951 г. р.

² *Мижаев М. И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. – Черкесск, 1973. – С. 133.

³ Полевые записи *Каплановой А.И.* 20.10.2014 г. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Кумуков Абдулла Ахмеджанович, 1938 г.р.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Онда барган кайтпайтаган,
Кайтып, уйин таппайтаган¹.
Положили ли на чёрную землю?
Холода и темноты боялся мой хороший,
Как будешь лежать в могиле?
Нет теперь моего хорошего.
Кто туда уходит, тот не возвращается,
Не возвращается и дом свой не находит (*подстр. перевод А. К.*).

Мужчины во дворе издавали «аваз», извещали о печальной вести. У ногайцев Дагестана во время похорон издают «аваз» низким голосом. По поверьям, если «аваз» не издавали, покойник уходит глухим.

При прощании мужчины пожимают руки близким родственникам с пожеланиями: «Алла муттырмасын» - «Аллах не даст забыть», «Арты ийгилик болсын» - «Пусть остальным будет мир», «Еринде еннетли болсын» «Пусть ему будет рай».

В течение трёх дней у могилы мулла читает молитву в присутствии близких родственников. В доме умершего до семи дней по вечерам читают молитвы.

Этнографический контекст фольклорных текстов придаёт художественному произведению национальную самобытность. Поэтика фольклорных жанров имеет познавательное значение и отражает художественное мышление ногайцев.

¹ Полевые записи Каплановой А.И. 23.10.2014 г. в ауле Адиль-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики. Информант Анапиева (Абезекова) Куышлихан Хасановна, 1939 г. р.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕКСИКЕ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

С.А. Кукаева

Земледелие – один из древнейших и важнейших видов хозяйственной деятельности человека. С развитием земледелия связано появление многих важных элементов материальной и духовной культуры, целых систем обычаев, обрядов, богатого фольклора и религиозных верований. Земледельческая лексика представляет ценнейший материал как для изучения становления и развития земледелия, так и для исследования истории языков и ряда культурно-исторических вопросов.

Формирование земледельческой лексики ногайского языка – длительный процесс, тесно связанный с историей развития ногайского народа и его языка. О раннем знакомстве ногайцев с земледелием свидетельствуют древние письменные памятники тюркских народов; исторические источники; топонимы и антропонимы; фольклорно-эпические сказания ногайского народа; система питания ногайцев и др.

Многие исследователи, исходя из неверного положения о том, что все ногайцы без исключения были кочевниками-скотоводами, отрицали факт наличия земледелия у ногайцев или ограничивались указанием основной отрасли ногайского хозяйства – животноводства. Между тем, факты говорят о другом. Население Ногайского ханства уже в начале XV в. разделялось на оседлое и кочевое, на городское и сельское, на скотоводческое и земледельческое¹. Мировой исторический процесс протекал в условиях тесного взаимодействия кочевой и оседлой цивилизаций. Согласимся с мнением казахского ученого Е.Д. Турсунова об отсутствии «чистых» кочевников, «кочевая и оседлая цивилизации в истоках имеют один и тот же корень – синкретический охотничье-собирательский и земледельческо-скотоводческий образ хозяйствования»².

Ценные сведения о земледелии у ногайцев мы находим в трудах русских и зарубежных авторов, собравших богатый фактический материал не только по литературным источникам, но и по личным наблюдениям. Важные сведения о земледелии у ногайцев содержатся в многочисленных путевых заметках и описаниях зарубежных авторов: Эль-Омари (14 в.), И. Барбаро (15 в.), А. Контарини (15 в.), М. Меховского (15 в.), М. Броневского (16 в.), Жана де Люка (17 в.), Э. Челеби (17 в.), А. Олеария (17 в.), П.С. Палласа (18 в.), К. Пейсонеля (18 в.), И. Георги (18 в.) и др.

Еще в конце 14 века арабский ученый Эль-Омари писал, что «чаще всего встречается у них (*ногайцев*) просо, им они и питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда их»³. Венецианский дипломат Барбаро (XV в.), побывавший в местах поселения ногайцев, отмечал, что «иногда они получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи»⁴. Очень важным является замечание М. Пейсонеля (XVIII в.) о том, что ногайцы обрабатывали свои поля легким пахотным орудием, и что у них существовала переложная система земледелия: «Ногайцы почти никогда не обрабатывают два года подряд одни и те же земли». Большой интерес представляет и сообщение М.Пейсонеля о том, что ежегодно более 200 тыс. германских кос поступало в Крым, где большое количество их покупали ногайцы»⁵. По свидетельству И.Г. Георги, ногайцы «сеют просо, ячмень, пшеницу, изредка лен и коноплю, некоторые огородные

¹ Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994. – С. 34.

² Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 6.

³ Цит. по Кочкаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. – Алма-Ата, 1973. – С. 30.

⁴ Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15 – 18 вв. – Махачкала, 1999. – С. 93.

⁵ Пейсонель М. Западно-кавказские горцы и ногайцы в 18 столетии по Пейсонелю // В изложении Е.Д. Фелицина. – Кубанский сборник. Выпуск II. – Екатеринодар, 1891. – С.184.

растения и табак»¹. В документах 1830 г. сообщается о закубанских ногайцах, которые сеяли «пшеницу, ячмень, овес, просо, кукурузу, в большом количестве полбу, множество табаку и собирали все с избытком»².

Ногайцы занимались также разведением огородно-бахчевых культур: «желтых дынь и арбузов доставляли в Астрахань на рынок по очень дешевой цене»³. По определению саксонского профессора Тунманна, «...почва одна из самых прекрасных и плодородных, спаржа, чеснок и лук растут в большом количестве»⁴. «Оседлые ногайцы Терекли-Мектеба сеяли арбузы, огурцы, редьку и прочее», - писал Т.Ф. Малявкин⁵. Проезжая по западной части Караногайской степи профессор А. Якобий видел «много полей и бахчей»⁶.

В сообщениях русских и иностранных авторов содержится информация и о некоторых блюдах, приготовляемых из продуктов земледелия: «Простой народ употребляет толченое пшено, разведенное водою или молоком и называемое обыкновенно касса»⁷. Об этом же писал Барбаро: «Каждый из наездников берет с собой небольшой мешок, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда»⁸. «Хлеб-пышку ногайки готовят самым простым способом. Они готовят из муки тесто, положив вместо дрожжей сыворотку от кислого молока»⁹.

Знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби вспоминал, как он гостил в доме ногайского мурзы: «В просторном доме Арсланбека мы насладились кониной, бузой и талканом»¹⁰.

Разносторонние и интересные сведения о хозяйственной деятельности ногайцев имеются в трудах русских авторов досоветского периода В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, А.А.Гераклитова и др. В дореволюционной литературе был накоплен богатый фактический материал по хозяйству ногайцев. Но данная проблема не получила в этот период систематизации и должной научно-теоретической разработки.

Многие аспекты социально-экономического положения и хозяйственной деятельности ногайцев рассматриваются в трудах отечественных историков М.Г. Сафаргалиева, Е.П. Алексеевой, С.Ш. Гаджиевой, Б.Б. Кочекаева, Д.Н. Кужелевой, Е.А. Поноженко, И.Х. Калмыкова, А.И. Сикалиева, Р.Х. Керейтова, В.В.Трепавлова, Д.С. Кидирниязова, Б.А.Калоева и др.

В исследованиях отечественных историков советского периода и новейшего времени на основе всестороннего анализа раритетных источников и архивных документов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, дается подробный анализ хозяйственной деятельности ногайцев, освещаются многие аспекты социально-экономического положения и делается вывод, что преобладавшее ранее мнение о чисто кочевом, скотоводческом характере хозяйства ногайцев является ошибочным. Там, где климатические и почвенные условия позволяли, ногайцы наравне с животноводством занимались и земледелием.

¹ Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15 – 18 вв. – Махачкала, 1999. – С. 368.

² Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. – Алма-Ата, 1973. – С. 82.

³ Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15 – 18 вв. – Махачкала, 1999. – С.234.

⁴ Там же – С. 394-395.

⁵ Малявкин Г.Ф. Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3, кн. 2. – Владикавказ, 1893. – С. 154.

⁶ Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. – СПб., 1901. – С.10-11

⁷ Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15 – 18 вв. – Махачкала, 1999. – С. 149.

⁸ Там же – С.86.

⁹ Там же – С.10.

¹⁰ Там же – С. 266.

Развитие земледелия у ногайцев способствовало выработке различных обрядовых праздников, подчиненных календарю, быту и культуре народа. Двенадцатилетний животный цикл, занимавший значительное место в жизни ногайцев, отражает и земледельческую культуру народа. Года цикла делились на урожайные и неурожайные. Урожайными считались годы мыши «*шышкан йылы*», коровы «*сыйыр йылы*», барса «*барыс йылы*»¹.

У ногайцев бытовали, имеют место и в настоящее время различные праздники, обрядовые игры, связанные с земледелием: *сабантой* «сабантой» (букв. «праздник плуга») праздник первой борозды, означавший собой начало нового сельскохозяйственного года; *орактой* (букв. праздник серпа), праздник, проводившийся перед жатвой; *ындыртой* (букв. «праздник тока») праздник, посвященный окончанию жатвы; *тепреиш* праздник весны; *такта куршак ойыны* (букв. «игра в деревянную куклу») обряд вызывания дождя (в диалектах «*Аьндир – Шопай*»); *курманлык* обряд жертвоприношения в честь окончания уборочных работ и др.

Некоторые тамги также указывают на наличие земледельческого хозяйства у ногайцев: *сенек тамга* «тамга вилы», *шыгыр тамга* «тамга чигирь» (*шыгыр* «колесо», часть поливного устройства). На хозяйственные значения этой тамги впервые обратил внимание П.И. Небольсин. Известный просветитель ногайского народа А.Ш. Джанибеков при классификации ногайских тамг отнес знак «чигирь» к земледельческому хозяйству².

Развитие земледелия нашло глубокое отражение и в ногайском ономастиконе. На наличие земледелия у ногайцев указывают ногайские топонимы: *Ызгав тоьбе* «холм Ызгав» (*ызгав* «приспособление для просеивания проса + *тоьбе* «курган»); *Байхамбар ындыр* (*Байхамбар* «пророк» + *ындыр* «ток»); *Мынь шаржан* название поля (букв. «Тысяча сажений»); *Орак авылы* «аул мурзы Орака» (*орак* «серп») ³.

Некоторые земледельческие наименования входят в состав антропонимов – сложных слов: *Бийдайхан* (*бийдай* «пшеница» + *хан*); *Ындырбай* (*ындыр* «ток» + *бай*); *Сабанакай* (*сабан* «плуг» + *акай*) и др.

В пословицах и поговорках выражается отношение народа к земле:

Кырк йыл сабан айдасань, бир йыл туьренинь алтынга тиер «Если сорок лет будешь пахать, лемех твоего плуга в один год коснется золота».

Савды ок шолак этер, шолакты орак ток этер «Здорового стрела сделает калеккой (*безруким*), безрукого (*неумеху*) серп сделает сытым».

Фразеологические единицы создают неповторимую в своем национальном колорите языковую картину мира. В ногайском языке более 100 земледельческих названий выступают в качестве ядерных слов-компонентов фразеологических единиц: *сокыр тавыкка баьри де тары* «слепой курице все кажется просом»; *тили мен туьйирмен уьйируьв* «бездельничать» (букв. «языком мельницу молотъ»); *аслыкты бавырга йюьв* «завершить уборку урожая» (букв. «прижать урожай к груди»); *талкантоьк* «расточительный человек» (букв. «рассыпающий талкан»); *экеген ерге биткен* о цепком, хватком человеке (букв. «взойдет там, где не посеян») и др.

В земледельческой лексике ногайского языка нами выделены следующие лексико-семантические группы:

1. Названия, связанные с анатомией растений: тамыр «корень», *сабак* «стебель», *япырак* «лист», *масак* «колос», *шешекей* «цветок», *урлык* «семя», *йибек* «рыльце кукурузы», *шашак* «метелка» и др.

2. Названия злаковых культур: *тары* «просо», *арпа* «ячмень», *бийдай* «пшеница», *борай* «полба» – засухоустойчивый сорт пшеницы, *сулы* «овес», *карабийдай* «рожь», *наьртуьк* «кукуруза», *бурыж* «рис», *караярма* «гречиха» и др.

¹ Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989. – С. 96.

² Джанибеков А.-Х. Ш. Очерки по истории ногайцев // Архив КЧИГИ. Ф. 2, оп.1. – 1935. – С. 12.

³ Булгарова М.А. Ногайская топонимия. – Ставрополь, 1999. – С. 53.

3. Названия технических культур: *куьнайлан* «подсолнечник», *кендир* «конопля», *мамык* «хлопчатник», *туьтин* «табак», *шувылдыр* «свекла», *аьжитары* «сорго» и др.

4. Названия бобовых культур: *ногыт* «фасоль», *буришак* «горох», *буришак ногыт* «соя», *ясмык* «чечевица» и др.

5. Названия огородных культур и пряновкусовых растений: *соган* «лук», *сарымсак* «чеснок», *пыхы* «морковь», *турп* «редиска», *шибэжий* «жгучий перец», *татыран* «хрен», *коны* «укроп», *даьришин* «корица», *топалак* «душистый горошек» и др.

6. Названия бахчевых культур: *карбыз* «арбуз», *кавын* «дыня», *кабак* «тыква», *кавын-бала*, *кыяр* «огурец» и др.

7. Названия процессов, связанных с обработкой почвы, севом, выращиванием урожая: *сабан айда-* «пахать», *тырна-* бороновать; *эк-*«сажать», *ота-* «полоть», *кос ал-* «про-реживать», *босат-* «рыхлить», *комла-* «окучивать», *семирт-* «удобрять», *дарман буйрк-* «опрыскивать», *бастыр-*«молотить», *аслык йый-* «убирать урожай» и др.

8. Названия орудий обработки почвы и уборки хлебов: *сабан* «плуг», *тырнавыш* «борова», *шапкы* «тяпка», *орак* «серп», *маьтик* «мотыга», *шалгы* «коса», *ызгав* «просорушка», *термен* «мельница» и др.

9. Названия сорняков и вредителей растений: *айравык//актамыр* «пырей», *шырмавык* «вьюнок», *алабота* «лебеда», *аткулак* «конский щавель», *семизот* «солянка», *карабас* «суходольная осока»; *касарткы* «клещ», *сасыккуьзен* «хорек», *сокырюмыран* «крот», *сuumme* «тля//моль», *туьнбоьжек* «жук - вредитель», *шегертке* «саранча», *бийдай буйршеси* «долгоносик» и др.

10. Названия обрабатываемых участков земли и типов почвы: *тарлав* «поле//пастбище»; *кыр*, *ызан* «поле», *авла*, *бакша* «огород», *топырак* «почва», *кара ер* «чернозем», *балишык ер* «глинозем» и др.

11. Термины, связанные с удобрениями и ядохимикатами: *семирткиш* «удобрение», *азыкландырув* «внесение удобрений в почву», *минерал семирткишлер* «минеральные удобрения», *органикалык семирткишлер* «органические удобрения»: *куьл* «зола», *кок* «сучой навоз», *кый* «овечий помет» и др.

12. Ирригационная терминология: *сув куьв* «полив», *сувгарув* «орошение», *арык* «арык», *йылга* «река», *куйы* «колодець», *буйгит* «запруда», *бувам* «пруд», *шокырак* «ручей», *сув саклавыш* «водохранилище».

13. Наименования продуктов земледелия и национальных ногайских блюд: *ун* «мука», *туьй* «пшено», *ярма* «крупа», *бурыж* «рис», *оьтпек* «хлеб», *талкан* «талкан» (жареная кукурузная мука), *боза* «буза», *бавырсак* «жареная лепешка из кислого теста», *катлама* «жареное изделие из слоеного теста» и др.

Рассмотрим более подробно некоторые названия зерновых культур.

Зерновые культуры обозначаются словосочетанием «*буйртикли асылклар*», зерновые колосовые «*масаклы буйртикли асылклар*».

Бийдай «пшеница». Это самая ранняя хлебная культура на земле, с которой человек познакомился еще до возникновения земледелия, так как орудия ее сбора и песты для дробления зерна найдены в стоянках древнекаменного века. Пшеницу возделывали уже в VII тысячелетии до н.э. О пшенице, возделываемой ногайцами, И.В. Бентковский писал, что «пшеница их всегда была тяжеловеснее и лучше очищенная, и потому всегда ценилась выше» (Бентковский 1883: 88).

Общетюркское слово: к.-балк., караим., кумык. *будаь*, кирг. *буудаь*, казах. *бидай*, узб. *бугьдай*, туркм., тур. *бугдай*, башк. *бодаь*. Лексема отражена в древнетюркском словаре¹. Этимология точно не установлена. М. Рясянен предполагает заимствование, источником которого является аккадское наименование одного из видов пшеницы –

¹ Древнетюркский словарь. – Л., - 1969. – С. 120.

buttutu>bödet. А. Йоки видит в данном фитониме древний китаизм¹. По мнению К.С. Кадыраджиева: «тюркский фитоним состоит из корневого компонента *богъ* «зерно» и аффикса с расширительно-уменьшительным значением *-тай/ - дай*»².

Эрте-эрте заманда, бийдай бузга биткен заманда фольк. «В давние-давние времена, когда пшеница росла на льду».

Тары «просо» – один из древнейших и наиболее распространенных зерновых злаков, являлся главной культурой земледелия ногайцев. Саксонский профессор Тунманн (XVIII в.) писал о ногах: «Более всего сеют они красное и желтое просо, очень крупнозернистое, служащее им ежедневной пищей»³.

Появление слова «*тары*» относится ко времени языкового единства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков. Финоним относят к глаголу *тары* - «сажать, сеять, возделывать землю»⁴. Лексема представлена и в древнетюркских памятниках; *тарыгъ* «просо», «зерно», «злак», «хлеб», «земледелие», «землепашество»⁵. В различных фонетических вариантах существует во всех тюркских языках: башк., казах., ккалп., к.-балк., караим. *тары*, азерб. *дари*, узб. *тарикъ*, кумык., тат. *тари*, кирг. *тару*, туркм., тур. *дары*, гагауз. *тарас*.

Тавыктынъ туйсине тары энер посл. «Курице приснится просо».

Тары шашкан боза ишер посл. «Посеявший просо будет пить бузу».

Арпа «ячмень». Форма *арпа* отмечена в ДТС⁶. Слово широко представлено в тюркских языках: к.-балк., башк., казах., туркм., кумык., ккалп., кирг., узб. *арпа*. Для монгольских языков этот фитоним, как и для тюркских, является общим: монг. *арвай*, маньч. *арфа*, калм. *арва* «ячмень», «овес», бур. *арбай* «рожь», «ячмень». Происхождение спорно. Одни исследователи (Л. Дёрфер, Л.Котвич, А. Йоки, Г. Рамстедт, Л. Дмитриева) видят в нем заимствование, другие считают тюркизмом (Э. Севортян, В. Егоров, Г. Корнилов). По В. Егорову *арпа* восходит к глаголу *ар* - «вертеть», «кружить», «рассыпать», «разбрасывать»⁷.

Арпа емес аргымак ажырыкка заър болар посл. «Аргамак, пренебрегавший ячменем, может не найти и свинороя».

Алтын-куьмис тас экен, арпа-бийдай ас экен посл. «Золото и серебро - это камень (ничто), ячмень и пшеница - это пища (еда)».

Наьртуьк «кукуруза». Родина кукурузы - Америка, где ее возделывают около 5 тыс. лет. Народность мая, проживавшая на нынешней территории Мексики еще за 500 лет до н.э., наряду с другими зерновыми успешно культивировала кукурузу. В Европу завезена в конце XV в. В России кукурузу стали возделывать с 1647 года по указу императора Николая I, но прижилась она сначала только на Кубани.

А.К. Шагиров возводит к каб.-черк. *нартыху*, где первая часть «*нарт*» увязывается с именем героев эпоса + *ху* (фы) «просо в зерне»⁸. Имеются попытки этимологизировать наименование *наьртуьк* и на тюркской основе: *нар* «большой, крупный» + *тюк* «зерно, семечко, пшено»⁹. Кукуруза является зерновой культурой, близкой пшенице. Видимо, поэтому ее называют индийским просом, турецкой пшеницей, индийской пшеницей. Крым-

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Т. 4. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С.462-463.

² Кадыраджиев К. С. Историческая морфология имени в кумыкском языке: Автореф. дисс..... доктора филол. наук. – Махачкала, 1999. – С.21.

³ Кидирнязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15 – 18 вв. – Махачкала, 1999. – С.395.

⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Т. 4. Лексика. – М.: Наука, 2001. – с.466

⁵ Древнетюркский словарь. – Л., - 1969. –С.537.

⁶ Там же – С.53.

⁷ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Т. 4. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С.460.

⁸ Кадыраджиев К. С. Историческая морфология имени в кумыкском языке: Автореф. дисс..... доктора филол. наук. – Махачкала, 1999. – С.28.

⁹ Шихмурзаев Д. М. Аьжибийдай кайдан шыккан? // Тувган ерим. – Махачкала, 1988. – С.65.

ские татары называют ее египетской пшеницей «*мисыр бодае*». Степные ногайцы называют кукурузу «*аьжибийдай*» (букв. «паломничья пшеница»), возможно, была завезена паломниками из центра мусульманства – Мекки.

Сулы «овес». В древних и средневековых тюркских памятниках названия овса не отмечены. Отсутствие не только общеалтайского, но и общетюркского, общемонгольского названий овса согласуется с археологическими данными, согласно которым овес вошел в культуру достаточно поздно, в эпоху железа, первоначально сопровождая пшеницу как ее сорняк¹.

В ногайском языке сложилась довольно полная, емкая и целостная система земледельческих наименований. Существование обширной, разветвленной земледельческой лексики свидетельствует об интенсивном занятии ногайцев в течение многих веков земледелием. Лексика земледелия выступает как один из наиболее богатых и древних пластов лексического фонда ногайского языка.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Т. 4. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С.464.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ НОГАЙСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Ф.А. Кусегенова

Наряду с пословицами и поговорками важное место в ногайском фольклоре принадлежит загадкам, которые являются одним из самых древних жанров. Их создатели занимались скотоводством, земледелием, садоводством, бахчеводством, рыболовством, охотой, ремесленничеством, что и нашло отражение в самих загадках¹.

Первый опыт публикации ногайских загадок (всего 47) на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык принадлежит С. Калмыковой-Джанибековой². В данной статье проанализированы народные загадки и даны их подстрочные переводы, работа с которыми связана с определенными трудностями. «Памятники данного жанра, как и другие, содержат массу архаизмов, диалектизмов, древних и сложных оборотов речи, уже не говоря о названиях предметов исчезнувшей материальной культуры народа»³. Отсутствие необходимых словарей осложняет переводческую деятельность.

В старину люди относились к загадкам очень серьезно, используя их в выборе хана, ведущего в состязаниях, а также, чтобы скрыть свои намерения, уберечь от «нечистой силы» семью, жилище, скот, орудия труда. С их помощью проводили испытания на мудрость, находчивость, образованность.

Загадки нередко являются необходимыми сюжетными компонентами легенд и преданий. В сказках они используются для проверки сообразительности и находчивости героя, например, в «Умной девушке» («Акыллы кыз») ⁴.

«Отправился однажды бедный старик искать своих овец и пришел на ханскую землю. На просьбу о прощении хан ответил ему:

– Даю тебе три дня, чтобы разгадать смысл слов «твердый», «мягкий», «мирный».

Старик рассказал обо всем дочери, и та подсказала ему ответ. На следующий день он приходит к хану и говорит:

– «Твердый» – это топот коня, «мягкие» – копыта верблюда, а «мирная» – любовь между мужчиной и женщиной.

Хан потребовал разъяснить ответ. Дочери бедняка пришлось идти к хану и все объяснять:

– «Твердый» – топот коня. Однажды я стирала и услышала чей-то топот, но стоял туман, и я ничего не разглядела. Через какое-то время заметила коня, который шел тихо, будто птица летела.

«Мягкие» – копыта у верблюда. Однажды мы постригли овец, мама положила шерсть в сарай и велела мне сторожить. Как в эту ночь я не старалась быть внимательной, шерсть у нас украли. Оказалось, что ее увезли на верблюде.

«Мирная» бывает любовь между мужчиной и женщиной. Однажды мои родители сильно поругались, и я подумала, что утром они разойдутся. Если бы я осталась с отцом, мне было бы жалко мать, а если бы ушла с матерью, то мне было бы жалко отца. Всю ночь не могла заснуть, а утром смотрю, – родители разговаривают, смеются, как будто ничего и не было, так они и живут вместе.

¹ Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык / Сост. и переводчики: Р.А-К. Ортабаева, А.И. Сикалиев, Х.С. Братов, О.А. Гудимова, Л.А. Борокова / Под общей ред. А.В. Шишкановой. – Черкесск, 2011. – С. 125.

² Труды Черкесского научно-исследовательского института. – Черкесск, 1954. – Вып. 2. – С. 326–328.

³ Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык... – С. 125–126.

⁴ Верная спутница: Сб. ногайских народных сказок / Сост. Т. Акманбетов. – Черкесск, 1985 (на ног. яз.). – С. 42–43.

Хан согласился и вернул старику овец. А когда он отправил к ней сватов, та ответила: «15 ягнят, 20 козлят, 40 пут, 60 оков, 70 галушек». Хан все понял и сказал: «15 ягнят означают, что она – пятнадцатилетний ребенок, 20 козлят – в двадцать лет я в горах разбойничал, 40 пут – в сорок я освободился от пут, 60 оков – мне шестьдесят лет, а 70 галушек – это моя старость. Что я могу ей дать? Пусть она выйдет замуж за любимого и будет счастлива».

В сказке «О том, как бедная сирота стала ханшей» («*Оьксиз кыздынъ патша болувы*») загадка определяет дальнейшую судьбу героини¹.

«У одного старого хана не было наследников, и он собрал своих визирей, чтобы выбрать из них преемника на престол. На его вопросы «Далеко ли до запада или близко?», «До неба далеко или близко?» они ответили: «Далеко!», а на вопрос «До кладбища далеко или близко?» хором крикнули: «Близко!»

Хан рассердился. Находившаяся рядом служанка-сирота попросила разрешения ответить на эти вопросы. Хан согласился выслушать ее.

– Далеко ли до запада? Недалеко, так как нам виден заход солнца, – сказала девушка. – Небо тоже близко. Хотя я стою на земле, но могу видеть плывущие по небу облака. А кладбище, хотя и находится на краю села, далеко от нас, – ответила девушка, прослезившись. – Мои родители там похоронены, а я не могу увидеть их, они далеко от меня...

Хан был удивлен ответом девушки. «Значит неправда, что если волосы длинные, то ум короток», – подумал он и объявил девушку своей наследницей, а визирей сделал слугами. С этих пор, говорят, женщины имеют право на престол».

В сказке «Падишах Сулейман» («*Сулеймен патша*») сообразительность и находчивость определяют не только судьбу, но и саму жизнь персонажа².

«У падишаха Сулеймана заболела одна из жен. Большая потребовала мужа построить ей дворец из костей всех птиц мира. Тот послушался и созвал со всех стран птиц. Все птицы сразу же прилетели, только сова прилетела лишь после четвертого зова. На вопрос: «Я посылаю за тобою три раза, почему ты долго не прилетала?» она ответила: «Все три раза я думу думала».

– Какую же ты думу думала? – спросил падишах.

– Я думала: кого на свете больше – живых или мертвых? Чего на свете больше – суши или воды? Кого на свете больше – мужчин или женщин?

– И что надумала? – спросил падишах.

– Все живые на свете умирают, поэтому мертвых на свете больше, чем живых. Если землю вскопать, выходит вода, поэтому на свете больше воды, чем суши. Я причислила к женщинам и тех мужчин, которые слушаются необдуманных женских слов, сказанных им, и решила, что на свете женщин больше, чем мужчин.

Падишах Сулейман, который по капризу жены собрал птиц, был смущен словами совы и отпустил всех на волю».

Сегодня практическая сторона использования загадок забыта, но их роль остается весьма значительной. Они используются для развлечения детей, развития наблюдательности, закрепления знаний о признаках предметов, связях между явлениями и несут воспитательную функцию.

Загадки – это краткое описание предмета или явления, часто в поэтической форме, заключающее в себе замысловатую задачу в виде явного или скрытого вопроса:

¹ Верная спутница: Сб. ногайских народных сказок... – С. 40–42.

² Сатира и юмор народов Дагестана: Сб. фольклорных текстов / Сост. А.А. Ахлаков, Х.М. Халилов и др. – Махачкала, 1970.

*Биз, биз, биз эдик,
Биз он эки кыз эдик,
Бир тактада олтырдык,
Тань атканиша йок болдык.*

(юлдызлар)

Это (были) мы, мы, мы,
Нас двенадцать девушек (было),
На одной тахте сидели,
До рассвета все исчезли.

(звезды)¹

У ногайцев загадки называются «юмаклар», что в переводе означает «скрытые». Судя по всему, речь идет о метафорическом изображении явлений и предметов. Разгадать «скрытое» – значит узнать изображаемый объект или явление из жизни.

По определению фольклориста В.П. Аникина, загадка – это «мудреный вопрос, поданный в форме замысловатого, короткого, как правило, ритмически организованного описания какого-либо предмета или явления»². Например, «*Язда язлайды, кыста кыслайды, туягыннан сув ишеди, муыйизиннен козлайды*» (кузьлик бийдай) – «Летом летует, зимой зимует, через копыта воду пьет, через рога плодится» (озимая пшеница).

Цель создания загадок – поставить собеседника в затруднительное положение, заставить его задуматься. Употребление слова в переносном значении на основе внешнего сходства предметов (общего вида и значения, или только частных признаков – формы, окраски, действий и т. д.) является наиболее распространенным приемом создания загадок. Например: «*Отыз япырак: биреве кара, биреве ак*» (ай, куьн, туьн) – «Тридцать листьев: одни черные, другие белые» (месяц, день, ночь), «*Тислемейди, капнайды, уьйге аьдем киргистпейди*» (кирт) – «Не кусает, не лает, в дом человека не пускает» (замок), «*Урмай, сокнай, йылатар*» (соган) – «Не ударит, не побьет, а плакать заставит» (лук).

Тематический подбор загадок (о человеке, одежде, доме, предметах домашнего обихода, орудиях труда, полевых работах, явлениях природы и др.) облегчает их отгадывание. Например, о человеке: «*Бир тоьбеде эти тесик*» (бас) – «На одном холме семь отверстий» (голова), «*Йолдынъ эки ягында эки кардаш яшайды, ама бири бирин коьрип болмайды*» (коьзлер) – «По обе стороны дороги живут два родственника, но друг друга не видят», «*Каранъа уьйдинъ ишинде какам-текем³ ойнайды*» (тил) – «В темной комнате кто-то играет» (язык), «*Каранъа уьйдинъ ишинде тизуьв, тизуьв ак тавык*» (тил) – «В темной комнате выстроились белые курочки» (зубы), «*Кел, кел десе келмейди, / Келме, келме десе келеди*» (эринлер) – «Говоришь, иди сюда, (они) не идут, / Говоришь, не идите, (они) идут» (губы), «*Сувга кирсе, мынь болар, / Сувдан шыкса, бир болар*» (шашлар) – «В воду зайдет тысяча, из воды выйдет один» (волосы), «*Оьзимде бар, эсимде йок*» (киндик) – «У меня есть, но я о нем не вспоминаю» (пупок), «*Эртен доьрт аяклы, туьсте эки аяклы, кеште уьш аяклы*» (аьдем) – «Утром на четырех ногах, в обед на двух, вечером на трех» (человек).

Загадки привлекают богатством и затейливостью содержания, учат детей воспринимать мир многогранно и образно. Игра в загадки является своеобразным уроком народной мудрости, который помогает детям и подросткам, развлекаясь, усваивать знания, добытые многими поколениями.

Относительная краткость и ритмическая организация загадок способствуют их легкому запоминанию и передаче без особых изменений. В них ногайцы отразили хозяйственно-трудовую деятельность, морально-этические нормы поведения и социальный быт. Они могут служить дополнительным материалом для изучения этнографии народа, т. к. содержат сведения, дающие представления о юрте, ее убранстве, утвари, промыслах, средствах труда и т. д. Загадки очень ценны в познавательном отношении, т. к. отражают разные стороны материальной и духовной культуры народа, его миропонимание: «*Аласа терек: уьсти боран, асты туман*» (элек) – «Низкое дерево: сверху буря, снизу туман»

¹ Тексты записаны от информатора А.З. Кусегеновой (1939 г. р.), жительницы с. Кунбатар Ногайского района РД // Личный архив автора.

² Аникин В.И. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957.

³ Название детской игры.

(сито), «Эл ятса, элемен ятпас» (малдынъ муьйизлери) – «Когда народ спит, стража не дремлет» (рога коровы), «Асты темир, уьсти темир, / Ортасындагын сен кемир» (калакай) – «Снизу железо, сверху железо, / То, что посередине, ты грызи (съешь)» (хлеб), «Аттан бийик, ийттен аласа» (иер) – «Коня выше, собаки ниже» (седло), «Бир муьйисте олтырган, / Уьйдинъ ишин толтырган» (шырак) – «В (одном) углу сидит, / Дом (светом) заполняет» (лампа), «Дьорт лап-лап, / Кайкы саппап, / Эки тоьбе, / Бир булгавиш» (туье) – «Четыре ноги, / Изогнутая шея, / Два холма / Спереди ковш, / Сзади метла» (верблюд), «Карагайды ярып болмас, / Байдынъ кызын алып болмас» (бияла) – «Сосну рубить не может, / На дочери богача жениться не может» (зеркало), «Кескен сайын узын болады, / Йонган сайын юван болады» (шукыр) – «Режешь – становится длиннее, / Точишь – становится толще» (яма).

Загадки несут педагогическую ценность, учат образности и нестандартности мышления. Являясь средством испытания мудрости людей и передачи опыта и языка поколений, они представляют собой своеобразную проблемную задачу, решение которой требует умственного напряжения, смекалки, инициативы. Играя в них, дети как бы сдают экзамен на сообразительность. От характера предмета, описываемого в загадках, способностей ребенка зависят тип и сложность логической задачи, характер умственной операции. Их разгадывание является своеобразной гимнастикой для детского ума, т. к. для отгадывания нужно припомнить виденное, сравнить, сопоставить различные процессы и явления:

Уьрпек-уьрпек, уьрпек тав,

Уьрпек тавдынъ астында

Эки кара кундыз бар.

Эки кундыз астында

Эки ярык юлдыз бар.

(шашлар, каслар, коьзлер)

Курчавая, курчавая, курчавая гора,

Под курчавой горой

Два черных бобра.

Под черными бобрами

Две ярких звезды.

(волосы, брови, глаза)

Художественное своеобразие загадок обусловлено особенностями языка и условиями жизни их создателей. Ногайский язык обладает специфическими характеристиками, которые находят яркое выражение и в загадках, впитавших в себя неповторимый национальный колорит: «Йол уьстинде киртли сандык» (оьлик) – «На дороге запертый сундук» (кладбище), «Йол уьстинде майлы кайыс» (йылан) – «На дороге жирный ремень» (змея), «Арбага тиен болмас, / Уьйге суьеп болмас» (йол) – «На арбу (ее) не загрузишь, / К дому (ее) не прислонишь» (дорога), «Ковьзге коьринмейди, / Колга илинмейди, / Оьзи тенъизден терен» (акыл) – «Глазам (его) не видно, / К рукам (он) не цепляется, / Сам моря глубже» (ум), «Уьй ишинде олтырган, / Эки коьзин тарс юмган» (мысык) – «В доме сидит, / Два (оба) глаза крепко закрыв» (кошка), «Абам эткен уьйден шыкпас, / Атам эткен уьйге кирмес» (пеш пен арба) – «То, что бабушка сделала, из дома не выходит, / То, что дедушка сделал, в дом не войдет» (печь и арба), «Уьш тенъ сувга туьспеге барады: экеви туьсип, биреви карап турады» (куьен мен шелеклер) – «Три ровесника пошли к воде: два купаются, один наблюдает» (коромысло и ведра).

Поэтика ногайских загадок специфична. Большинство из них представляет собой метафорическое описание предметов или явлений по внешнему сходству, например, «Уьйдинъ тоьбесинде ярты калакай» (ай) – «Над домом висит половина колобка» (луна).

Изобразительно-выразительные средства, используемые в загадках, отличаются богатством и разнообразием. Это объясняется как самой их природой, требующей иносказания, сопоставления, точности в употреблении слова, так и малым размером жанра, в котором каждый языковой элемент должен нести большую смысловую и изобразительно-выразительную нагрузку.

Особенно распространенным средством выразительности является метафора: «Эсиги йок, тесиги йок, иши толы аьдемлер» (кабактынъ канваслары) – «Без окон, без дверей, внутри полно людей» (тыквенные семечки).

Основной прием построения загадок – скрытое сравнение одного предмета или явления с другим часто посредством параллелизма: «*Байтал тас табар, тас кулын табар. / Кулын таска иермес, байталга иерер*» (тавык, юмыртка, шипий) – «Лошадь камень родит, камень жеребенка родит. / Жеребенок за камнем не последует, последует за лошадью» (курица, яйцо, цыпленок), «*Балтадан авыр, балдан таьтли*» (уйкы) – «Тяжелее топора, слаще меда» (сон).

В загадках ногайцев встречаются эпитеты, выраженные простым определением: «*Кишкенекей Менълибий коькем суйьреп барады*» (шомака) – «Маленький Менълибий сливу за собой тащит» (половник).

Нередко в загадках встречается олицетворение: «*Коьринмейди, киснейди, / Авызы йок, тислейди*» (аяз) – «Невидим, фыркает / Рта (зубов) нет, кусает» (мороз), «*Авызы йок, бурны йок, / Бир тостакай суйт ишер*» (талкан) – «Рта нет, носа нет, / Но чашку молока выпьет» (толокно), «*Аягы йок, юреди, / Авызы йок, соьйлейди*» (саьат) – «Ног нет, но ходит, / Рта нет, но разговаривает» (часы). В создании замысловатого вопроса используется и многозначность слов: «*Куьн юреди, кеш юреди, / Ама бир ерге де етип болмайды*» (саьат) – «День ходит, ночь ходит, но никуда не доходит» (часы).

Процесс и результат умственного состязания вызывают радость и развивают сообразительность, быстроту реакции, способность к анализу, умение самостоятельно делать выводы, дисциплинируют ум, приучают к логике, рассуждению и доказательству.

Все загадки можно разделить на несколько видов: *загадки-иносказания, загадки-описания, загадки-вопросы* и др. Например, в загадке «*Орындык астында карт олтыры, / Сакалын тарап олтыры*» (юнтарак) – «Под тахтой сидит старик, / Сидит, бороду расчесывает» иносказательно представлен гребень. В загадке:

*Шанъ ман бирге шабысар,
Сага, мага ябысар,
Ушады ол канатсыз,
Кашады ол аяксыз.
(ел)*

С пылью вместе в беге соревнуется,
К тебе, ко мне липнет,
Летает он без крыльев,
Убегает он без ног, –
(ветер)

отмечены признаки и свойства ветра.

Есть еще один вид загадок – *загадки-задачи*, очень похожие на задачи из школьного учебника математики:

*Сегиз, сегиз, он алты,
Тагы сегиз, тагы алты,
Эки йырма, бир отыз,
Болады... (100)*

Восемь, восемь, шестнадцать,
Еще восемь, еще шесть,
Две двадцатки, одна тридцатка,
Будет ... (100)

Эта задача-загадка чисто арифметическая, требует от отгадывающего умения считать. Но есть и другие задачи. Например: *Теректе уьш торгай олтыр, биревин мысык ыслайды. Неше торгай калады?* – На дереве сидели три воробья, одного поймала кошка. Сколько осталось воробьев? Ответ: ни одного. Одного поймала кошка, а остальные улетели (арифметический ответ: на дереве остались два воробья).

Немало загадок, содержание которых передается одним простым *предложением-вопросом*: «*Дуньяда энъ де аишы эм энъ де таьтли не?*» (соьз) – «Что самое сладкое и самое горькое в мире?» (слово). Иногда к загадкам, составленным из нескольких повествовательных предложений, чтобы обострить ситуацию, составитель добавляет вопросительное предложение:

*Терен, терен йылгага
Терек неге битпеген?
Теректей уйкен кошкарга
Муыйиз неге битпеген?
(туье)*

В глубокой, глубокой реке
Почему дерево не растет?
У большого, как дерево, барана,
Почему рога не растут?
(верблюды)

Необходимость перечисления признаков влечет за собой использование однородных членов предложения: «*Кишкенекей оьзи, токсан эки коьзи*» (оймак) – «Маленький сам, девяносто два глаза (имеет)» (наперсток).

С развитием общества существенно меняются тематика и содержание загадок. В них рассказывается о достижениях культуры, техническом прогрессе: «*Тыр-тыр этер, коьктен оьтер*» – «Со звуком «тыр-тыр» по небу пройдет» (самолет) и т. д.

Продолжая народные традиции, *литературные загадки* основываются на таком же образном представлении о предмете или явлении, сравнении и сопоставлении. Однако они существенно отличаются от народных, краткость которых требует емких, выразительных языковых средств, как правило, разговорного стиля. Автор литературных загадок имеет возможность дать развернутое описание с указанием многочисленных признаков, используя при этом разнообразные художественные средства книжного стиля:

*Сувык оьзи, буз тувыл,
Канаты бар, кус тувыл,
Коьл сувында ол юзип,
Коьп зат коьрип, эситип,
Айтайым деп авызын,
Ашса, шыкпас тавысы.*

(балык)

Холодная сама, но не лед,
Крылья есть, но не птица,
Плавает она в озере,
Много видела, слышала,
Хочет рассказать, но рот
Откроем, голоса не слышно.

(рыба)¹

Комплексный анализ ногайских загадок позволяет сделать общий вывод о том, что их стиль в своей основе соответствует афористическим жанрам других народов, а также обладает неповторимым национальным своеобразием. Благодаря умелому использованию различных художественно-изобразительных средств они весьма поэтичны, образны и лаконичны, поэтому легко и надолго закрепляются в памяти. В тексте загадок отражен основной словарный фонд ногайского языка.

¹ *Авезов М.А.* Колоски. – Черкесск, 1992. (на ног. яз.).

ПОЭТИКА ПЬЕСЫ ИСЫ КАПАЕВА «МАСКАРАД ПО-НОГАЙСКИ»

Н.Х.Суюнова

Творческий актив современного классика ногайской литературы Исы Капаева, получившего известность в начале 70-х годов прошлого столетия более как талантливый прозаик, в значительной мере формирует и драматургия. Его пьесы: «Аквариум» (1983), «Ветеран» (1985) (по мотивам повести автора «*Дуныя оьмирли сенинь коьзлериньде*» («Вечен мир в твоих глазах»), «Как Мархаба правду нашла» (1987) (по мотивам ногайской сказки «Мархаба») - являются первыми произведениями автора в драматическом жанре. Достоянием литературной и театральной общественности они стали в 80-х годах XX века, будучи опубликованы и инсценированы в разных городах страны в рамках специального проекта Минкульта РСФСР по популяризации произведений национальной драмы народов России. Позже, уже в начале нынешнего века, были опубликованы другие пьесы И.Капаева: «Маскарад по-ногайски» (2006), «Письмо Султану» (2010).

Ранняя драматургия Исы Капаева, как и его проза, развиваясь в русле многонациональной советской литературы, явилась откликом на актуальные проблемы времени 70-80-х. Именно тогда литинститутская среда, московские творческие площадки с их острыми дискуссиями сформировали ракурс творческого мировидения молодого писателя. Ощущение нравственного неблагополучия мира, нарастания тревожных явлений в обществе, драмы в сознании личности современника-сверстника – стали движущей силой дальнейшего творческого поиска Исы Капаева – прозаика и драматурга.

Герои русских писателей-драматургов А.Гельмана, И.Дворецкого, В.Розова, А.Арбузова, А.Володина, А.Вампилова, несомненно, сыграли тогда роль в формировании его, молодого драматурга, мировидения¹. Но когда пришло время разрабатывать концепцию героя в собственном драматургическом творчестве (на рубеже XX-XXI вв.), то основу самовыражения писателя Исы Капаева сформировала общетюркская художественная традиция, ногайский эпос и искусство *йырау*. Специфику поэтики определил богатый спектр сюжетных драматических элементов древней обрядовой поэзии, народные зрелищные состязания в красноречии (*айтысы*), а также синтезированные в эпическом и авторском искусстве ногайцев нравственные ценности². Несомненно, значима роль и его личного, уже солидного к тому времени, творческого опыта, опыта прозаика.

Уникальность национальной культуры, сакральность и универсальная значимость «малой родины» - средоточия правды о мире - это ключевые художественные константы творческого поиска писателя. В них отражается все многообразие общемировых проблем биосферы и этносферы, коснувшихся природы, ментальности, языка, культуры, исторической памяти. Отсюда и сложность решаемых И.Капаевым задач: осмысление противоречивых современных реалий, разработка мировоззренческих коллизий, концепция нового героя, работа со сложным конфликтом, специфическим хронотопом. Такой уровень творческих задач, как правило, деформирует традиционные типы художественного мышления (эпическое, лирическое, драматическое), способствуя появлению пограничных жанровых форм, в частности, лиро-эпической, эпико-драматической и других.

¹ Громова М. Мир современной драмы. // Советская драматургия второй половины XX века. – М., 2003. – С. 5-22.

² См.: Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев. // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1989; Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев. // Календарь календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии: Сб. научных трудов. – Черкесск, 1989; Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М.: ИМЛИ РАН. – 2006; Суюнова Н.Х., Казакова Р.Э. Ногайская драматургия: истоки и эволюция жанра в XX веке. // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков - к грядущему». – Черкесск, 2014. – С. 331-336; Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. – М.: Голос-Пресс. – 2012.

Пьеса «Маскарад по-ногайски», написанная в начале 90-х годов, отдельной книгой увидела свет в Москве, в издательстве «Компания Спутник+» лишь в 2006 году. Авторское обозначение ее жанра нейтрально: это *двухактная пьеса*, то есть, произведение драматического жанра, предназначенное для театральной постановки. Однако, пожалуй, наиболее точное определение жанра пьесы Исы Капаева - это эпическая драма. Традиционные параметры драмы - *действие и диалог*, дополнены в этом произведении третьим – *эпичностью* (повествованием, рассказом, разъяснением) в речи персонажей, в ремарках, что и позволяет определить жанр пьесы как *эпизированную* драму. Для Исы Капаева, прозаика по своему творческому призванию, эпическая драматургия органична. В ее основе – выстроенная фабула, наличие всех элементов повествовательного сюжета (завязка, развитие действия, кульминация, развязка), сложный конфликт, многоплановость изображения, типичность разнохарактерных героев, психологическая достоверность действия. Эпичность сцен и образов сообщает художественным исканиям драматурга особый эпический размах и философскую глубину.

Сюжетную канву основного плана пьесы формируют реальные события конца 80-х годов XX века, происходившие в гибнущем от экологической катастрофы ногайском ауле с вымышленным названием Коксар. Построенный в непосредственной близости от населенного пункта газоконденсаторный завод, со временем превратился в источник экологического бедствия для населения Коксара, «где уже никому не хотелось жить», где «трава всюду пожухла, птицы почти не залетают», «не плодоносят деревья», где «дети спят в противогазах», «пища завернута в фольгу». А раньше здесь была «лучшая земля в округе, лучшая пшеница, разнотравье...». По решению руководства народ должен быть выселен из опасной зоны, однако, никого при этом не волнует опасность его распыления, утери идентичности, традиционных форм хозяйствования. Конфликт основного плана пьесы - это конфликт должного и сущего и строится он вокруг отношения героев-персонажей к коксарской драме, специфики их реакции на реально имеющиеся варианты выхода из ситуации.

Есть и параллельный план в «Маскараде по-ногайски»: процветающий и впоследствии пришедший в упадок средневековый город Коксар (букв. «голубой дворец»), ставка бия Акбарса - место эпических событий. В прообразе Коксара, олицетворяющего в пьесе модель национального дома, угадывается воинственная Кок Орда (Синяя Орда), а также средневековый Сарайчик - столица Ногайской Орды, где на протяжении столетий протекала бурная жизнь, развивались культура, искусство, ремесла, а с утратой государственности, последовало время опустошения и разорения.

Модель этнической ойкумены - Коксара - не нова. В многонациональной советской литературе - это: Мещера («Мещерская сторона») К.Паустовского, Матёра («Прощание с Матёрой») В.Распутина, Ана-Бейит, Сары-Озек («И дольше века длится день») Ч.Айтматова, Дагестан («Мой Дагестан») Р.Гамзатова, Сынтаслы («Сказание о Сынтаслы») И.Капаева. Идентичны мировидение и судьбы людей, населяющих эти миры – носителей исторической памяти, сходны и творческие задачи, которые решают авторы этих произведений.

Параллели заложены и в идейном ядре «Маскарада по-ногайски»: экологический дисбаланс в природе (отравленный Коксар) и экология человеческой души, этнического сознания (народ между двух зол: угроза отравления или потери идентичности вследствие переселения и распыления этноса). Ситуация, как лакмусовая бумага, выявляет масштабы бедствия, постигшего Коксар, степень запущенности жизненно важных, десятилетиями не решавшихся проблем, обнажает нравственную сущность коксарцев, воплощенную драматургом в мастерски воссозданной им галерее типов-персонажей.

Действие в обоих планах пьесы происходит попеременно то в замкнутом, то в разомкнутом пространстве (комната в доме Мариям, улица, контора, дворец бия Акбарса). Действующих лиц всего пятнадцать, их перечень приведен автором в начале пьесы. Главные герои первого плана: «хозяин жизни» - директор совхоза Асан Мурзаевич, его пле-

мянница - секретарь в конторе, шантажистка Анжела, председатель рабочкома - лицемер Мурат - имеют свои прототипы в параллельном плане, соответственно, в ставших нарицательными образах эпических героев: недоумка-братоубийцы Калю (эпос «Мамай») ¹, ханской дочери Джанике, предавшей отца, а также коварного интригана и предателя Джамбая (эпос «Эдиге») ². Здесь же другие герои - Ибрагим и Самат – «местная агентура», опора Асана Мурзаевича. Противостоит этой группе героев Алибек – отчаявшийся защитник справедливости, при поддержке матери Мариям и жены Зейнаб. Генетические истоки характеров персонажей, сведения, расширяющие историко-культурные знания читателя о прошлом народа, позволяют драматургу обнажить существенную взаимосвязь вневременных явлений.

Параллели (идейные и структурные), чередующиеся временные планы, типы и прототипы подтверждают концептуальный тезис драмы: история повторяется, достоинство и порок – две полярные категории в человеке, и время, меняя формы их конкретного проявления, не меняет их сути. Конфликт осложнен: драматург выстраивает в двух планах пьесы целую систему разноуровневых столкновений представителей социальных групп, зачастую непримиримых позиций, межличностных споров, перерастающих по мере развития событий, в столкновение идей, мировоззрений.

В типологии (моделях) героев обоих планов пьесы И.Капаевым реализована художественная концепция человека, прослежена специфика ментальности типов-персонажей, личные качества, обнаруживаемые ими в острой драматической ситуации (драма древнего и современного Коксара).

Директор совхоза, «хозяин жизни» Асан Мурзаевич и его нравственный антипод – спившийся рабочий того самого злополучного завода Алибек, - сыновья одной матери (Мариям). Мировоззренческий ракурс каждого из братьев определяет полярно противоположная система ценностей: приоритет успешной карьеры, комфортной, безбедной личной жизни для Асана Мурзаевича, приоритет благополучия Коксара (символический образ малой родины) и земляков-аульчан, личная ответственность за все происходящее - для отчаявшегося Алибека. Этих двух антиподов формально объединяет одна мать - Мариям, которая в своем отчаянии прибегла к притворству - решила слечь, в надежде, что ее, «обездвиженную недугом», не подвергнет насильственному выселению из аула ее сын – директор, а значит, и другие аульчане не будут обречены на скитания. Будучи «прикованной», она переживает за спившегося второго сына. Ее душевная опора - Зейнаб – невестка, жена Алибека, - воплощение традиционной женской покорности, смирения, жертвенности - в экстремальных условиях отравленного Коксара продолжает исполнять свой долг, предписанный законом Всевышнего и обычаем – ухаживает за свекровью, в меру сил пытаясь вразумить непутевую дочь Анжелу и мужа, заботится о внуке.

Энергичный и деятельный Асан Мурзаевич в ситуации с Коксаром озабочен одним – как можно скорее и без лишних проблем исполнить директиву «сверху» - выселить людей из аула, сохранив благосклонность, доверие начальства к себе. Лицемерие и ложь, которыми опутан герой, страх потери «нагретого» кресла - двигатели его поступков. «Вся моя жизнь держится на моей должности. А лишись я должности, то кто я такой? Почему я не должен пользоваться теми радостями, которые даются благодаря ей? Почему должны страдать мои близкие? Моим детям надо учиться, им надо обуваться, одеваться...» ³. Будучи прикормлен своим начальством за преданность и услужливость, такой же преданности и услужливости ждет Асан Мурзаевич от своих подчиненных – соплеменников,

¹ Мамай. Ногайская эпическая поэма. // Ногайдынъ кырк баътири (Сорок ногайских батыров). – Сборник эпических поэм. Составитель, автор предисловия: Сикалиев А.И.-М. – Махачкала. – 1991. – С.53-110.

² Эдиге. Ногайская эпическая поэма. // Ногайдынъ кырк баътири (Сорок ногайских батыров). – Сборник эпических поэм. Составитель, автор предисловия: Сикалиев А.И.-М. – Махачкала. – 1991. – С. 17-53.

³ Здесь и далее цитаты по тексту: Капаев И.С. Маскарад по- ногайски. – М.: Спутник+. – 2006.

среди которых и родственники, и, разумеется, за щедрое вознаграждение. Такому давлению подвергались: его брат – борец-обличитель Алибек, а также скоррумпированные «хозяином» земляки Ибрагим и Самат («местная агентура»). Холодный цинизм, безошибочный расчет, виртуозная игра на чувствах, слабостях людей, неприкрытый шантаж с помощью предусмотрительно собранного компромата – это те самые методы директора, которые обезоруживают, ломают волю, запугивая и загоняя людей в психологическую кабалу к «хозяину». Тип «хозяина жизни» – не новый герой в пьесе Исы Капаева, он достаточно многолик и в разных ипостасях «населяет» и его прозу: таковыми были: делец и мошенник Дуче, чиновник – начальник управления Магомед Султанович («Отражение»), «свинарь» Аскер («Гармонистка»). Их методы подчинения своей воле людей, воспитание необходимых для карьерного роста качеств, умение создавать нужные ситуации на пути к корыстным целям преподаются как уроки жизни, передаются по наследству молодому поколению «умеющих жить». Тип самовлюбленных эгоистов, озабоченных обеспечением комфортной личной жизни (Мурат, Анжела) также воплощался автором в разной степени в персонажах его прозы: Рауфа Карамова, его брата Самета, Нурадина, Альтая («Отражение»), Аратая («Вокзал»).

Поскольку драма – это действие, происходящее здесь и сейчас, то для введения второго плана, с его событиями далекого прошлого, драматург использует прием ретроспекции: история древнего Коксара изложена в виде статьи, напечатанной в альманахе «Родная земля». В первом акте для Ибрагима и Мариям ее читает вслух Самат. Такой композиционный прием («текст в тексте») не вызывает чрезмерной эпизации пьесы, в первую очередь, за счет чередующихся планов: чтение статьи Саматом периодически прерывается инсценировкой событий из истории древнего Коксара. Тем самым соблюдается и закон жанра: действие в драме совершается в настоящем времени (здесь и сейчас Самат читает статью), а ретроспектива, насыщающая пьесу необходимыми действием и диалогом, – всего лишь иллюстрация к журнальной истории. Два плана пьесы связывают сцены с читающим Саматом и слушающими его Ибрагимом и Мариям.

Подобная монтажная композиция, успешно применявшаяся И.Капаевым-прозаиком в романах «Вокзал», «Отражение», представляет собой, таким образом, продуманное чередование сцен из настоящего и ретроспективного прошлого, способствующее углублению философского содержания произведения.

В пьесе отсутствуют автор-рассказчик, объемные повествовательные ремарки, и потому особую функциональную нагрузку несут речи персонажей драмы, а они, в свою очередь, – содержательны, художественная мысль в пьесе чрезвычайно концентрирована. Такое качество диалогов обеспечивается за счет почвы – традиции древнего *айтыс*, когда емкость, содержательность, образность слога определяли степень убедительности *акына* в публичном состязании, а такие состязания были предтечей драматического, театрального искусства в современном понимании. Если рассматривать драму Капаева как сценическое произведение, а не только литературное, для чтения, то следует ожидать эффективного эстетического воздействия на зрителя таких ярких, красноречивых героев (подобно участникам *айтысов*). Они же – узнаваемые, с неоднозначным набором черт характера живые герои, с противоречивой сущностью, с меняющейся, в зависимости от обстоятельств, мировоззренческой позицией, поведением. То есть концепция человека в «Маскараде по-ногайски» у Капаева – это симбиоз достоинства и порока, в разной степени концентрирующихся в сущности различных типов. Каждому из своих героев драматург дает возможность обнаружить свою неоднозначную суть, оправдаться, объяснить позицию в важных вопросах. Как результат – реальный характер из жизни, далеко не черно-белой.

Даже столь одиозный тип героя, как Асан Мурзаевич, в одном из своих монологов, которые произносит перед Муратом, приводит веские доводы, которыми он лично руководствовался, когда давал добро на строительство завода в Коксаре: «Некоторые области выпрашивают такого рода объекты, ... так как это и решение социальных проблем:

дороги, мосты, водопровод, газификация аула! Кто знал, что такая беда случится? Радость затмила глаза...». Движущей силой здесь были, конечно, не только благие намерения директора (они больше заглушали совесть), а это был страх потерять доверие начальства, должность («вся моя жизнь держится на этой должности»). Но и позже, когда стала усиливаться экологическая катастрофа в Коксаре, и понадобилось новое место для переселения аула, ведь не сидел Асан Мурзаевич, сложа руки: «Я поехал в покинутые аулы в горах..., встречался с депутатами..., поехал в Каракалпакию, на Север (Салехард, Норильск, Уренгой), был в областях Нечерноземья». Но, «в какую республику ни поезжай, – одни и те же беды: перенаселение, отсутствие пастбищ, нарушение экологии...». В этом же ряду – проблемы Арала, страх местных властей скученного расселения ногайцев на Севере, в Нечерноземье, ввиду угрозы ассимиляции ими местного населения. Глобальный характер проблемы народа, отсутствие «в такой огромной стране места для коксарцев» Асан Мурзаевич не без горечи и упрека объясняет тем, что «не как все жили, постоянно жаловались друг на друга, клязусы писали..., на уме у всех раздоры. Когда народ ищет единения, то он и руководство свое уважает, а меня больше всех готовы сожрать...». Однако, лишь в сердцах раскрывает свою позицию в отношении коксарской драмы: именем государственных нужд («Стране нужен дешевый бензин! И все!») оправдывает приоритет техногенной эволюции, пусть даже подрывающей биоресурсы, обескровливающей степь, разоряющей его национальный дом. Ради этого даже воинскую часть призовет, чтобы усмирить «опасную массу» коксарцев, не желающую расплыться, «чтобы отвлечь их от идеи объединиться» и пойти на «массовые беспорядки». Отвлечь массы от настоящей беды может только грамотно выдуманная более опасная угроза. Такими технологиями «хозяин» владеет искусно.

Тип героя – представителя молодого поколения, испытывающего порочное давление, «вынужденного за маской прятать лицо от народа», действующего исключительно с позиции обывательского расчета, – это председатель рабочкома совхоза Мурат и секретарь Анжела. Они при этом, правда, пытаются оппонировать своему директору в связи с выселением людей из отравленного Коксара, необходимостью их справедливого расселения, противятся попыткам шефа использовать их для осуществления своих нечистоплотных замыслов («Народ не может находиться в таком состоянии», «Народу нужен свежий воздух!», «Куда переедет Коксар?» «Сохранится ли совхоз?», «Как решается вопрос жилья?», «Зачем прикрываться красивыми словами?»). Однако, оба, и Мурат, и Анжела, не в состоянии по-настоящему подняться над обстоятельствами, пресечь панические настроения в питающемся слухами Коксаре, напротив, вводят в заблуждение земляков, не знающих, то ли продать имущество и скот, то ли подождать. Собирательный образ населения Коксара в пьесе представляют Первый и Второй Посетители конторы, конторская уборщица Вайдат, мальчик-школьник (сын Мурата), переживающий за здоровье своей юной беременной подруги и будущего ребенка. Мурат и Анжела, понимая всю серьезность ситуации, эгоистично решают сосредоточиться на решении собственных проблем. Вместе с «хозяином» они несут тяжесть груза исторического наследственного зла, живущего уже в коллективном бессознательном народа: спастись можно, думая только о себе, индивидуально. Так и поступил парторг совхоза, оставив все и тайно переселившись с семьей в город. Вот и Мурат с Анжелой не готовы поступиться своими корыстными интересами: оба хотят, в обход волокитных бюрократических процедур, получить квартиры в городе и покинуть Коксар. И совершенно органичен, к примеру, для Анжелы – хорошей ученицы своего дяди – переход на ответный шантаж в споре с ним: «Я точно знаю, когда делали отвод земли под строительство завода, вы получили большие деньги. ...мужчина из Москвы... заикнулся при мне о счете в швейцарском банке. ... я молчать не буду. ... Мне нужна квартира». Совершенно органичен и Мурат, живущий двойной жизнью, изменяя с Анжелой жене, не зная ничего о жизни детей (не узнаёт собственного сына в маске). По наущению «хозяина» Асана Мурзаевича, Мурат соглашается подложить в дом Алибека боевую гранату – как свидетельство реальности пьяных угроз последнего «взорвать весь

мир». К тому же, такая улика решала несколько проблем: избавляла руководство от обличителя-правдоискателя, ограждала общество от «опасного террориста», семью – от пьяницы-дебошира, а Мурату обеспечивала две квартиры в городе. «Тюрьма - лучше смерти... Зато пить перестанет, ума наберется! А то всех достал!» - оправдывал Асан Мурзаевич благими намерениями необходимость такого подлога. При этом подбадривал задумавшегося было Мурата: «Ты не бойся! Ты – на коне! Ты - всадник! Место под солнцем нелегко завоевывать!» «Это неплохо (две квартиры. – Н.С.). Что еще надо сделать?» - такова реакция Мурата, представителя «достойной молодежи», которая «не мямлит», «не задает дурацких вопросов».

Поэтическое (художественное) мастерство Капаева-драматурга проявляется, таким образом, в его способности создавать живые характеры реального мира. Несмотря на эпическую развернутость и кажущуюся излишнюю публицистичность иных монологов, нельзя видеть в его героях только рупоры каких-то идей. Вот, к примеру, уже пожившие Ибрагим и Самат – это двое неразлучных (по необходимости: один приставлен следить за другим) коксарцев. Крепко запутавшиеся в свое время в трагических хитросплетениях действительности, под давлением холодных, рассудочных доводов, уговоров, запугиваний и заманчивых предложений Асана Мурзаевича, они стали настоящими лицемерами, однако, все же – это жертвы произвола, порочной силы, потому и вызывают больше сочувствие читателя, чем его осуждение. Тип такого героя – жертвы дьявола-искусителя – уже опробован Исой Капаевым в образе его Пошта-Солтана («Повязка на пальце»), Каражана («Бердази»), Кобека Карамова («Отражение»).

Самат – возмутитель спокойствия в Коксаре, собрал в свое время подписи земляков против уже принятого на самом верху решения о строительстве близ аула газоконденсаторного завода. Назревал скандал. Пыл гневного правдоискателя остудил тогда Асан Мурзаевич, предложив в обмен на собранные подписи избавить сына Самата от проблем с законом. Отцовские чувства взяли тогда верх, и не помышлял с тех пор оказавшийся «на крючке» обличитель зла перечить воле «хозяина». «Лучше бы я этого не делал. Лучше бы я не просил (тогда за сына. – Н.С.)» - беспомощно сокрушается теперь Самат – защитник уже гибнущего Коксара - перед Асаном Мурзаевичем, взявшимся шантажировать его прошлым. «Совестно в глаза аульчанам глядеть...» - это позднее раскаяние Самата, натягивающего при этих словах на лицо маску.

Не в лучшем свете предстает и Ибрагим Шамакаев, фамилию которого «хозяин» намеренно уничижительно искажает «Шазакаев» (от: «доносчик», «стукач»). Ибрагима, посмеявшегося было произнести «Так жить нельзя» (указывая при этом на маску на лице), Асан Мурзаевич резко осаждает сеансом «освежения памяти». Не кто иной, как «хозяин», в свое время благодетельствовал Ибрагима - трижды уголовника, несуществовавшей в штатном расписании совхоза должностью, наделял незаслуженными материальными благами, дав вырастить и выучить детей, не говоря о наградах за многочисленные доносы на аульчан («За каждым письмом судьба аульчанина!» «Каждое письмо обмывали в этом кабинете. За каждый донос ты был награжден!»). И пусть они были написаны под диктовку Асана Мурзаевича, но разве это где-то зафиксировано? Понятно, что с такого «крючка» Ибрагиму уже и не соскочить. Потому и несет он привычно всю жизнь свой крест «стукача», теперь уже присматривая по заданию «хозяина» за неблагонадежным Саматом, «увлекшимся историей». Впрочем, чтобы Ибрагиму не так было противно от своего, столь нечистоплотного, занятия, Асан Мурзаевич напомнил ему об унижениях его, Шамакаева, отца, в свое время таскавшего в грязь и слякоть, на собственной спине до конторы отца Самата Джемала, в 30-е годы - председателя сельсовета. По вине именно последнего сотни людей, лишившись скудных запасов, умерли тогда от голода.

Однако, и Самат, и Ибрагим - это такие же, как Асан Мурзаевич, живые характеры из реальной жизни. И они все же задают «хозяину» тот самый вопрос: «Когда от Коксара останется куча золы – кем ты будешь управлять?» Ответ директора символичен: «Скажут, чтобы управлял кучей золы – будешь управлять, куда денешься!» Фольклорная реминис-

ценция эпического Калю-братоубийцы – героя второго плана пьесы - недоумка с детской еще страстью играть с золой – собирательный образ современных узколобых властолюбцев - разрушителей, «манкуртов», не осознающих истинного, сакрального смысла ответственности перед историей за народ, его настоящее и будущее. Такое социально-нравственное уродство, эгоизм, разрушающие экологию человека, - важный предмет художественного внимания Капаева-драматурга. Неоднозначность характеров Самата и Ибрагима, расплачивающихся за прошлые грехи, проявляется и в том, что, будучи представителями старшего поколения, они пережили войну, «на которой им было все понятно», а «в мирной жизни сложно понять, кто враг, кто друг, где правда, где ложь...». Пытаясь анализировать прошлое и настоящее своего народа, Самат вопрошает: «Чем тогда мой отец лучше Асана (директора. – Н.С) был, а?» «Если бы этого не делал твой отец, делали бы другие... Слабым не дано выжить. Если не Асан, так другой нашелся бы. Круг замыкается!» - парирует Ибрагим, оправдывая тогдашнее и нынешнее зло, подчеркивая системный и вневременный характер его проявления.

В уста Самата, увлекшегося теперь историей Коксара, и более последовательного в поиске причин народных бед, автором вложены ключевые сентенции, относящиеся не только к области экологии природной среды, но и к экологии человека: «Никогда мы не знали правды и никогда не узнаем...». Как декларация кредо самого драматурга звучат его слова: «У народа без прошлого - нет будущего. Люди произвольно превращаются в скитальцев... Другой земли у нас нет, чтобы жить... Коксар – это мы. Коксара нет - и нас нет!» «Люди детям передают отчий дом, доброе имя, имущество, скот, а мы что? Наши дети и внуки обретут статус сирот, беспризорных. Из такого недовольного поколения вырастут от всего отчаявшиеся бандиты, наркоманы, террористы. Разве они нужны этой стране?» Речь Самата - это еще и покаяние, признание вины: «Когда совершалась несправедливость, мы молчали, соглашались, предавали ближнего. Мы сами свою землю превратили в душегубку...». Именно Самату отчасти доверяет И.Капаев выражение важных философско-публицистических мыслей. Свое объяснение случившейся драме Коксара озвучивают и Мариям, и Зейнаб, поддерживающие Самата: «Все беды от того, что наши люди ослабили верой!», «Нас для того и связали с миром, чтобы задушить».

В «Маскараде по-ногайски» представлен другой, цельный тип героя – последовательного искателя истины, обличителя зла, человека с бунтарским сознанием - Алибек - брат Асана Мурзаевича. И, конечно, такой вывод следует не только из содержания его речей. Речь других героев (Самат, Ибрагим, Анжела, Мурат, Мариям и Зейнаб) также поддержит, как отмечено выше, множество ярких, обличительных фраз, однако, бескорыстным, неподкупным, деятельным поборником правды, героем с чистой биографией остается... пьяница Алибек. В его образе по максимуму воплощена авторская идея искоренения из сознания социума лжи, фальши, лицемерия. Именно поэтому он - единственный герой, категорически не признающий защитную маску, лицо его всегда открыто, потому что «на человека хочет быть похожим»: «На человека! На ногайца! А вы скрываете, что вы ногайцы! Бойтесь!». Зоотехник по специальности, он пошел в грузчики, как только построили завод, тогда же и пристрастился к спиртному. Такое прямое отражение драматизма перенесено в биографии Алибека весьма символично: индустриализация – это прогресс, но именно она несет с собой разрушение экологии природы и человека. Не менее страшно и разрушение морали в обществе, экологии этнокультуры, с чем борется пьющий Алибек - при всем при том - тип героя с обостренным чувством ответственности за происходящее, не желающий примирения с миром призрачного благополучия и спокойствия. «Не такой простой, как кажется... Больно много знает. Притворяется, водкой заглушает. Когда не пьет, ни с кем не разговаривает», - говорят о нем Ибрагим и жена Зейнаб. Именно письма-протесты Алибека против строительства завода нашли в свое время адресата в ЦК партии. «Люди, потеряв веру в справедливость, разбредутся по всей стране. Они будут сеять всюду зерна зла и недовольства. А на месте Коксара останется куча золы. Оттого, что аул будет разрушен, а жизнь людей искалечена, будет ли польза государству?» - писал

Алибек. После этой «самовольной выходки» он пережил предательство родного брата, уволившего его с работы. Однако, при этом правдоискатель все же остается верен своим убеждениям, защищает оставшуюся в Коксаре «самую опасную массу, которая не желает расплыться, которая может пойти на массовые беспорядки», выступает против того, чтобы детей отдавали в интернаты и детские дома, спасает своего внука от такой угрозы. Но, вскоре он переживает надлом, его жизнь идет по наклонной, начинается его «выпадение» из действительности: неприятие со стороны власти предрержащих, отторжение земляками за увлечение спиртным. Такой тип из разряда шукшинских «чудиков»-изгоев - частый персонаж многожанрового творчества Капаева: «безумный» Сарзаман («Сказание о Сынтаслах»), добровольный «изгой» Карабатыр из одноименного рассказа писателя, «слабый» Алимбек («Разорванный круг»), «чудаковатый» Мухтар Карамов («Салам, Михаил Андреевич!»), «ведьмина внучка» Нурхан («Гармонистка»), и вот теперь «пьянчуга» Алибек.

Художественная деталь, обретающая масштаб символа в пьесе – проходящий лейт-мотивом музыкальный образ - песня «Старый причал» на стихи Булата Окуджавы:

Чайка летит, ветер гудит, шторм надвигается,
Кто-то и мне машет рукой и улыбается.
Кто-то и мне прямо в глаза молча глядит,
...сердце болит,
Словно забыть старый причал мне не велит.

Штормящее море, гул ветра – стихии, служащие фоном для обрисовки тревожной ситуации в Коксаре. И функция песни - «текста в тексте» - более чем определена: «старый причал» Алибека Коксар в беде, оттого не унимается его сердечная боль, она с ним всегда, и к каждому его появлению песня – аккомпанемент.

Алибек - «выпавший» из реальности, изъевший самого себя из бытия, самоустранившийся, но в то же время - исключительный герой-бунтарь. Он олицетворяет собой в пьесе главное мерило человеческой морали - совесть, и потому выступает как главная угроза благополучию созданного братом Асаном Мурзаевичем мира, где люди прячут лица под масками. «Собрались безликие! Я вас выведу на чистую воду!», «Хуже вашего позора не бывает! Вас душат, на вас гадят, а вы лица подставляете! Террористы! Диверсанты!» - бросает он в лицо Ибрагиму и Самату, истории жизни которых Алибеку хорошо известны. А в кульминационной сцене, с подложенной Муратом в его доме гранатой, Алибек уже обращает свой праведный гнев непосредственно к брату – Асану Мурзаевичу: «Что же ты с людьми творишь! Ты людям в глаза смотри, лицо открой (*срывает при этом его маску*), ты на себя посмотри! Весь народ отравил и ходит, как ни в чем не бывало! Нашу фамилию на весь белый свет очернил!» И поскольку только совесть может вынести заслуженный приговор человеку, именно Алибека – разоблачителя и судью – боятся и не хотят видеть в опасной близости «хозяева жизни», «местная агентура» и молодая поросль – их последователи. Стремление этих людей ограничить или желательно вовсе исключить присутствие правдоруба в своей жизни отчетливо следует из их реакции на его появление: «Болен. Его лечить надо. Сына позорит», «Уберите этого алкаша!», «Я тебя в ЛТП отправлю, я тебя в тюрьму упеку!», «Даже мама скорой смерти ему желает!».

Алибек, которому «море по колено», боль души, отчаяние и бессилие выражает в обличительной речи: «В тюрьму говоришь! А чем эта жизнь лучше тюрьмы?! Весь народ в пожизненном заключении! Дети, старики – все в заключении!»

Подлинная драма Алибека, безысходность ситуации отчетливо выражены в детали: после такой вспышки разоблачительного гнева, обращенного к «безликим», его столь же быстро успокоили «разумные» доводы дочери: «В тюрьме тебе водку не дадут, а здесь твоя доза всегда имеется». И получив «материальное возмещение» - бутылку коньяка от брата, герой-обличитель уходит. В отличие от своих нравственных антиподов – брата

Асана Мурзаевича, дочери Анжелы, рабочкома Мурата, Алибек при всем при том олицетворяет тип человека с цельной натурой, который не мыслит себя вне родовой цепи поколений, вне своего национального мира. Он не ищет индивидуального спасения от гибели, счастья избавления от зла для себя одного, как другие герои, а хочет вместе с земляками, с матерью, семьей преодолеть эту драму, когда именем прогресса, по приказу сверху должен исчезнуть Коксар. Поэтому он пишет письма, борется за свою малую родину, спасает внука, не дав отлучить его от семьи, выступает с обличительными речами. И после череды тяжелых последствий такой его активности, не в силах сопротивляться напору обстоятельств, родившееся в нем неверие в праведность мира и в собственные силы, потеря смысла жизни, отрицание очевидного уходят внутрь его, Алибека, сущности и находят выход в таком способе изъятия себя из мира «заблудших» людей, как пристрастие к спиртному.

Символически-сгущенные образы, мотивы, притчевые сгустки – сентенции, а также реминисценции и аллюзии из родной и мировой художественной культуры, обогащают поэтическую палитру пьесы Капаева. В заглавии пьесы, являющемся ключом к ее интерпретации, содержится подсказка-реминисценция (драма М.Лермонтова «Маскарад»), настраивающая читателя на встречу со скрытым пороком, фальшью, лицедейством, притворством, на частую смену планов изображения, калейдоскопичность действий. Такой настрой усиливает присутствие масок-противогазов, которые, ввиду сложной экологической обстановки, вынуждены носить, уже и не замечая, «как часть тела», герои пьесы. Однако, этот атрибут защиты включает в себе многозначный смысл: по выражению одного из героев, это «безликие прячут лицо от народа». В традиции маскарада (маскированного бала), как правило, присутствует и интрига, в частности, узнавание – неузнавание героя. В этом смысле читатель «Маскарада по-ногайски» настраивается на неожиданные разоблачения - «срывание масок» и на то, что в этом будет какая-то специфика («по-ногайски»). Такая смыслопорождающая многозначность заголовка отмечается и в разножанровой прозе И.Капаева (рассказ «Бердази», романы «Вокзал», «Отражение»).

Свойственное И.Капаеву притчевое видение мира является устойчивой особенностью его эстетики, ранее выражавшейся в его многожанровой прозе (рассказы - притчи («Бердази», «Алтын шыбын» (Золотая муха), «Разорванный круг», роман-притча «Сульдер» (Отражение). Притчевость (моральная поучительность), наряду с эпичностью, свойственна, как мы видели, также и драматургии писателя. Это, прежде всего, нарицательные имена героев, подчеркивающие притчевую всеобщность персонажей. Также в основе поучительности художественного произведения, - эффект *остраннения* (от «странный») (термин введен В.Шкловским), когда повествование удаляется от современного автору мира, от конкретного временного и событийного контекста, а затем вновь «возвращается к оставленному предмету и дает его философско-этическое осмысление и оценку»¹. Другими словами, новый («странный») взгляд на известные вещи позволяет избежать автоматизма в их восприятии, давая видеть их заново, свежим взглядом, с нового ракурса, а не привычно узнавать, тем самым достигается адекватность читательского восприятия. «Странный» взгляд на вещи драматурга И.Капаева обеспечен богатством и разнообразием ассоциативных связей его пьесы-притчи с фольклорными сюжетами, в частности, ногайского героического эпоса («Мамай», «Эдиге»). Исторический опыт народа, осмысленный в фольклоре (эпосе) в судьбах реальных личностей - прототипов эпических героев, а теперь уже - в судьбах героев пьесы формирует дидактическое (поучительное) содержание драмы-притчи Капаева. Оно (это содержание) сводится к одному: основное мерило человечности, нравственности – это совесть. Именно этой мерой оценивается сущность героев «Маскарада по-ногайски», перипетии их судеб - предмет художественного анализа дра-

¹ Литературный энциклопедический словарь/ под общей редакцией В.М.Кожевникова, П.А.Николаева. – М.: Сов.энциклопедия. – 1987. - С. 262.

матурга. Трагедия нарушения равновесия «природа и человеческое общество» в настоящем, вследствие неувоения уроков истории, - и есть стержень философии Капаевской драмы, ее притчевой сущности. Целая лаборатория смысла, многослойного и многозначного, в этой острой полемике добра и зла, осмысленных как вневременные категории. Голубые камни, железный сундук с древними письменами на ногайском языке, о которых Самат читает в альманахе, – метафора: история прошлого – кладезь опыта, в нем следует искать ответы на нынешние вопросы. И не случайно сундук с письменами нашелся непосредственно перед гибелью аула. Это знак, это путь к решению проблемы: еще можно спасти его, только нужно обратить взор на опыт веков. Трагедия древнего Коксара, превратившегося впоследствии в «дурное место», свершилась при попустительстве безответственных правителей - братьев Акбарса и Калю, позволивших Джамбаю и его сподвижникам путем интриг и смуты обескровить Голубой дворец, отдать на разграбление его богатства вероломному, циничному неприятелю - хану Актайши, надругавшемуся над безмятежностью коксарской жизни. Именно ему, Актайши, отправившему в свой гарем Джанике, присягает на верность Джамбай: «Буду служить верой и правдой великому хану Актайши!»

Иса Капаев в своих произведениях различных жанров часто прибегает к использованию емких метафорических образов-символов, позволяющих концентрированно и выразительно передавать художественную мысль. Это *посох Аноша* («Бердази»), *тайтуяк* (слиток золота) и *смех* («Сказание о Сынтаслы»), *повязка на пальце* в одноименном рассказе, *треснувшие часы* («Вокзал»), *сова* («Гармонистка»), *череп*, *курган* («Отражение»). В «Маскараде по-ногайски» такую функцию выполняет *звенящий колокольчик* в руках Калю – образ - реминисценция из эпитафии к роману Э.Хемингуэя «По ком звонит колокол», строки которого принадлежат английскому поэту 17 века Д. Донну: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе». Смерть Человека и смерть народа для И.Капаева – понятия равноценные: смерть Коксара умаляет все человечество. «Колокольчик звенит по твоему трону, то есть, по нашему трону. Я - такой же правитель, как и ты», - говорит Калю брату Акбарсу. Пытаясь спасти трон от притязаний безумца, а Коксар от гибели, Акбарс внушает ему, что «народу нужна одна голова (а нас двое)». «Поделит трон пополам и будем играть золой», - был ответ Калю брату. В итоге, после ухода Акбарса, власть достается Калю, не знавшему, что с ней делать. «Какой из меня правитель? Курган с золой куда приятней! Это все Джамбай!» Коксар становится добычей хана Актайши, который однажды отдал знаковый приказ коварному предателю Джамбаю – оседлать безумного правителя Калю. Джамбай – на коне! Он - над властью! Символично.

В истории современного Коксара ничего по сути не изменилось, все также, но с поправкой на время. Вызов, предупреждение, набат, содержащиеся в звуке маленького колокольчика, составляют общечеловеческое содержание эпической драмы Капаева: современная действительность угрожает будущему, потребительское отношение к природе, нравственная нищета погрязших в бездуховности людей, власть коварных интриганов-разрушителей - это повод для очень серьезного беспокойства. Это духовное наставление нынешнему поколению - прислушаться к колокольному звону.

Проблема тотального и перманентного неблагополучия сакрального пространства – национального дома, традиционно метафорически осмысливается Капаевым в целом ряде его произведений: *квартира*, а не собственный дом – место обитания Кобека Карамова – персонифицированного образа народа; трагическая *история цивилизации самыров* - «презираемых и оклеветанных созданий» из «Трактата о любви» того же Карамова в романе писателя «Отражение»; *Сынтаслы (надгробие)* – название символизированного образа малой родины, трагедия разоренного распрями древнего Коксара, драма современного отравленного Коксара: «нет места, где поселился бы Коксар».

Открытый финал с улетающим за границу Асаном Мурзаевичем на персональном лайнере несколько пессимистичен, но обращенность финала в душу, в мысль читателя и зрителя оставляет надежду на то, что противовес такому положению дел обязан сложиться.

МАТЕРИАЛЫ ПО НОГАЙСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ ИЗ АРХИВА АСТРАХАНСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. Сызранов, О.Б. Капланова

В архиве отдела традиционной народной культуры Астраханского областного научно-методического центра народной культуры (АОНМНК) хранятся ценные образцы фольклора ногайцев Астраханской области, собранные в 1969 г. Р.У. Джумановым (1937-2014), который в то время работал методистом Центра. Рукописный историко-фольклорный материал, собранный Р.У. Джумановым, принадлежал Баймурату Давлетбаеву (1881-1942). Также Джумановым были записаны песни от народного певца Абдуллы Шамукова (1911-1991) - жителя с. Лапас Харабалинского района и Гульжамал Джумановой – жительницы с. Сеитовка Красноярского района Астраханской области.

Целью настоящей публикации является введение некоторых из данных фольклорных памятников в научный оборот. Для этого О.Б. Каплановой был осуществлен их предварительный и сокращенный перевод.

Первая рукопись повествует о судьбах ногайского народа в XVII-XVIII в., о его страданиях под властью калмыков и о стремлении ногаев обрести свободу. Главное действующее лицо повествования - Туган-мурза, который в тексте выступает инициатором миграции ногайцев на Кубань. В этом образе, как нам представляется, отражены черты реального исторического деятеля - ногайского поэта XVII в. Каз-Тугана Сююнч-улы (или Казы-Тугана Суйиниш-улы), который родился на берегах Нижней Волги. Немногочисленные сведения из жизни поэта почерпнуты из его же собственных произведений. Из них, в частности, известно, что Каз-Туган был сыном едисанского мирзы Суйиниша Сейит-Абдулла-улы (в русских документах - Сююнча Абдулов), жил на Волге, а затем со своим улусом перебрался на Кубань¹.

Туган-мурза

«1736 елында Кубаннан кушеп килген нугай заманында Астрахань руста булсада сахрасында кыйбла, шимел, жаек суынаша калмык ыхтыярында булганга ошый. Калмык килгн 1660 елда. 40-50 ел шамасында калмыкта торган. Калмык боларден хисапсыз, урышсыз жэралотлар алганнар. Ханнын бу нэрсэсене курмэгэн нугай халкынын баш кешесе Сююнши-улы.

Туган-мурза халкына эйткэн. Туган-мурза нугаен жыеп тулгаган:

*Чаган минем ай илем
Жиде сан минем эй халкым
Бу дорестен тургаут
Бу каурдын килгене
Килгенде елден болгене
Бу тогыз сан тургаут
Не алмады не калды
Иделде алды кен алды
Жаектын буге жем алды
Алгара кигаиш суды алды
Инде алмага не калды*

¹ «Йыр иеси мен эдим»: Поэзия йыйынтыгы / Сост. Б. Кулунчакова. - Махачкала, 2009. С. 255, 257, 258; см. также: Тепеев В.Т. Некоторые исторические сведения XVII в. о ногайском поэте Казы-Тугане // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков - к грядущему / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, А.Х. Курмансеитова, С.А. Кукаева. - Черкесск, 2014. - С. 91.

*Шайнарына ет алды
Сусынына сот алды
Шайнарына ет алды
Сусынына сот алды
Шайнарына корт алды
Шэенэ - салуга май алды
Мнерене ат алды
Жегуене тоя - алды
Ун, яктагы коланбыр шашлы кой козле
Кызларына куллары тиеязбага аз калды -*

деп толгаган болайша масликат итеп «Кобанга кушеек» деп кере китуге риза булган.

40 кесе алдыда кое казуга, халык тамам кеткеш кое ябуга Туган-мурза. Юлдасларын нан тамам артка калаяшак. Халкы жыелганнан Туган-мурза-да санап тамам «Хэзерсезбе, кыйналып келденезбе?». «Эзермез» дегеш, Туган-мурза, тулгау айтады:

*Салты койрык конан куй
Ак-Ордада сойган жер
Сары-желек ту був
Туй-мэжлеске суйган жер
Атам менем Су енисе
Анам менем бу Гиойдык
Киленишек болып жорген жер
Кендегемде кескен жер
Кер-куыгымды жуган жер
Торка конмас тез арка
Ир басында ак шатр
Жатып кинес иткен-жер
Кинесем-кинес булган сон
Халкым бер рэткэ тоскен сон
Аюке-дей каурды бер аяктан жыгарман
Хайран Идел жан Идел
Хуш бул ниде аман бул.*

Бу халык, нугай тамам йолга кушеп шыкканнан сон халык эшенде шыгып тулгаган яслар:

*Жан бер Идел жан Идел
Хаерлы булсын калганга
Жары мынан суы тын
Ярлы мынан бае тен
Жире жусан сасыган
Жилеге сэт татыган
Ботлашыге монар дай
Боз сазаны токлыдай
Улене жаткан бота таптырмаган
Балыгы суга жылкы жаптырмаган
Бакасы тон ойкысын таптырмаган
Хош аман бол сен Идел.*

Бу тулгауда яслар айткан, картлар тулгап иле жавап бергенлер.

*Идел калса Кобан бар
Аюке калса Туган бар
Тарак койрык сазан калса
Аер койрык сабан бар.*

Туган-мурза темам халкын куширеп карап берз гына шатыр ман утырган. Ярлы уа халкына килеп «сез ниге кушпейсез» дегенце «хэлемез юк» деп жавап берделер. «Каран батсын» деп туктамай ханга барып хан алдында аттан тоспей тулгаган:

*Бо кеткеннен кетермен
Сатайлыды белден утермен
Алык айтарын кызыл комнан
Бер тосленен кетермен
Атам йорты ак Кубан
Анграй барып жетермен
Кырымда калган кырк кордас
Кыркыман кенес итермен
Сатамбыр комек бермесе
Кодаем-аллам жул берсе
Сездей денсез ханнарга
Бер айланып кетермен -*

деп тулган кушкен халык артыннан 5-6 коннен сонъ жолдаслары илэ узе де йорген. Бу Туган-мурза Кубанга барып рахатлэнеп беркигип елдан сон юлдасларын алып Аюке илэ сугыспага келген. Куресен кыс коне булган Туган-мурза килеп Аюкеге хабар берген «Гаскэренде шыгар» деп. Сунда Аюке енесе Шандар-жапка айткан токтатырлык кошем йок, сен Туганга флаг котер деп. Шандаржапты Туган-мурза бёр атып егып ултерген. Гаспэр каша баслаган. Туган-мурза Аюке торган жерге он такан йогардан, икеншесен туменнен. Ок сызгырып уте баслаган Аюке-хан тагалы атка мнел боз илэ кашакан. Туган-мурза кусада атында тагасы булмай жете алмайды, Астрахань каласына Аюке хан килеп керген. Кере айланып Туган-мурза калмыклардын кайберлерен ултереп».

Туган-мурза (перевод)

«В 1736 году из Кубани под Астрахань перекочевала часть ногайцев. И хотя Астрахань находилась под властью русских, но земли до Яика находились под влиянием калмыков. Калмыки пришли в эти земли в 1660 году. Примерно 40-50 лет калмыки взымали с ногайцев дань. О страданиях народа писал Суюнши-улы.

Туган-мурза собрал народ и выступил перед всеми с песней, где он призывает народ вернуться на Кубанскую землю, описывает лишение ногайцев и спросил, готовы ли они двинуться в обратный путь. На что простые люди согласились. И народ сочинил эти строки, посвятив Душе- Волге (Жан-Идел). А старики запели в ответ:

*Если оставить Волгу,
Есть Кубань,
Если не Аюка,
То есть Туган.
Если оставить сазана
С хвостом, как гребень-расческа,
То есть плуг.*

Туган-мурза, сидя в шатре, наблюдал за переселением людей-соплеменников. У бедных он спрашивал: «Почему вы не уезжаете, не откочевываете?». «Нет сил, достатка», - был ответ.

Тогда Туган-мурза не слезая с коня, запел:

*Я уезжаю.
Отцовский юрт - Белая Кубань.
Я до нее дойду.
В Крыму остались 40 моих одногодков.
С ними я посоветуюсь.
Если Сатемир не поможет.
Если Бог даст, как ты ханов я проведать смогу.*

После отъезда народа, через 5-6 дней, он с друзьями отправился в путь. После года вместе со своими друзьями Туган-мурза отправился на войну с Аюкой. Холодной зимой он отправил Аюке весть: «Выводи сою армию!». Тогда бабушка (по матери) Шандар-шапка сказала, чтобы Аюка поднял флаг, так как не сможет остановить врага. Туган-мурза выстрелил, повалил и убил Шандар-шапку. В схватке победило войско Туган-мурзы, а Аюка скрылся на лошади в Астрахани. Повернувшись, Туган-мурза убил часть калмыков, часть взял в плен».

Публикуемый фрагмент второго текста, озаглавленного Р.У. Джумановым «Ногаи в XIX-XX вв.», повествует об основании сел Сеитовка и Хожетаевка - первых селений ногайцев-карагашей в Красноярском районе Астраханской губернии. Кроме того, приводится информация о ногайских родах («ру») данных населенных пунктов. Интересно сравнить эти данные с названиями карагашских родов в работе дореволюционного исследователя П.И. Небольсина (1817-1893) «Очерки Волжского низовья»: род ас с подразделениями шотук и култас, род найман с подразделениями баганайле, джагалбайлы и шобалчи, род тубетбес, род мангыт с подразделениями кугусс, алтаяк, эргенекли, байгунда, темирходжа. У каждого рода, пишет П.И. Небольсин, имелась своя «тамга» - родовой знак. Сохранялась и родовая обособленность. Так, в частности, члены одного рода (или родового подразделения) не ходили в мечеть другого рода. Между родами существовали экзогамные брачные отношения¹.

«1780 елда Хожатай, Сэйтлэр ауллары басланган 1785 елда. Сэйтлэр исеменда ауыл салынып мэчет, мэктэп салып армен сзудегэрлэре килеп сауда башланган карагаш нугае сзудэгер булган, балык белмеген авыл сзэбэе: «Сэетлэр "Шаэтлэр"». Ахтуба, Бузан буенда халык басуны булган халык елаган, кимеге кук желкен белэн йореп Актыбага якын утырган жиргэ 40 семьяды утереп, доньясын алган, 41 кешедэ кумген, «хуралы» ясаган. 41 ойле Сейтлэр дин йоргезэлэр, 41 жирде саналып торалар. Сагызлыкын контугыш яман туба, сунын катарына Сэетлэр булган 1785 елда, авыл салынган. Укьмаган халык Шэетлэр дими Сэетлэр дип айтканлар. Актыба буенде Шэетлэр зираты бар. Хэзерге торган жире: 1874 елда Сэетлэр бу якка кушеп, шул елы гэскэр ала башлаган. Букей хан баласы Кобаш хан килеп жэяу солдат алган. Хужатей, Сеитлер халкы суннан бирле солдат бирген.

Сэетлэр ыруы: жагымбайлы-найман, баганалы-найман, шубалашы-найман, утегулы, баканшак-байгунда, ажимбет-адай, сжыут, джальмамбет, тергенши, туермалы, серкеле.

Хужатайдын ыруы: алтаяк, шутык, кугес, тубетпес, иргенкле, асы, кара-асы, уйгыр. Алар 13-14 була, эр кайсынын тайпасы булды, малкы, тамга белэн аёра, ниша ой булсада агаэнер кыз алмай, кыз бирми лэкин сунгы вакытта ру аталас, уз кардашына булды».

Перевод

«Хожетаевка была основана в 1780 году, Сеитовка - в 1785 году. В Сеитовке были построены мечеть и школа-мектеб. Появилась торговля. Незнающие люди называли аул не Шаэтлер, а Сэетлер. Недалеко от Ахтубы были убиты 40 семей, разграблено их добро. Убитые были погребены. На берегу Ахтубы есть кладбище Шаэтлер. В 1974 году Сеитов-

¹ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. - СПб., 1852. - С. 87.

ку основали на другом берегу Ахтубы. В этом же году стали забирать на службу. Сын Букей-хана Кобаш-хан набрал солдат. Из Сеитовки и Хожетаевки с тех пор стали забирать в солдаты.

Сеитовские ру: найманы: жагымбайлы, баганалы, шубалашы, утегулы, баканшак-байгонды; ажимбет-адай, сжуыт, джалмамбет, тергенши, туермалы, серкеле.

Хожетаевские ру: алтаяк, шотык, кугес, тубетпес, иргенекли, ас, кара ас, уйгур. Они 13-14 видов. У каждого своя тамга. Девушки и юноши из одного рода не женятся, так как считаются родственниками ("аталас")».

Третий фольклорный памятник, озаглавленный «Кук житте» легендасы», представляет собой скорее предание (чем легенду) о гибели некоего хана от рук собственного сына, который отрезал ему голову недалеко от Хожетаевки. В данном предании обнаруживаются элементы одного из «бродячих сюжетов», «общих мест» мирового фольклора - мести сына отцу (правителю, герою) за покинутую мать. Предание связывает с этими событиями происхождение названия села Басы («бассыз» - с ногайского «без головы»).

«Кук житте» легендасы

«Узган заманда халыкта бер гадэт: ханга кыз биреп, подаркалар бирэлэр. Хан килеп куньп кидете икен, 1 тиенлек расход юк. Шул халык «Аксарай» зук ак таштан бала кылып кыз бирэ. Ханын Ак-сарайдан тумэн Шумка комда тагы бер хатыны булады. Бухан Аксарайдагы хатынын яратпый «талак» итеп бушатады, хатын шул йерден халкынын батырлары айтсада кабыл итпи, Идел кыйбласына алыс йерде Ставрополь якка ата-анасын, эл йортып ташлап башха ирге китеде. Бу хатыннан бер бала булады, егет булган зуелге ханды эзлеп куады. Бала астында кук ат булады, Хожатай артында тубеде бала ханды ултереэде Халык карап «кук житте», «кук житте» дип айткан. Бала хан гэудэсен артып Астрахань аргы сахрага шыккан басын кисеп алып анасына киткен. Куркоп халык «Бассыз гэудэ ята» дигэн. Исем кушкан авыл Бассыз - "Басы" дип».

Легенда «Кук житте» (перевод)

«В давние времена у народа бытовал обычай: девушку выдавали замуж за хана, давали за нее большие подарки. Хан приезжал и ночевал, без собственных расходов. Хан не тратил ни копейки. У хана недалеко от Аксарая, в Шумке (в степи) была еще одна жена. Но с этой женой он развелся, так как не любил ее. Хан не послушался знаменитых батыров, а бывшая жена хана уехала в Ставрополье, к своим отцу и матери. У этой женщины от хана был сын. Когда сын вырос, стал искать отца. У него была лошадь синего цвета. Своего отца хана он убивает за селом Хожетай, на бархане (возвышенности). Люди, видя это страшное действо, что сын убивает отца, говорят: «Настигла кара небесная! (Кук житте - Небо опустилось!)». А сын забрал (отрезанную) голову отца и поехал к матери. А тело, без головы, осталось лежать. Увидев это, люди воскликнули: «Лежит тело без головы!». Голова - по-ногайски «бас». «Бассыз» - без головы. Басы - название села».

В заключении мы бы еще раз хотели подчеркнуть, что приведенный в публикации перевод носит предварительный и несколько сокращенный характер. В дальнейшем наши усилия будут сосредоточены на полном и более точном переводе всех фольклорных материалов, собранных Р.У. Джумановым и хранящихся в архиве АОНМЦНК, в том числе приведенных выше, а также новых, в частности, фрагментов обрядовой песни «Яр-яр», записанной от Гульжамал Джумановой в с. Сеитовка и песни «Нугайдын борынгы тормышы», записанной от Абдуллы Шамукова в с. Лапас. Предполагается публикация всех этих памятников в виде отдельного издания.

РАЗДЕЛ 5. ПУБЛИЦИСТИКА

«НОГАЙСКИЙ ТОТЕМ «КОБК БОБРИ» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

Р. Л. Нуралиев

*Как писал небезызвестный и всеми полюбившийся нам Василий Ян
– Читателю Салам!*

Я взялся за эту работу вынужденно, но, признаюсь, несколько не пожалел, что углубился в эту тему, так как сам по себе являюсь большим любителем истории своего народа. Это исследование не является научной работой, но тема ее актуальна. К Миру науки отношения не имею, я исследователь «из народа». Моим стимулом к написанию этой статьи послужили вызывающе агрессивные лозунги в социальных сетях, отрицающие в корне существование такого символа Ногайского Народа, как Крылатый Волк, на эту тему даже была написана статья. Авторы (возможно один автор) – люди, ревностно защищающие догмы нашей религии, люди, которые посвятили себя и свою жизнь Исламу. Это праведные люди, и чего скрывать, люди достойные служить примером в наше «свободное» время, когда даже хотя бы элементарные понятия приличия стали вымирать, и вымирать так быстро, что иногда ловишь себя на нехорошей мысли, что так и было, или должно было быть, да простит меня Аллах. Но их форма подачи заявлений мне показалась некорректной. (Ну, а когда они перешли на прямые провокационные обвинения уважаемых и заслуженных людей нашего народа - Исы Капаева и Сраждина Батырова, яткан ери ярык болсын, терпение моё закончилось. Оказывается, эти уважаемые люди – сказочники, что всё, что они говорили и говорят, пишут - это выдумки). Камнем преткновения стала тема, посвящённая символу Ногайского Народа – Крылатой Волчице/Волку, тотему ногайцев, в народе зовущемуся - «Кобк бобри», что можно перевести как – небесный волк.

Не раз я вступал в полемику со своими оппонентами по этому вопросу, но они оставались непреклонны. Так вот, от слов я решил перейти к делу и самостоятельно изучить этот вопрос, потратил на это, признаюсь, немало времени, но мой труд оказался ненепростым. Ниже будут приведены материалы, которые доступны для каждого в сети, взяты не с форумов, написанные кем-то бездоказательно, а именно научные работы, так же будут приведены названия этих трудов и ученые звания этих исследователей, что бы их вдруг также не записали в «сказочники». Возможно, описанная «титулара» ученых покажется излишне пафосной, но я иду на это намеренно, каждый раз подчеркивая научное звание автора, да и звания эти ведь заслужены.

Я могу понять переживания этих людей, вопросы верований всегда, во все времена были и, наверное, останутся самыми сложными в обществе. Но не всё есть истина, много бывает и заблуждений. Считаю, что люди должны уважать свои корни, мы не выбирали, в какой расе родиться, не выбирали свое прошлое. Оно просто было. Для ревностных представителей своей веры, миролюбивая религия становится идеологией, отсюда возникновение разных крайностей, которые ошибочны уже в зародыше. В современном Мире, человек должен уметь сохранять терпимость, терпимость ко всему, ибо наш Мир с его прошлым, настоящим и будущим – невероятно многогранен. Многое, благодаря этим изысканиям, я для себя узнал впервые.

Сегодня мы подробно поговорим о духовной составляющей древних тюрков, об одном элементе Тенгрианства, который был унаследован их потомками, принявшими Ислам, но сохранявшими в разное время «языческие пережитки», о – тотеме. Тотемам, как таковым посвящены отдельные научные работы, и эту тему можно считать изученной. Речь пойдет именно о ногайском тотеме, о крылатом волке, которого отождествляют с

собакой. Со слов Исы Суюновича Капаева, именно небесная собака была первоначальным тотемом. Сам тотем известен, наверное, практически каждому ногайцу, даже проживающему за пределами России, как символ нашего Народа. Изображается традиционно на флаге, и понятие «тотем» к этой символике употребляется далеко не всеми. Я бы даже сказал, что именно под такой призмой его рассматривает только узкий круг людей, углубленно изучающих и интересующихся историей Ногайского Народа. Для среднестатистического ногайца Крылатый Волк – это символ, и дальше этого понятия он не уходит. Таково упрощенное восприятие этого символа в простой обывательской среде, и глубокое изучение тотемов и корней, истории его происхождения, это уже в принципе лишняя информация, достаточно сложная, и ненужная в современное время, по сути, повторюсь, необходимая, возможно, только для узкого круга лиц. Народу, простым людям нужна Идея, нужен символизм единства, своего рода самоидентификация в Тюркском Мире. Примечательна в этом плане публикация в сети одного материала, под красноречивым названием «Крылатая Волчица» автора Марины Долгих, с небольшим отдельным комментарием в начале, выделенным жирным шрифтом, который гласит: «Древний знак на машинах и мобильниках помогает ногайцам найти "своих"». Сразу понятно, что материал не научный, но мы его и приводим в пример, чтобы подчеркнуть для наглядности простой подход ногайцев к восприятию тотема. Вот, что она пишет: «На интернет-сайтах ногайской молодежи расположились целые картинные галереи с изображением волка, особенно делают тату волка и пишут на своем теле "ногаец". При этом никто из опрошенных мной молодых активистов национального движения не смог вспомнить, почему так дорога ногайцам именно крылатая волчица, какая легенда с ней связана. Впрочем, это несколько не мешает нашим молодым современникам гордиться своим крылатым символом, воспевать его в песнях, прославлять в стихах». Как-то так. Спасибо автору публикации, уделившему на это время. Понятная статья у «обозревателя», простой подход у народа.

Раскроем общее понятие тотема. Если говорить о тотемах вообще, то тотемами, по представлениям древних тюрков, были символы, изображающие зверей (реже другие элементы), имеющие сакральное значение, обладающие большой духовной энергетикой и символизировавшие какое-либо тюркское племя или род и считались прародителями этих самых племен или родов. Тюрки верили в родство душ со своими тотемами, они служили оберегом, и являлись неотъемлемой частью ритуальных комплексов. Позже, когда кочевники стали принимать Ислам, в их числе предки ногайцев – печенеги и половцы, культ тотемизма и другие признаки язычества не были вытеснены полностью, о чем свидетельствуют многие авторы. При всей строгости канонов Ислама, они сохранились. Не нужно далеко ходить за примерами, этот аспект подробно изучил наш замечательный ногайский ученый Ахмет Аминович Ярлыкапов (Старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, этнограф и религиовед), в своей монографии «Ислам у степных ногайцев», где доисламским верованиям посвящена отдельная глава в работе.

Есть короткая, но весьма объемная по смыслу формулировка, автор которой дореволюционный историк. Хотел бы процитировать Веселовского, который в своем труде «О религии татар по русским летописям», еще в 1916 году очень точно дал пояснение этому явлению: «Золотая Орда недолго оставалась шаманскою: Ислам наложил на нее свою тяжелую руку сперва при хане Беркае (1255-1266), а окончательно при Узбеке... Тем не менее шаманские обряды в виде пережитков удерживались в государственном строе Орды очень долго. В качестве пережитков эти обряды мало-помалу утрачивали свой смысл и переходили просто в традицию, которую и сами монголы, и татары не могли объяснить».

Ногайский ученый, уважаемый, Рамазан Хусинович Керейтов, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии, заслуженный деятель наук Карачаево-Черкесской Республики, будет первым, кого мы рассмотрим. В статье «Некоторые проблемы этногенеза ногайцев», вышедшей в первом номере журнала «Половецкая Луна» за 1992, ученый пишет:

«... Напрашивается также и другая параллель. Не дали ли название народа по имени тотема? А тотемом мог быть сам этноним «ногай». Предкам ногайцев – древним тюркам – мог быть известен тотем «ногай», который они использовали еще в V веке. В переводе с монгольского языка «ногай» звучит как «пес». Это слово не должно удивлять или коробить слух кого-либо... Известный исследователь Л.Н. Гумилев пишет, что многие народы называли своим родоначальником того или иного зверя».

В своей монографии «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» (2009г.), Рамазан Хусинович отмечает интересные факты, показывая важность связи ногайцев с волком. Цитирую:

«В верованиях ногайцев большое место отводилось волку. Его зуб носили как амулет от сглаза, от действия различных злых духов. Большое внимание уделялось черепу волка. Вот что пишет собиратель народной мудрости Т. Акманбетов: «В шестьдесят лет волка бери, - говорят у ногайцев. Шестидесятилетний человек должен был найти волка, умертвить его и на кургане содрать шкуру. На это мероприятие он приглашал односельчан. Шкуру волка он разрезал на куски и раздавал им. Получившие кусочки кожи целовали, затем прикладывали ко лбу и прятали, носили с собой. А голова волка крепилась на палке одного из уважаемых в округе стариков здесь же на кургане. Женщины по этому случаю произносили благопожелание:

Боъри бас, боъри бас,
Болма бизге кас.
Яным ян болсын.
Басым дань болсын.
Боъри бас, боъри бас,
Тилекке кулак ас
Кылышым тот болмасын,
Кардашым ят болмасын.
Билбил кустай сарнайык,
Эдиге хандай тойлайык.
Душпаным туз есин,
Сув ишпей, ув ишсин».¹
(Волчья голова, волчья голова,
Не будь нам вражеской,
Пусть душа станет спокойной,
Пусть голова в почете останется.
Волчья голова, волчья голова.
Внемли нашим просьбам,
Пусть наши сабли не затупятся,
Пусть братья врагами не будут.
Тогда как соловей мы запоем,
Как Эдиге пир сделаем,
Пусть наши недруги соль поедят,
Воды не найдя, пусть яд выпьют.)²

¹ Ногай давысы. – 1994. – №2.

² Перевод из книги *И.С. Капаева* Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. – М.: Голос-Пресс. – 2012.

Как видим, у ногайцев было особое отношение к волку и волчьей голове. В целом, религия и религиозные верования ногайцев отражают как мусульманскую, так и до-мусульманскую эпоху в жизни народа. Являя собой союз различных племен и родов, народ выбрал многие элементы их культуры. Поэтому, как и другие виды культуры, религия и религиозные убеждения ногайцев - это результат этногенетических и этнокультурных связей народа».

Георгий Владимирович Вернадский - магистр, профессор, выдающийся русский историк, философ, работал и преподавал в России, Турции, Греции, Чехии, США. Ученик В.И. Ключевского. В своей фундаментальной работе «Монголы и Русь», пишет – «Ногай, однако, представлял собой слишком видную фигуру, чтобы полностью уйти со сцены. Помимо того, что он был джучидом, он был еще и военачальником высокого ранга - мирархом. Более того, он имел в распоряжении собственную армию - войска его орды, набранные, главным образом, из племени мангкытов. Основной территорией проживания мангкытов в то время был бассейн реки Яик. Позднее они стали известны как Ногайская Орда. Поскольку «Ногай» означает «собака», можно предположить, что собака была тотемным животным ведущего клана мангкытов. В египетских источниках хан Ногай упоминается под двойным именем: Иса-Ногай. Вполне возможно, что Иса - это его собственное имя, а Ногай - клановое имя (то есть, название клана, вождем которого он был). В 1287 г. Ногай заявил, что получил особый указ от хана Бату поддерживать единство и порядок среди своей родни после смерти последнего в ханстве кипчаков. Если так было в действительности, Бату, должно быть, утвердил господство Ногай над войсками его орды (орды мангкытов), считая их специальным подразделением, предназначенным для поддержания законного правительства в ханстве».

Иса Капаев отмечает, что вариантов имени Иса-Ногай зафиксировано несколько, например: Иесу, Еси, Яса, Ясакши (Столицей эмира Ногай был город Исакчи), Есугей (имя отца Чингиз-хана). Тотем собаки был у многих племен. Вернадский же, по моим наблюдениям одним из первых выдвинул версию о том, что собака была тотемом именно у Мангкытов - правящего клана Ногайской Орды. Отдельной информации касаясь тотемного культа именно у мангкытов я не нашел, в этом Георгий Владимирович мне видится «пионером», и учитывая его огромную роль в развитии науки и не менее большой авторитет, я склонен полагать, что этим выводам ученый пришел, конечно, неспроста. Интересный поворот событий, не правда ли?

Ну а к слову, у многих авторов понятие, определение слова «Ногай» будет схоже, и будет казаться, что они все повторяются, и это понятно, авторитетные ученые в своих исследованиях пришли к схожему мнению, кое можно, наверное, даже признать бесспорным, под «тяжестью» подтвержденных фактов. Этот факт показывает нам, насколько велика и неопровержима доказательная база в этом вопросе.

В журнале «Экспертиза Власти» (г. Ставрополь), была опубликована статья о ногайцах с несколько спорным названием «Потомки Чингизхана», в которой интересна ссылка на Сергея Васильевича Фарфоровского, который, к слову, был дореволюционным историком, этнографом, автором нескольких работ о ногайцах. Вот короткая, но весьма содержательная заметка об этом: «Дореволюционный исследователь Сергей Фарфоровский полагает, что Ногай – это тотемное имя, в переводе означающее «собака»». В нашем случае, как отмечалось, постоянно идет прямая связь имени с символом Небесной Собаки.

Еще один выдающийся дореволюционный историк, Николай Иванович Веселовский, которого мы уже цитировали, тоже был весьма краток в объяснении имени «Ногай» в своей работе «Хан из темников Ногай и его время»:

«Один из влиятельнейших темников Золотой Орды, Ногай (по-монгольски: Нохай – «собака») именем которого назвался, называется и теперь, некогда многочисленный степной народ – Ногайцы, под конец своей долгой и боевой жизни усилился до такой степени, что основал особое владение и в международных сношениях занял положение одинаковое с ханским».

В статье ученого из Подмосковной Балашихи, Кулькатова Жанбека Бахтгереевича «Ногайский этнический компонент в Крыму и Нижнем Поволжье» мы наблюдаем не менее интересные ссылки. Перейдем к тексту, а ниже будут примечания к ссылкам – их источники. Цитата: «Есть и другое убедительное утверждение о происхождении и этнонима, и имени от древнего тотема тюрков и монголов - язычников «ногай» - «собака»¹. Хотя идея происхождения центрально-азиатских народов от героического предка (Огуз-хан, Чингис-хан, Алаш, Манас, Ногай и др.) широко распространена и мифологизирована, следует вспомнить, что тотему «собака» или «волк» поклонялись древние племена алтайской семьи. «Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах, в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице»². Примечательно, что изображение мифического существа – крылатой волчицы (собаки) присутствует на национальном знамени ногайцев. Историческую память о мифическом предке народа не вытравила даже принадлежность к миру ислама на протяжении нескольких веков».

Об авторе статьи мы знаем следующее - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГАЗУ, и так как его работы посвящены в целом ногайцам, я назову его без преувеличения ногаеведом.

Я думаю, каждый уважающий себя любитель истории знает эти имена авторов этих текстов, их знают, возможно, даже люди далекие от истории, потому, что это выдающиеся личности!

Лев Николаевич Гумилев - выдающийся советский и российский историк, этнолог, востоковед, доктор исторических и географических наук, переводчик Чокан Чингисович Валиханов - Дореволюционный казахский ученый, а также историк, этнограф, фольклорист, путешественник и просветитель, офицер Генерального штаба Российской армии, разведчик.

О Гумилеве вообще отдельно можно писать книги, и открыть новое направление науки названной его именем – «История Гумилева». Уж слишком колоссальная личность! Ну, а символизм волка у тюрков, в общем – информация, наверное, не требующая никаких подтверждений. О чем это я? В нашем случае – требующая.

Я полагаю, что при первых же материалах, описанных выше, в самом начале, можно было бы закончить этот «труд», и, предположим, дать возможность тем людям, которые написали статью о том, что символа волка у ногайцев не было - попробовать опровергнуть эти цитаты. Я знаю изначально, что они это не смогут. Можно было бы закончить на этом, но я продолжу.

Казалось бы, в ничем неприметной, с уж слишком обобщенным названием, статье - «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье» авторов В.Я. Петрухина, Д.С. Раевского, я столкнулся с очень интересным фактом. Читаем: «Волк был символом-тотемом многих тюркских народов, вплоть до половцев-кипчаков, хан которых был по-волчьему перед битвой — ему откликнулась волчья стая (по описанию русской летописи)». Только по пришествию времени, я изучил этот момент подробно у Плетневой, о которой, конечно же, тоже будет написано. Авторы данной работы: Раевский Дмитрий Сергеевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, специалист по истории и культуре скифской эпохи. Петрухин Владимир Яковлевич - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Есть работы и татарских ученых. Саттаров Гумар Фаизович - языковед, академик, доктор филологических наук, профессор по кафедре татарского языка. Заслуженный деятель науки ТАССР, Член Академии гуманитарных наук, в своей «профильной» работе на

¹ Валиханов Ч. В. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды / Ч. В. Валиханов // Собр. соч. : в 5 т. / Ч. В. Валиханов. – Алма-Ата : Гл. ред. Казах. совет. энциклопедии, 1984. – Т. 1. – С. 273-276.

² Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М., 1993 – С.23.

татарском языке «Древне-тюркские имена, имеющие отношение к тотемным верованиям», поделился с нами вот чем:

«Опираясь на китайские источники, Л.Н.Гумилев пишет о том, что предки тюркских народов верили в происхождение от волка... Некоторые болгарские племена связывали свое происхождение с собакой. Археологические материалы и источники подтверждают уважительное отношение болгар и казанских татар к этому животному. У большинства древних тюркских народов был и культ собаки. Дунайские болгары, волжские болгары, хазары, чуваша, казанские татары считали собаку святым животным, оберегающим от злых сил, оказывали ему уважение. При ритуале захоронения, при закладке дома, по древнему языческому обряду, собаку приносили в жертву. (Свой ритуал захоронения был и у ногайцев, прим. авт.) А в IX-X веках на Востоке регион Среднего Поволжья называли «печенегами, произошедшими от собаки» («собачьи бечены»). Ибн Фадлан же называет поволжских болгар «сакалабы», т.е. «люди, рожденные собакой». В нашем историческом антропонимиконе было еще имя Нукай, пришедшее [к нам] из монгольского языка (по-монгольски «нукай» — собака). В древнетюркском и монгольском языках «нукай ил» (год собаки) - одиннадцатый год в летоисчислении, основанном на [именах] 12 животных. В эти годы ребенку мужского пола частенько давалось имя Нугай ([или] ему однородное — Нагай). Казанскими татарами имена Нугай, Нагай активно использовались еще в XVI-XVIII веках и от них образованы фамилии Нугаев, Нагаев. Среди древних тюркских народов у кипчаков особенно популярными были имена, имеющие отношение к [понятию] собаки и ее прозвищам». Оригинальное название этой работы – «Исемен матур кемнәр куйган» (Кем дано твое прекрасное имя?) Перевод на русский язык выполнил Нургаяз Гарипов.

Его коллега - Давлетшин Гамирзан Миргазьянович, доктор исторических наук, доцент по кафедре истории татарского народа, профессор, старший научный сотрудник по специальности «археология», заведующий кафедрой истории ТГГИ, написал несколько работ о тотемах, затрагивающих и нашу тему. В работе «Культ животных у древних тюрков» он отмечает: «Культ небесного волка занимает важное место в тюркской мифологии. Он стал древним общетюркским тотемом. Небесный волк играет важную роль в победах тюрков: он является предводителем войска. Общетюркский культ волка своими корнями уходит в древние времена. В жизни народов, занимавшихся кочевым скотоводством, волк занимал заметное место, так как часто угрожал стаду. По китайским источникам, лучшие части тюркской кавалерии назывались волки. Слова «тюркский хан» и «волк» были синонимами. На знамени древних тюрков (тюрков Ашина) была изображена волчья голова. Главным тотемом огузов - кипчаков в X-XII вв. являлся сивый волк. Слово «буре» (волк) у древних тюрков использовался для образования имен. Особенно это наблюдается в высших слоях общества. Татары верили, что их тотемным животным, предком был Белый волк. Кроме культа волка, у народов, занимающихся кочевым скотоводством, также распространился культ собаки. В некоторых преданиях собака фигурирует как родоначальница племени, рода. Собака была тотемом некоторых кипчакских родов». Другая работа - «Белый Волк и Крылатый Барс», читаем: «Почитание предками татар животных, считавшихся основателями рода, племени, уходит в древнетюркскую эпоху. По китайским источникам, лучшие части тюркской кавалерии назывались «волками», на их знамени изображалась волчья голова. Понятия «тюркский хан» и «волк» выражались одним словом. С распадом древнетюркской общности распался и всеобщий тотем тюрков. Тотемом стали отдельные части тела зверя или его необычайная масть. Так появился тотем Белый волк. Он стал главным тотемом огузов -кыпчаков в X–XII веках».

Не останется незамеченной и башкирская сторона. В виду последних генетических открытий, ставящих башкир на более близкое родство, нежели традиционно таковыми считавшихся, например казахов, мы поговорим и о них, и раз уж они нам самые близкие, то мы их примем полностью, с их историей и мировоззрением. Всем известно, что средневековая Башкирия была одним из улусов Ногайской Орды, управляемая тайбугой. Исха-

ков Дамир Мавлявиевич, доктор исторических наук, этнолог, пишет: «Что касается "башкир", то они для XV-XVI вв. вряд ли могут быть отделены от общей массы племен, образовавших население Ногайской Орды, что в исторических преданиях башкир передается следующей формулой: "нагаи и башкиры составляли как бы один народ". Тем не менее, следует признать, что у группы племен, входивших в Ногайскую Орду, по фольклорным данным обнаруживается устойчивое бытование этнонима "башкорт". ("Татары" М. серия "Народы и культуры", 2001). Отмечу от себя, что у башкир и по сей день в составе разных племен существует род – ногай, что уже говорит об очень многом.

По самоназванию башкиры тоже имеют отношение к волку, и их тесную связь с нами в этом тоже можно подчеркнуть. Ногай – волк (собака), Башкир – Волчья голова.

В работах Раиля Гумеровича Кузеева связи волка с башкирами уделяется большое внимание. Одна из них, с понятным названием «Происхождение башкирского народа», сообщает нам: «Юго-восточные башкиры более отчетливо, чем другие народы, сохранили пережитки древних тотемистических представлений о происхождении тюрков от волка. Это хорошо иллюстрируется народной этимологией этнонима башкорт. В соответствии с преданием этноним расчленяется на слова баш 'голова' и корт — на юго-западных (огузских) языках 'волк' (в умысле: 'башы корт' во главе с волком или 'волчья голова')¹. Волк как тотем занимал большое место в мифологии древних тюрков и монголов Центральной Азии и Восточной Европы.

Тотем башкирского рода «Катай»²
(Кытай - род, который есть и у ногайцев)
Наскальное изображение

В тюрко-монгольской мифологии волк выступает в качестве прародителя и покровителя всех тюрков и монголов (Потанин, 1899, стр. 29; Кононов, 1947, стр. 47; Гумилев, 1959, стр. 105; Артамонов, 1962, стр.-103). С. П. Толстой, обобщивший огромный материал по тотемизму тюрко-монгольских народов, пришел к выводу, что образ «голубого» или «небесного» волка является «древнейшим пластом в средне- и центральноазиатском тотемизме», в котором волк выступает как предок «целого ряда народов Средней и Центральной Азии»³. Упоминание Огуз-хана, Бухары, Башкуртских гор, Туркмении, туркменских ханов, волка или собаки является обычным для исторических повествований юго-восточных башкир. Замечание же В. В. Радлова и новые материалы по историческому фольклору привлекают внимание тем, что в башкирских этногенетических преданиях волк (иногда собака), как и в огузо - туркменском фольклоре, выступает в роли путеводителя и покровителя древних башкир. В целом, предания юго-восточных башкир о волке, как тотеме-путеводителе и покровителе, наиболее близки к аналогичным сюжетам в

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974. – С. 132.

² Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. - Уфа, 1994.

³ Толстой С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9-10. - Л, 1935.- С. 15.

огузской мифологии. До недавнего времени у алтайских тюрков, якутов, бурят, а также у туркмен, узбеков, казахов, татар и других народов сохранялись многочисленные поверья и приметы, связанные с волком (Толстов, 1935, стр. 12—15; Потапов, 1958, стр. 136-140; Потанин, 1916, стр. 171, 172; Насыров, 1880, стр. 266; Карпов, 1929а, стр. 56). Характерной чертой «культы волка» у тюркских народов являются представления, рисующие волка как защитника от всяких несчастий (болезней, сглаза и т. д.) и покровителя рода. Волк оберегал благополучие и само существование рода, а позднее — выступал «тотемом-покровителем» отдельной семьи».

Раиль Гумерович - доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик АН РБ., Директор Центра этнологических исследований и Музея археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН, этнолог, востоковед, специалист в области археологии, истории, востоковедения и музееведения.

Дальше у нас статья под названием «Западные тюрки в странах Востока». Об авторах ниже. Цитата: «Другое дело, что волк был тотемным животным многих тюркских народов, голова волка украшала знамена Атиллы, болгар, древних тюрков, кипчаков (половцев), гузов - торков и ханов Золотой Орды; другой тотем-барс. Волчица считалась прародительницей тюркских народов, С. Г. Кляшторный отмечал, что у тюрков «существовало особое почитание волка, выраженное по преимуществу в военной символике». Пережитки культа волка неоднократно фиксировались у многих тюркских народов. Именно тюркские воины в китайских летописях называются волками. На этот счет есть любопытный пример в русской летописи. Накануне одной из битв половецкий хан Боняк (Бойнак), чтобы узнать ее исход, решил погадать. В полночь он отъехал от стана и завыл по-волчьи. Ему «отвыся» (ответил) сначала один волк, но хан продолжал выть до тех пор, пока целый хор стаи не раздался ему в ответ. Это было перед сражением с венгерским королем Коломаном. Вернувшись, хан Боняк заявил, что завтра они победят. Так и случилось». Пример летописи разберем с Плетневой, как и писал, позже. Сразу после этого материала. Авторы же этой работы: Назир Мустафинович Будаев - тюрколог, научный сотрудник Нальчикского этнографического музея. Кляшторный Сергей Григорьевич - один из ведущих российских востоковедов, историк, археолог и филолог, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.

Теперь, наконец, о кипчаках. Фундаментальный труд Светланы Александровны Плетневой имеет короткое название «Половцы». Надо отдать должное этой женщине-ученому, которая всю свою жизнь посвятила изучению кочевников, и на ее работы теперь ссылаются многие исследователи. Момент в истории, когда кыпчакие воины были уподоблены волкам раскрыт и изучен ею полностью и подробно: «...В записях XII в. неоднократно упоминалась в летописях орда Бурчевичей. Представляется вероятным, что территория, занятая этой ордой, может быть локализована на речке Волчьей - притоке Самары (левом притоке Днепра), поскольку название орды происходит, скорее всего, от тюркского bögi - волк (бурчевичи - волки). В этой связи, интересен поэтический рассказ, помещенный в русской летописи под 1097 г., о волховании хана Боняка перед битвой на Вягре: «...и яко бысть полунощи и встав Боняк и отъеха от рати и поча волчьски выти»¹. Так, хан — жрец культа волка-покровителя просил и испрашивал победу у волков, которые, ответив ему, предсказали и обеспечили будущую победу. Боняк уверенно сообщил о ней, вернувшись в стан, своему союзнику князю Давыду. Очевидно, хан Боняк, ждущий покровительства волков, и орда, имеющая личным тотемом волка, отчего и получила свое имя, связаны между собой: хан был главой этой орды. По словам крупнейшего советского этнографа, культ почитаемого предка является соединением «трех первичных представлений: идей души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровите-

¹ Полное собрание русских летописей. — Т. II. — С. 245.

ля»¹. Если первая и последняя идеи довольно четко выделяются при исследовании каменных изваяний, то «тотемный предок» совсем не виден в этом источнике², хотя представления о нем были очень сильны и живучи в тюркоязычной среде. Мы видели прямую связь Боняка с волками-покровителями, бывшими, очевидно, древним тотемом рода, хотя, как известно, по дошедшей до нас тюркской легенде, прародительницей всех тюрков была волчица. Следует помнить, что Боняк общался с волками в конце XI в. — в период становления классового общества у половцев. ...В одном из них была сделана попытка доказать господство или, во всяком случае, широкое распространение среди половцев тотемизма. Автор этой гипотезы Г. В. Сумаруков (автор работы «Затаенное имя. Тайнопись в `Слове о полку Игореве`»). 1997) считает, что в 1185 г. князь Игорь, пока шел по степи на вежи Кончака, а затем бежал из плена, встречал многих животных и птиц (волков, лис, орлов, ворон, лебедей, сорок, галок, соловьев) и все это были, по его мнению, не настоящие животные, а половецкие роды, имеющие соответствующих тотемов-животных³. Г. В. Сумаруков также полагает, что половецкие стяги изображали животных-тотемов. Это действительно могло быть: так сохранялась память о древнем предке-покровителе, хотя доказательств такого обычая у нас нет. В Радзивилловской летописи и на единственном дошедшем до нас рисунке графитти, изображавшем всадника на постаменте одной из статуй, половцы держат стяги в виде⁴ узких длинных треугольных флажков».

Светлана Александровна Плетнева - советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, крупнейший специалист по археологии хазар и средневековых евразийских кочевников.

Мы подошли к самому главному доказательству, доказательству на фактах. Это даже если захотеть, не отнести к преданиям или мифологии. Найденная статья, будет венчать это мое «изыскание», это последний аргумент, но он изумил меня, и именно его я назвал открытием, ибо эта грань между мифологией и реальностью исчезла в моем сознании навсегда. Мифология, кстати – тоже наука, и не совсем правильно все считать «выдумкой». Это даже не статья, а новость, сообщение, и, наверное, какой-либо труд, написанный по этой теме, как говорится, нас еще ждет. Название говорит само за себя, и, думаю, те, кто писал этот материал, тоже были изумлены таким открытием.

Сей труд величается так – «В Астраханской области археологи зафиксировали погребальный ритуал, аналогов которому в Нижнем Поволжье нет». Интригующе, но суть еще и шокирует. Тут нас будут сопровождать не архивные материалы, а – археология! Читаем, друзья: «Во время раскопок Селитренного городища в Харабалинском районе Астраханской области археологами была исследована курхана (*корхана* по-ног.) - ногойский подземный склеп XV века. Работы проводились совместной экспедицией Астраханского музея-заповедника и Института археологии РАН.

¹ Токарев С.А. Ранние формы религий и их развитие М., 1964. – С. 277.

² Токарев С.А. Там же – С 141.

³ Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве» – М, 1983.

⁴ Там же – С. 142.

Раскопки курханы в районе с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области

В курхане археологи обнаружили костяк взрослого мужчины. Евгений Пигарев, заведующий музеем "Селитренное городище" (филиал Астраханского музея-заповедника) так описал корреспонденту "Кавказского узла" подробности погребального обряда: "Над костяком в древности был проведен обряд обезвреживания – в данном случае у костяка была разворочена грудная клетка. Одна из основных особенностей этого объекта - похороненная на входе собака. Судя по скелету, животное было больших размеров чуть больше современной овчарки. Очень может быть, что это был волк".

Юрий Зеленева, руководитель экспедиции, добавил, что в прошлом году в этих местах была раскопана курхана (*корхана* по ног. коьр – могила, хана - помещение), в которой с погребенными людьми также были зафиксированы кости собаки. "Таким образом, нами фиксируется погребальный ритуал, аналогов которому в Нижнем Поволжье пока нет!", - считает Зеленева. Курхана, как правило, строилась из обожженного кирпичика-плинфы на глиняном растворе. Подобное сооружение было свойственно погребальной архитектуре ногайской культуры XV-XVII веков. "Ногайцы стремились быть похороненными в самом святом месте своего удела. Такими местами обычно считались руины золотоордынских городов или ханские мавзолеи. Сарай, столица Золотой орды, на которой мы сейчас работаем, видимо, также почиталось среди них как священное место", - говорит Евгений Пигарев.

На Селитренном городище, за 40 лет изучения памятника, по словам археологов, было обнаружено всего четыре курханы. Склеп, обнаруженный в этом году, отличается от предыдущих хорошей сохранностью и архитектурными деталями. Курхану окружают могилы вассалов, сложенные из сырцового кирпича. Впрочем, основные погребальные центры ногайцев располагались в других местах: на городище Комсомольский Астраханской области и на городище Сарайчик (Казахстан), где их уже раскопано более сотни».

Ритуальное захоронение собаки крупного размера, найденное в Астраханской области

Зеленева Юрий Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела охранных археологических исследований Института археологии РАН, заведующий Центром археолого-этнографических исследований Марийского государственного университета, заведующий кафедрой регионоведения МарГУ. Пигарев Евгений Михайлович - кандидат исторических наук, археолог, заведующий музеем "Селитренное городище".

Иса Капаев, по всей видимости знавший об этих находках отмечает в одной из своих работ: «Известно, что в курганных захоронениях крупных ногайских феодалов у входа в корхана (могилу) хоронили собаку. Археологи определяют ногайские курганы по этому признаку. Вероятно, от этого пошло русское - выражение: «Вот где собака зарыта!», поскольку где-то рядом с собакой находились сокровища похороненного феодала».¹

Вот вам и ответ, на все вопросы. Это точка. Тема – был ли волк ногайским символом, закрыта навсегда. Закрыта не мной. Я лишь исследовал эту тему. Она закрыта теми выдающимися людьми, которые посвятили изучению истории кочевников всю свою жизнь и имеют мировое признание. Кто-то не согласен? Опровергните хотя бы одну из приведенных ссылок, докажите обратное, и возразите этим ученым и их наследникам, как например возражали мне. Я всех ценю и уважаю, я так отношусь ко всем людям в принципе, но тех людей, которых выбрал себе в оппоненты, более за то, что они мои «соплеменники», часть моего многострадального народа. Но Сервантес в своем «Дон Кихоте» подарил миру гениальную фразу, авторство которой принадлежит, либо приписывают Сократу, Платону и Лютеру: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» - «Платон мне друг, но истина дороже»!

Нашему народу нужно единство, из года в год я слышу это, уже ставшее сакральным – слово. И эти темы, друзья, на духовном уровне ведут к расколу. Не нужно искать врагов там, где их нет. Наш бог – Аллах, это неоспоримо, но Волк был, он есть, и он будет, хочет этого кто-то или нет! Предложение подменить образ волка белым стягом, с тамгами наших исторических деятелей, которые изобразили на флаге для символичности, тоже вызывает вопросы. У государства, о котором мы мечтаем, помимо флага, который, кстати, еще и не факт, что сможет вытеснить традиционный флаг с изображением крылатого волка, должен быть и другой атрибут власти, имеющий отношение к государственной символике – герб. Если у нас есть образ крылатого волка, то он тут будет весьма кстати. Не

¹ Капаев И.С. К характеристике некоторых космогонических представлений и мифологических понятий ногайцев // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. – Вып. 2. – Материалы Джанибековских чтений. Астрахань, 2013. – С. 64-71.

помню имени автора этих слов, также высказавшего свое мнение на форуме, но они справедливы: «В тюркском Мире нас знают именно благодаря крылатому волку, а не этому белому стягу, который придумали в наше время совсем недавно». Все правильно, ибо, чтобы понять суть этого белого полотна, нужно на хорошем уровне знать Историю Ногайского Народа, разбираться в этнологии и углубиться в Вексиллологию (наука изучающая флаги - прим авт.). Думается, простому обывателю, даже знатоку истории, это будет не просто. Так что флаг хороший придумали, просто не в нем изначально дело.

Резюмируя, хочу отметить, что я не за то, чтобы возродить языческие корни и возносить ногайский тотем, предавая ему ореол святости. На сегодняшний день – это просто символ для народа, а не предмет для поклонения, и путать эти понятия, видеть угрозу устоям Ислама, это глупо. Да, в наш век мы все – мусульмане, кто-то «умеренный», кто-то ревностный, а кто-то и перегибает почему-то, искренне думая, что это во благо. Если говорить об идейности, я отмечал, это вызывает уважение, но неверны методы. Не нужно провокационных лозунгов, и, если кто-то возьмется за «такую» работу, будьте готовы, что вам ответят! В итоге, напрашивается вывод, что мифическим оказывается не волк, а слово «единство». Пример этого исследования в очередной раз доказывает, что именно в спорах рождается Истина.

В завершение хочу привести в виде приложений к этой работе несколько интересных материалов, некоторые из них как раз и записанные автоматически в категорию «сказок». Об уникальности тотема «собака/волк» писали такие известные люди, как Иса Капаев (в книгах «Бессмертная Смерть» и «Ногайские Мифы, Легенды и Поверья»), Тахир Акманбетов (в книге «Колым яхшылыкка тийсын») и Олжас Сулейменов (в книге «АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя»), обойти вниманием этих собирателей «народной» истории я не могу. Просто авторы работ не ученые, но их любопытству в исследованиях я подражаю охотно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Иса Капаев / «Бессмертная смерть»

Наш любимый писатель и исследователь Иса Суюнович Капаев, в своем историческом эссе «Бессмертная смерть», книге ставшей легендарной, пишет о крылатой волчице, при этом вводит в оборот, в частности, для меня лично, новое название – самыр. Не уверен, что о таком названии знают многие, так - как, ни до этой книги, ни даже после ее выхода, это понятие мне не встречалось в ногайской среде, отсюда можно судить о уникальности этого понятия. Книга серьезная и читается не просто, когда вникаешь в суть.

Читаем: «...В подтверждение этнонима «ногай», происходящего от монгольского «нохай» (собака) я собрал довольно весомый материал о самырах — божественных крылатых собаках. В ногайском фольклоре есть отголоски существовавшей некогда дочеловеческой цивилизации самыров. Самыры прилетели на землю из космоса. Самая яркая звезда на небосклоне называется Самыр-юлдыз (звезда Самыр). Видимо, это почитавшаяся древними египтянами звезда Сириус, ее еще называли Собачьей звездой. Она расположена в созвездии Большого Пса. Древние египтяне восхождение ее на востоке связывали с рождением нового фараона. По ногайской легенде крылатые собаки до потери своих крыльев правили во вселенной, они до сих пор в космосе охраняют солнце и луну от Елимауза. Земные собаки, потомки легендарных животных, первыми предчувствуют наступление затмения и предупреждают людей о несчастье. Шаманы и бахши в своих заклинаниях обращались к самыру, чтобы передать им просьбы людей, а могущественные колдуны — камы — сами превращались в крылатых собак и попадали на небо к Тангри. Самыр считался ногайским тотемом...»

Тотем ногайцев — крылатая собака

Изображение из книги «Бессмертная Смерть»

2. Иса Капаев / «Ногайские Мифы, Легенды и Поверья»

Совсем недавно вышедшая книга Исы Суюновича еще более подробно раскрыла символизм Волка/Собаки в Ногайском Мире. Название книги дополняет следующее – «Опыт мифологического словаря», т.е. мы сразу понимаем, что вся информация систематизирована и составлена по указателям. От себя скажу, что вообще, книга великолепная, и именно подобной книги не хватало ногайцам, поскольку, различные поверья, не только сохранились, но и по-прежнему упоминаются в нашем быту.

В книге есть несколько глав, посвященных нашей теме – «Самыр», «Тобет», «Йит - Собака», «Готыр» и «Бори - Волк». Последнюю мы рассмотрим подробно.

БОРИ - ВОЛК

Бьори — это не единственное название волка. Чтобы не говорить настоящее имя, его еще называют карыскырт, бут, бозкырт. Есть еще и такие метафорические синонимы: Ашау (Аша, Аши), Капай, Капу, Маму, Мамай, Ит-кус. В ногайском фольклоре широко распространен мифологизированный образ *коькбоьри* (небесный волк). Слово *коьк* в переводе означает не только небо, так называют и синий цвет. В сознании ногайца образ *коькбоьри* не потерял свою сакральную суть вплоть до последнего времени. Обыкновенного земного волка ногайцы тоже чтили, хотя при необходимости его убивали.

Ногайские знахари, бакши и кагымши использовали шкуру, кости волка для оберега и при разных лечебных процедурах. Особенно часто использовалась для лечения тяжелобольных детей свежесодранная волчья шкура. Для этого специально искали волка, убивали и сдирали шкуру. Обряд назывался *босла-ма*. Клочок волчьей шкуры был практически в каждом ногайском доме, он играл роль оберега для детей. Его привязывали к головной части колыбели. Также клочок волчьей шкуры использовали кагымши для исцеления взрослых больных. Во время сеанса шкуру сжигали, кололи иглой, тем самым изгоняя злого духа, вызвавшего заболевание. Кагымши и другие ворожеи использовали и нить из сухожилия волка *тарамыс*. В народе было широко распространено мнение, что волчий дух изгоняет шайтанов и йинов (джиннов).

В древности одежда из волчьих шкур использовалась как надежная защита от несчастий. Ногайская знать носила волчьи шубы. А шапки из шкуры волка старались носить все. Ногайское название шапки — *боьрк, боьрик* (волчий) говорит о первоначальной принадлежности исходного материала для головного убора этому зверю. Степняки Караногая для тех, кто боится собак, делали пояса из волчьей шкуры, перевязывая их семицветными нитями...

У Тахира Акманбетова есть записанное поверье: «Если волк попадал в капкан или его брали жилым, то тогда полагалось волка резать, когда на небо всходила радуга. Или резали возле копья, вонзенного в землю. Когда не стало копий, то стали вонзать в землю шест курык, предназначенный для ловли лошадей».

В исторических песнях, поминальных плачах ногайцев часто присутствует обращение к небесному волку. Обращались к нему за помощью. Кокбори является тотемным животным всех древних тюрков. Некоторые ногайские племена увязывали свое происхождение с этим тотемом. От кокбори возникли царские династии тюрков. В исторической литературе распространена легенда о происхождении кагана от небесного волка, который, превращаясь в солнечный луч, спускался через дымовое отверстие юрты к женщине и оплодотворял ее. В знак своего происхождения тюрки на знаменах синего цвета изображали золотую пасть волка. Такие знамена приносили победу... В мифах и легендах тюркских народов волк и собака заменяют друг друга в родословных царских династий. Например, Атилла был рожден заключенной в крепость царевной, которую навещала собака. Предок Чингиз-хана Бортечино был рожден знаменитой Алан-гуа, к которой в полночь спускался небесный луч, а на рассвете уходил через дымовое отверстие, превратившись в желтую собаку. Эдиге, брошенный лесной женщиной, был вскормлен молоком собаки.

Эти легенды связаны с астрономическими событиями. Небесный волк и собака символизировали космический объект, определявший главенствующее положение царских династий. В данном случае — созвездие Большого Пса со звездой Сириус. На земном шаре было много народов, которые связывали происхождение людей с этой звездой. Ногайцы, как и их древние предки, почитали звезду Сириус. Ее называли Сумбле, Ак-айгыр. Созвездие Большого Пса, в которое входит Сириус, у ногайцев называлось Самыр-юлдыз. Возможно, что и Кокбори тоже одно из метафорических названий этого созвездия... Тому, что тюрки происхождению каганов придавали небесное значение, факт неоспоримый, данных об этом предостаточно.

Кокбосьридей янлы эди («С душой небесного волка»), *«Кокбосьридей тири эди»* («Как небесный волк подвижный») — это были самые лучшие эпитеты для степных батыров.

3. Тахир Акманбетов / «Колым яхшылыкка тийсин»

Признаюсь, с творчеством собирателя ногайского фольклора Тахира Ажакаевича я познакомился относительно недавно, в чем помог мне мой друг. Так - как сам являюсь любителем старины, его работы стали для меня находкой и откровением. Устное народное творчество – очень богатое у ногайского народа, но, к сожалению, из-за разного рода потрясений, пережитых ногайцами, я думаю, что то, что удалось все-таки сохранить в памяти народа, это лишь часть. Ниже будет приведена боевая походная песня ногайцев, записанная Тахиром Акманбетовым. Книга на ногайском языке. Сначала предисловие к этой песне:

«В далекие времена наши предки часто воевали. И если даже ломалось оружие, нельзя было покинуть поле боя. Попавший в плен не должен был сдаваться, а если вдруг такое происходило, то его проклинали материнским молоком. Чтобы такого не случилось, наши предки, отцы, взяв кинжалы в руки, выходили на войну, и, когда отступить было нельзя, идя в последний бой на врага, который превосходил в силе - они пели эту песню, вой словно волки». (За перевод благодарю Нурадилову Асрепи)

«Босьри йыр»

Мен явга карсы бараман, бараман,
Ажжалга кирпич какпайман, какпайман.
Кокбосьри янлы ногайман, ногайман.
Явдан кажымай улыйман, улыйман.
У-л-у, у-л-у, у-л-у, у-л-у.

Елпилдейди тув, Ногай тув, Ногай тув.
Артка бурылып караман, караман.
Аруак алдына бараман, бараман,
Кокбосьри янлы ногайман, ногайман.

Елпилдейди тув, Ногай тув, Ногай тув,
Явдан кажымай улыйман, улыйман.
У-л-у, у-л-у, у-л-у, у-л-у.

«Песня волка» (Перевод, его автор не известен)

Навстречу врагу иду, иду,
Я перед смертью глаз не смыкаю, не смыкаю.
Я с душой небесного волка ногай, ногай,
Я врага не боюсь и вою, вою.
У-л-у, у-л-у, у-л-у, у-л-у.

Развевается знамя, знамя Ногая, знамя Ногая.
Назад я не обернусь, не обернусь, не обернусь,
Я навстречу к духам предков иду, иду.
Я с душой небесного волка ногай, ногай.

Развевается знамя, знамя Ногая, знамя Ногая,
Я врага не боюсь и вою, вою.
У-л-у, у-л-у, у-л-у, у-л-у.

4. Олжас Сулейменов / «АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя»

Автор, поэт и писатель, кажется, всегда был знаком широкому кругу лиц, но ещё всесоюзную известность получил благодаря этому произведению. Немного отойду от темы. Он смело написал о том, что в древнерусском известном памятнике литературы «Слову о Полку Игореве» уж слишком «много» тюркизмов, что наводило на определенные мысли, за что к слову, писатель попал в опалу и немилость «партии» и книга была запрещена. Обиделись на правду? Вот еще интересные факты. Автор в своих исследованиях сообщает, что мамой князя Игоря Святославовича была половчанка, что вполне допустимо, ибо династические браки «русов» и кипчаков были делом обыденным, в их истории постоянных войн и перемирий. И если вопрос о матери может быть открытым, то женой князя точно была половчанка, это известно и доказано. Связей, как видно, более чем – предостаточно. Вернемся к нашей теме, интересующий нас раздел в главе имеет характерное название.

Собака

«...Исконные кочевники, тюрки, до недавнего времени относились к этому животному как к божеству, в мифах вели от него свое происхождение; и великие правители, утвердившись над народом, заменяли родительское прозвище на титульное имя - Собака. Эта традиция, надо полагать, сохранилась с эпохи охотничества, предшествовавшей эпохе скотоводства. Собака - первый помощник охотников. От нее зависело благосостояние человеческого племени. Она - храбрый слуга народа и чуткий вождь его. Собаке дано то, чего не дано человеку: она видит запахи, идет по невидимым следам и ведет за собой человека. Качества, которыми ее наделила природа, делали собаку существом великим. Охотники поклонялись собаке-кормилице, как земледельцы - солнцу и его земным представителям - павианам, навозному жуку, рогатым животным. За тысячелетия в разных тюркских наречиях накопилось много табуистических наименований четвероногого друга - вождя. И все они побывали в разряде титульных имен. Генеалогические легенды возводят Собаку (позже Волка) в ранг прародителя тюрков. Киргизы, например, считают себя потомками Красной борзой (кызыл тайлак), к которой проявила благосклонность одна принцесса и ее свита - сорок девушек (кырк кыз). По другой киргизской легенде, эта принцесса и ее сорок девушек попробовали белой пены на берегу озера Иссык-куль, и все неожиданно почувствовали себя матерями. Но и здесь, вероятно, зарыта Собака. По-киргизски «белая пена» - ак кобок. У тобольских татар сказочный герой-предок носит имя

Ак-кобек (Белый Пес). Ак-ногайцы считают своим предком ак-кобок (Белый Пес). В огузо-карлукских наречиях - «кобок» (кобек, кобяк) - пес, собака. Кобяк (собака) - было широко распространенное между тюркскими племенами имя; у ак-ногайцев есть род «кобек» (Белый Кобек)(1). Род назывался Ак-кобек. В. А. Гордлевский не указывает на то обстоятельство, что этноним «ак-ногай» (2) является полукалькой с первичного самоназвания «ак-кобек». Имя это встречается и в Малой Азии - у Сельджукидов Рума был визирь Садэдин Кобяк. В XV веке в Турции прославлен туркменский вождь Кёпек. И, наконец, кипчакский хан, побежденный Святославом Киевским в 1184 году — «Кобяк». В «Слове о полку Игореве» о нем говорится: «и поганого Кобяка от железных плъков половецких яко вихрь выторже и падесе Кобяк в гриднице Святослава». Священное отношение к собаке-предку сохранялось долго. Если у башкирца часто умирали дети, то он, чтобы сохранить новорожденного, отнимал его у матери и подкладывал на выкорм к сосцам собаки (3). Гунны занесли в Европу легенду о происхождении Атиллы от Собаки. Венгерский вариант сюжета стал известен итальянцам. По итальянскому преданию, приведенному А. Н. Веселовским, венгерский король, задумавший выдать свою дочь за наследника византийского престола, до времени заключил ее в башню, чтобы уберечь от опасностей, грозивших ее красоте. Случилось то, чего он не ожидал: царевна зачала от собаки, которая была с ней в башне, и родила Атиллу. Согласно с этим известием итальянская иконография изображала вождя гуннов с собачьими ушами. По словам А. Н. Веселовского итальянские монахи «вменили в зазор то, что первоначально было безразлично либо считалось почетным». Монахи усмотрели в Аттиле предтечу песиглавцев, Гога и Магога.(4) Со временем представление о собаке меняется, и в некоторых племенах ее место занимает волк. О. Иакинф пересказывает уйгурскую легенду о происхождении родоначальника уйгурских ханов: хунский правитель держал свою дочь в течение трех лет запертой в башне; волк проник в башню и девица забеременела (5). Волчья голова была на знамени древних тюрков (тюку), сообщают китайские летописи. Вероятно, эти знамена видели и европейцы. Во всяком случае, легенды о песиглавцах строились на каком-то достаточно конкретном историческом факте. Так же как образ кентавра был подсказан грекам необычным зрелищем человека на коне. И. Н. Березин, выдающийся русский востоковед, первый предложил толковать титульное имя Кончак в связи с турецким кансік - сука(6). Антропоним Кончак был популярен в западнотюркском ареале. Его варианты - Канишка(7), Каниш существуют до сих пор. В казахском языке - Каныш. Праформы этого имени: 1) каніш - хищник (буквально: «кровь пей»), 2) кан ішкан - хищник (буквально: «кровь пьющий»). Первая форма древнее. Отражает эпоху в истории языка, когда первичный глагол (императив) одновременно выступал в роли существительного. Вторая форма уже ближе к современной грамматической традиции. Общетюркское кансік (канжік, каншік) - «сука» образуется от канішкан в результате ложной этимологии. Кансік - буквально: «тот, кто мочится кровью», применялось к самке волчьего и собачьего племени. Древнейшая форма кан-іш (каніш) - «хищник» отложилась в латинском термине «каніс» - собака. Может быть, идеология Собака-Вождь объяснит происхождение тюрко-монгольского титула «кан» (хан, каан, каган) и славянского каніс (кнес, кнась, князь)? В тюркских языках сложные слова не всегда сингармонизируются. Сравните казахские антропонимы - із-басар, із-багар. Первый словочлен переднеязычный, второй заднеязычный. Но слияние в монолит двух разных по качеству лексем приводит к выравниванию. Эталоном качества бывает не обязательно первый член: кан-іш дает заднеязычное слово Каныш, Каныш (титульное имя) и каніш (верховная власть, некогда — титул). Другой пример: іс-бак - «пес-следопыт», заднеязычный вариант монолита попал к славянам «сь-бак(а)». Переднеязычный сь-бѣк стал основой для кентум-формы, предшествующей огузо-карлукской лексеме кебѣк (кѣбѣк, кѣбек) и чередование к/т дает казахское слово тѣбет. Диалектический вариант із-бак приводит к титульному имени ізбѣк (Ўзбѣк). Так звали золотоордынского хана. В XV веке термин ўзбѣк стал этнонимом. Я склонен считать имена ханов Ногай, Барак(8), Ўзбѣк, Кѣбѣк, Канчак —

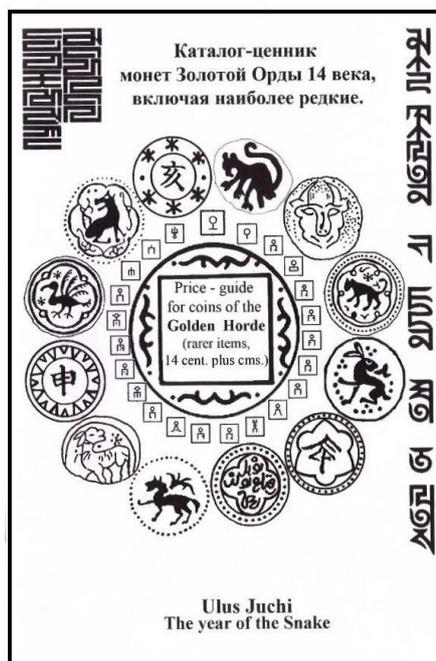
своего рода синонимами. В эту же группу включаю имена Канишка (III в. н.э.), Испака (VII век до н.э.).»

Примечания

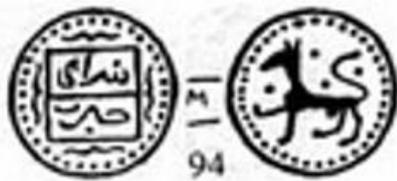
1. Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? Известия АН СССР, отд. литература, языка. Т. VI, вып. 4-6. - М., 1947. – С. 324.
2. Ногай - собака (монг.).
3. Филоненко С. Башкиры. «Вестник Оренбургского учебного округа». – 1914. – № 8. – С.304.
4. Веселовский А. Н. Истории романа и повести. - Выпуск 2, славяно-романский отдел. - СПб, 1888. – С. 307, 315.
5. О. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах Средней Азии. Ч. I. - С. 248.
6. Смотри его заметку по поводу перевода «Слово о полку Игореве» Гербелем. «Москвитянин». 1854 № 22 – С.68-71.
7. Сравни с именем-титолом знаменитого Кушанского царя «Канишка» (III в. н.э.)
8. Барак — сильный сторожевой пес (древнетюркское).

5. Монеты времён Золотой Орды и более позднего периода

Монеты из разных каталогов, либо просто найдены на специализирующихся по нумизматике сайтах. В официальных каталогах, эти животные пишутся чаще как – «зверь», но попрошу не путать их со львами или барсами на изображении монет, которых так и обозначают всегда – «лев», «барс» и они изображаются «тупомордыми», т.е. это типичное узнаваемые всеми животные семейства «кошачьих».

«Saqchi mint, AR dirkhams with name Nogay»
JUIDS' COINS MINTED IN THE WESTERN BLACK SEA
COAST AREA
Серебряный дирхем с именем Ногая. г. Исакчи

Медный пул. Сарайчик

«На рис. 5 помещен тип, в массе встреченный на городище Сарайчик. Исходя из порчи стиля этих анэпиграфных пулов, возможно предположить его долговременный выпуск».

Источник: «Медные джучидские монеты XV в.»

Изд.: Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: Москва, 17-21 апреля 2000 г.: Тез. докл. и сообщений. М., 2000. С.84-86.

noghayskie_moneti (2)

Изображение монеты найдено на когда-то работающем несколько лет назад сайте «noghay-halk.narod.ru». Описание название монет на латинице, при сохранении оставлено без изменений.

6. Комментарий со стороны соблюдающего мусульманина, молодого ученого Умархана Сеитова (г. Астрахань)

«О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас самих, или против родителей, или против близких родственников». (св. Коран Ан Ниса 135)

«О те, которые уверовали! Будьте стойки ради Аллаха, свидетельствуя беспристрастно, и пусть (даже) ненависть людей не подтолкнет вас к несправедливости. Будьте справедливы, ибо это ближе к богобоязненности. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах ведает о том, что вы совершаете». (Св. Коран 5.8)

«Основной вопрос - был ли волк /собака и в том числе «коьк боьри» (крылатый волк, сивый волк) символом ногайцев? - я отвечу утвердительно. Вопрос же все-таки лежит в иной плоскости – какое отношение должно быть к этому факту со стороны Ислама и совместимо ли это с Исламом? Однако, Прежде всего, нужно сказать слово в адрес тех, кто хочет заниматься делом возвращения к Исламу в ногайском народе, предостерегая от ошибок: Неверно, по сути, для призывающих к Исламу заниматься критикой конкретных личностей, например уважаемых Сраждина Батырова и Исы Капаева в своем призыве, несмотря на различие наших убеждений и вытекающих из них точек зрения с ними. Безусловно, необходимо придерживаться уважительного тона по отношению к ним и необходимо пояснять, что критике подвергаются не сами эти личности по себе, а именно нюансы, не соответствующие догматам Исламской религии. Даже в отношении языческих божеств Св. Коран предписывает избегать резких высказываний, чтобы вызывать не к эмоциям, а к разуму. Мы не сможем насильно принудить отказаться от крылатого волка как от публичной эмблемы, да на нас и не лежит такой ответственности: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения. Кто не верует в тагута, а верует в Аллаха, тот ухватился за самую надежную рукоять, которая никогда не сломается». Аллах - Слышащий, Знающий (2:256).

Однако мы призываем задуматься о последствиях, к которым это все может привести. Ногайцы должны знать свое прошлое, чтобы извлечь из него урок, брать то, что соответствует Исламу (все, в чем нет противоречия шариату) и остерегаться от того, что ему противоречит. В целом же Ислам пришел не разрушать, а ставить все на свое место и избавить от язычества. Вообще правильно будет применять выражение «исправление понятий» в отношении всего того, что касается нашей жизни, исправление, а не уничтожение. Касаемо «коьк боьри» - не вызывает сомнений его исходное наличие в ногайской истории и культуре, Ислам не требует от нас стирания этой памяти и отрицания корней, но требует все поставить на свои места.

Основная движущая сила и идея нашей религии – Ислама заключается в свидетельстве – «Нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха – Ля иляха илля Ллах», и его претворение в жизнь - это центральная идея, сердцевина Ислама, его начало и конец. Нам могут возразить – мы ведь не берем «коьк боьри» в качестве символа поклонения, у нас не было и нет такого намерения – на что мы ответим, что и у людей народа пророка Нуха (а.с) не было намерения поклоняться ими воздвигаемым памятникам праведных людей, однако они дошли до этого...

В любом случае надо, чтобы дело возрождения ногайского народа продолжалось продуктивно и не порождало спекуляций и искусственных противоречий. Призываю всех понять, что именно движет теми, кто практикует Ислам не на словах, а на деле. Людей из практикующих мусульман - призываю к мудрости и терпению, уважению ко всем людям в целом, и признанию своих корней, чтоб не делать непредписанного шариатом».

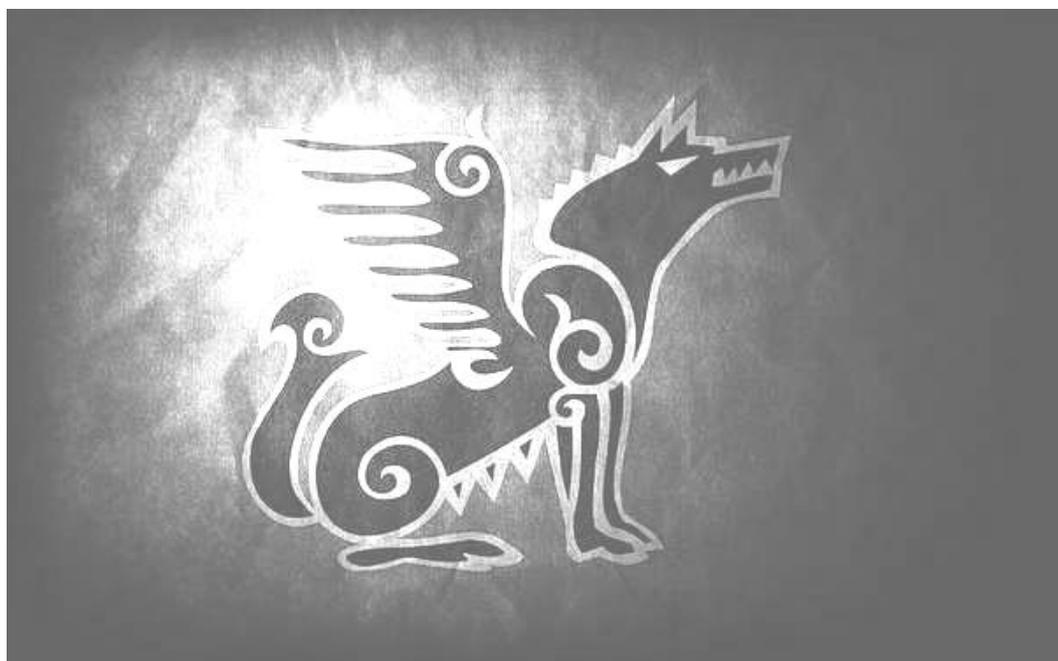
**7. Информационный международный интернет-портал «noghay.ru»
дает символу ногайского народа следующее определение:**

ЭМБЛЕМА НЕБЕСНОЙ ВОЛЧИЦЫ

Авторами эмблемы небесной волчицы («Кок Бори») являются заслуженные деятели искусств Дагестана Сраждин Батыров и Кошали Зармамбетов. Эмблема символизирует древние воинские традиции и ратную славу ногайского народа.

ОПИСАНИЕ. Эмблема «Кок Бори» представляет собой изображение фигуры сидящей крылатой волчицы, изображённой в центре полотнища светло-голубого цвета. Фигура волчицы тёмно-синего цвета, обрамлённая золотой каймой, обращена к древку полотнища. Воспроизведение эмблемы «Кок Бори» допускается без светло-голубого полотнища, в виде главной фигуры небесной волчицы тёмно-синего цвета, обрамлённой золотой каймой.

ИСТОРИЯ. Традиция изображения волков, а также волчьих голов на воинских атрибутах кочевников связана с представлениями предков ногаев – древнетюркских и древнемонгольских племён, ведущих своё происхождение от животных-тотемов. Согласно легендам, некогда тюрки были истреблены жестокими врагами, сохранившими жизнь лишь одному раненому мальчику, которого оставили умирать. От голодной смерти мальчика спасла волчица, которая выкормила и вырастила его. Вскоре волчица забеременела от мальчика. Узнав о том, что мальчик выжил, враги нашли и убили его, но волчица скрылась и позже родила десятерых сыновей, один из которых получил имя Ашина. Он стал вождём возродившегося народа тюрков. Изображения волчьих голов сохранились на наскальных рисунках древнетюркской эпохи. В поэтических текстах сами древние тюрки сравнивали себя с волками, на боевых знамёнах они устанавливали наверху в виде золотой волчьей головы.

Древние монголы почитали образ волка как своего покровителя.

Художественная эмблема «Кок Бори» (именно нынешний традиционный вариант, прим. авт.) была создана С.Батыровым и К.Зармамбетовым в 1991 году в качестве символа и талисмана праздничных торжеств, посвящённых 600-летию ногайского эпоса «Эдиге».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Образ небесной волчицы, являющейся мифологической прародительницей древних тюрко-монгольских племён, является частью ногайского культурного наследия.

Небесная волчица олицетворяет воинскую силу, волю и упорство на пути к цели. Оттенки синего цвета – светло-голубой небесный и тёмно-синий – символизируют духовный мир предков ногаев – небесных тюрков (кок тюрк), чистое безоблачное небо, спокойствие, бесконечность и гармонию вселенной. Золотая кайма символизирует солнечный свет, озаряющий мир, богатство и благоденствие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгарова Мария Амербиевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела карачаево-балкарского и ногайского языков Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Грибовский Владислав Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины

Джуманов Равиль Утемухамедович, член Союза журналистов РФ

Досмухамедов Азат Кусабалиевич, и.о. председателя Красноярской местной общественной организации по сохранению и развитию ногайской культуры и языка «Единение»

Идрисов Эльдар Шамигуллович, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Астраханского филиала РАНХиГС

Иргалиева Линара Зайдулловна, магистрант Астраханского государственного университета по специальности «История»

Ишмухамбетов Рамиль Валитович, аспирант кафедры истории России Астраханского государственного университета

Капаев Иса Суюнович, народный писатель Карачаево-Черкесской Республики

Канокова Фатима Юрьевна ФГБОУ ВПО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Капанова Аминат Исмаиловна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Капанова Оксана Булатовна, учитель родного языка СОШ им. А. Джанибекова с. Растопуловка Приволжского района Астраханской области

Карнаухова Галина Георгиевна, заместитель директора, начальник отдела по науке и экспозициям ИАК «Астраханский кремль»

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, заслуженный деятель науки РД и КЧР, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Кузеева Зухра Залимхановна – младший научный сотрудник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН г. Махачкала

Кукаева Сафият Алиевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела карачаево-балкарского и ногайского языка Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Курмансеитова Аминат Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Кусегенова Фания Анварбековна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора родных языков Дагестанского НИИ педагогики им. А.А. Тахо-Годи

Межитов Амирхан Зейнединович, заместитель главы администрации МО «Ногайский район» Республики Дагестан

Межитова Сапиет Бекмурзаевна, учитель истории Орта-Тюбинской школы Ногайского района Республики Дагестан

Нуралиев Радмир Люмирович, представитель Союза ногайской молодежи г. Москва

Суюнова Насипхан Хусиновна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела литературы и фольклористики Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Сызранов Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Астраханского государственного университета

Тепкеев Владимир Толтаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Астраханского государственного университета

Шугаинов Расул Асаевич, ведущий методист отдела информационных технологий ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры»

Элаева Айгуль Магомедрасуловна, аспирант кафедры общей истории Дагестанского государственного педагогического университета

**Ногаеведческий сборник:
Сборник научных статей. Памяти основателя современного этнокультурного
движения
астраханских ногайцев
Вып. 3.
Астрахань: Изд-во «Color», 2015.**

Печатается в авторской редакции

Редакционная коллегия:

Э.Ш. Идрисов (главный редактор), кандидат политических наук
Н.Х. Суюнова, доктор филологических наук
А.Х. Курмансеитова, кандидат исторических наук
С.А. Кукаева, кандидат филологических наук

**Отпечатано в типографии «Color»,
г. Астрахань, Б. Хмельницкого, 35,
Заказ № 1141. Печать электрографическая,
Формат 420x297 с материала заказчика, 186 с., тир. 100 экз.**